Очень понравилось!
Блестящие персонажи, горьковатая ирония
и безупречно выстроенная интрига.

Эл Эм Чилтон,
автор романа «Навсегда оффлайн»

К. Дж. Уиттл

СЕМЬ ПРИЧИН УБИТЬ ВАШИХ ГОСТЕЙ

Семь причин убить ваших гостей

К. Дж. Уиттл

Аннотация
К. Дж. Уиттл. Семь причин убить ваших гостей
Званый ужин. Ноябрь 2015 года
Винный бар. Декабрь 2015 года. Две недели спустя
Ресторан. Март 2016 года. Три месяца спустя
Паб. Август 2016 года. Шесть месяцев спустя
Лекция. Май 2017 года. Восемь месяцев спустя
Мост. Ноябрь 2018 года. Восемнадцать месяцев спустя
Похороны. Май 2019 года. Шесть месяцев спустя
Перед званым ужином. Ноябрь 2015 года. Четырьмя годами ранее
Кладбище. Май 2025 года
Благодарности

Аннотация

Приглашение на роскошный ужин? Дьявольски заманчиво… И дьявольски опасно.

Осенним вечером за великолепным столом собираются семеро гостей. Ужин организован на высшем уровне: впечатляющие интерьеры, безупречное обслуживание, изысканная кухня… Вот только эти люди не знают друг друга и понятия не имеют, кто и зачем их сюда пригласил. Таинственный хозяин вечера оставляет каждому пришедшему конверт. Внутри короткое послание: возраст, в котором человек умрет. От такого даже самых стойких мороз пробирает по коже, но худшее еще впереди. Две недели спустя умирает первый гость – ровно в том возрасте, что был указан в конверте. Затем второй.

И тогда оставшиеся осознают: запущен обратный отсчет. Кому-то отмерены месяцы, кому-то годы, но итог будет один. Или нет? Ведь кто-то собрал их тогда за столом, кто-то написал роковые числа. Значит, это не судьба, а план. И за любым планом скрывается человек, которого можно остановить. Даже

если кажется, что это сам дьявол во плоти…

Впервые на русском!

К. Дж. Уиттл
Семь причин убить ваших гостей

Знать мы не будем, что значит преклонная старость!
Не лучше ль,
Ведая цену годам, счета годов не вести!
Авсоний[1]

[1] Примечания: 1

Децим Маги Авсоний (ок. 310–394) — древнеримский поэт и ритор; строки из стихотворения «К своей жене», перевод В. Я. Брюсова. — *Здесь и далее примеч. ред.*

K. J. Whittle
SEVEN REASONS TO MURDER YOUR DINNER GUESTS

Copyright © Kerry Whittle, 2025
This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd. and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© В. О. Михайлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Званый ужин
Ноябрь 2015 года

Вивьен

Выходя из такси, Вивьен прищуривается: где-то на этой темной улице нужный ресторан.

— Что-то не видно… — произносит она, но голос тонет в реве двигателя, когда таксист давит на педаль газа. — Придурок, — бормочет Вивьен.

В ее руке, затянутой в перчатку, бренчит мелочь. Вивьен ссыпает монеты в сумочку. Никогда ей не понять, зачем давать на чай таксистам, осо-

бенно если те без умолку болтают о своих детях.

На улице морось — та самая, от которой незаметно промокаешь до нитки; сухие волосы Вивьен вьются от одной ее мысли о влаге. Она ищет в сумочке зонтик и стонет: оставила в такси! Затем в руке оказывается приглашение. Золотую надпись на нем она помнит, не подглядывая.

> «Ресторан „Серендипити“[2], Сальвейшн-роуд, 13».

Не так она представляла себе это место. Улица пропитана унынием, что не здание, то закрывшееся предприятие с ароматом рухнувших надежд. Модное капкейк-кафе, бутик ретроодежды, тематический бар… Всюду обветренные таблички «Продается». Мимо Вивьен, едва не сбивая ее с ног, толкает коляску молодая женщина, закрывая лицо от дождя. По другой стороне улицы медленно, опираясь на трость и хмуро глядя под ноги, ковыляет пожилой мужчина. Вивьен отказывается от мысли спросить дорогу у кого-либо из них и ищет номера домов на обветшалых табличках.

---

[2] Примечания: 2

От *англ.* serendipity — серендипность, интуитивная прозорливость, способность делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего не искал намеренно.

Дома номер семь, девять, одиннадцать… И тут улица заканчивается.

Все это пустая трата времени. Вивьен достает мобильный, хочет снова вызвать такси. Еще пара минут под дождем, и ее макияж стечет по лицу, а волосы вконец распушатся и встанут дыбом. Зато если она поторопится, то еще успеет на поезд в 18:28 до дома, где сунет ноги в уютные меховые тапочки и включит сериал про Пуаро.

— «Серендипити» ищете?

Тихий голос словно проскальзывает прямо ей в ухо, заставляя Вивьен вздрогнуть, а ее ноги в практичных туфлях «Кларкс» — подпрыгнуть на мокром асфальте.

— Извините, не хотел вас напугать, — добавляет мужчина, в сторону которого она оборачивается.

Пожалуй, это не совсем мужчина — скорее мальчик, думает она. Его глаза сквозь запотевшие стекла очков кажутся громадными, как у совенка. Длинные волосы намокли и свисают паклей до воротника джинсовой куртки. И весь он такой тонкий, что его легко может смыть этот дождь. Мокрый совенок.

Затем она замечает в его очках свое отражение. Смуглая кожа, вьющиеся волосы, опущенные уголки губ… Может, мальчик он и не привле-

кательный, но, по крайней мере, молодость на его стороне. Вивьен, уже перешагнувшая грань между «зрелой» и «пожилой», в последнее время чувствует себя какой-то неприметной. Она бы не удивилась, если бы, однажды взглянув в зеркало, не увидела отражения. От этой мысли внутри вспыхивает гнев пополам с беспомощностью.

— Да, — резко отвечает Вивьен. — А что?

— Я… я тоже его ищу, — почти шепчет он.

И тут она замечает в его руке знакомый конверт: плотная черная бумага с тиснеными буквами.

Подобных приглашений Вивьен еще никогда не получала, однако неделю назад она просто выбросила его в мусорное ведро и, закатив глаза, буркнула коллеге Кэт:

— Какая-то дурацкая пиар-акция. Наверняка презентация нового освежителя воздуха на бежевых диванчиках и с дешевым пойлом.

Но Кэт выудила конверт из мусорной корзины и внимательно изучила надпись.

— А по-моему, это приглашение на шикарный ужин, — сказала она, приподняв идеально изогнутую бровь. — Если вы не хотите, позвольте мне пойти? В этом месяце с деньгами туговато…

— Оно адресовано заместителю главного редактора, а не младшему редактору, — резко бросила

тогда Вивьен и выхватила у нее приглашение.

Кэт отвернулась к экрану, быстро моргая. Вивьен всегда знала, какой ее видели коллеги: противной старой девой без личной жизни, — но в одном ее мизинце больше таланта, чем в их наманикюренных, покрытых искусственным загаром руках. И бывают дни, когда ей так и хочется задушить их всех.

Когда Вивьен двадцатитрехлетней девушкой с широко открытыми глазами пришла в этот журнал, то стала лишь второй женщиной в штате. Упорный труд в конце концов сделал ее заместителем редактора, но не позволил подняться на еще одну ступень. Вивьен словно превратилась в часть интерьера в доме, где ремонтировалось все, кроме нее. И внезапно журналистки новой волны начали учить ее, как пользоваться «Фейсбуком»[3]. Одна из них — с кожей столь безупречной, что Вивьен едва могла смотреть на девушку, — даже предложила прочитать ее материал, чтобы «придать ему молодежный вайб». Та дурочка недолго у них задержалась.

---

[3] Примечания: 3

Социальная сеть *Facebook* («Фейсбук»). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации.

За время работы Вивьен в качестве заместителя в журнале сменилось пять главных. Все — мужчины, и все моложе ее.

На прошлой неделе последнее дарование — тридцативосьмилетний Дэмиан, экс-редактор журнала для подростков, с лысиной, укрытой курчавыми волосами, и крайне небрежным отношением к азам грамматики, — вызвал Вивьен в свой кабинет «на разговорчик». И огорошил ее новостью, что продажи журнала за последние полгода упали еще сильнее и возникла реальная угроза закрытия. Самого редактора это, похоже, не слишком волновало. Он с сочувственным выражением лица все поглядывал на часы. Возможно, уже получил новое предложение работы. Вивьен оставалось только мечтать о такой несокрушимой уверенности, с которой не нужно доказывать свою компетентность.

И после этого, вернувшись за свой стол, она снова взяла конверт, повертела его в пальцах. Ее имя было написано замысловатыми золотыми буквами, а кроме этого — ни имени хозяина банкета, ни даже электронной почты, куда можно было бы прислать подтверждение. Следующие два дня конверт пролежал у Вивьен под клавиатурой, и ее взгляд постоянно падал на витиеватые буквы.

В то утро, надев свое самое приличное черное платье прямого кроя от «Маркс и Спенсер», она вновь припомнила эти буквы. Нахмурилась, проведя расческой по седеющим волосам. Подняла подбородок и увидела в отражении зеркала две наметившиеся дряблые складки. «Обвисло». Какое мерзопакостное слово. Вивьен беззвучно произнесла его, и складки в зеркале дрогнули, словно в знак согласия. Старение — привилегия, в которой многим отказано, сказала она себе и потянулась за сумочкой. Она принялась размышлять о других гостях на званом ужине: возможно, там удастся завести новые знакомства, которые пригодятся, если журнал закроется; а может, ей встретится зрелый журналист, ищущий умного единомышленника. Вот тогда за бокалом хорошего вина она ошеломит его тем, что сегодня ей шестьдесят. «Да вам не дать больше сорока пяти! — восторженно затараторит он. — Ну, может, пятидесяти пяти…»

Теперь, наблюдая за тем, как этот мужчина-мальчик вытирает нос грязным рукавом джинсовой куртки, Вивьен терзается сомнениями, не зря ли она приехала сюда. Она-то думала, что направляется на пиар-мероприятие для опытных журналистов, но парень таковым совсем

не выглядит. Разглядывая улицу и придумывая элегантный способ завершить разговор, Вивьен гадает, что побудило хозяина званого ужина пригласить их обоих.

— Я Тристан, программист-фрилансер, — говорит он, робко протягивая руку.

— Вивьен, редактор журнала! — рявкает она (главный или не главный — тут нет нужды в подробностях). — Пожалуй, поеду домой; этого ресторана, видимо, не существует…

— Вы редактор журнала? Ух ты, классная работа! — лучезарно улыбается мальчик.

— Что ж, неплохая, по-своему, — отвечает Вивьен и невольно тоже растягивает губы в улыбке.

Она смотрит на кроссовки Тристана на липучках (но он ведь уже знает, как завязывать шнурки?) — из-за дождя они серые, как посудная тряпка. Да и носки, вероятно, промокли насквозь.

— Слушайте, вам пора бы где-нибудь укрыться…

— Стойте-ка! Вон той двери я раньше не замечал, — говорит Тристан, не сводя глаз с переулка в стороне от дороги.

Вивьен поднимает взгляд и видит черный двер-

ной проем. Она моргает: под дождем блестят две золотые цифры.

— Тринадцать! Должно быть, это оно! — восклицает Тристан, радуясь, как ребенок.

Вивьен невольно чувствует, как в груди зарождается волнение. Она всегда любила хорошие детективы, находя утешение в неоднократном просмотре излюбленных «Главного подозреваемого» и «Пуаро», а также в чтении Агаты Кристи. Они спускаются в переулок. Тристан толкает дверь, чтобы пропустить вперед Вивьен.

Дверь захлопывается за ними, отрезая шум вечернего городского транспорта. Вивьен слышит только свои шаги по кафельному полу и дыхание Тристана за спиной.

— Я ничего не вижу, — шепчет она, семеня вперед.

— Смотрите, вон же вывеска, — бормочет Тристан.

Когда глаза Вивьен привыкают к темноте, на стене перед ними появляется большая золотая табличка. Над лестницей вниз — строгие заглавные буквы: «Серендипити». Сердце Вивьен стучит сильнее, но она не хочет выглядеть напуганной пожилой курицей, поэтому делает глубокий вдох и идет вперед. Тянется к гладким деревянным

перилам и осторожно проверяет ступней каждую ступеньку.

— Ну, вперед! — Она старается говорить нараспев, так, словно посещение жутких званых ужинов в скрытых подземных ресторанах — ее повседневная забава.

Внизу лестницы их встречает тяжелая дверь из темного дерева с огромной золотой ручкой посередине. С другой стороны доносятся приглушенные голоса, а затем визгливый смех. Пустившееся было вскачь сердце Вивьен чуть замедляется. Даже помня, что она находится в центре Лондона и всего в нескольких метрах над головой тысячи прохожих, Вивьен на мгновение верит, что они с Тристаном попали в другой мир. Она распахивает дверь и не может сдержать изумленного вздоха. Перед ней — самый роскошный зал, какой она когда-либо видела, с пляшущим в изысканном камине огнем, со стенными панелями из темного дерева и огромными картинами маслом на них. Вивьен всегда мечтала жить в поместье, которое выглядело бы именно так. Ей бы подошли роль героини «Аббатства Даунтон» и общество благовоспитанных дам. Вивьен кладет руку на гладкий мраморный камин и смотрит на рисунок над ним. В отличие от живописных

полотен, изображающих банальные пейзажи и пухлых томных леди, это графика тушью. В центре сидящих по кругу, разодетых животных проглядывает дьявольское лицо. Вверху — павлин в цилиндре и фраке, ниже — орел, держащий весы, две дерущиеся собаки в белых рубашках и свинья в пиджаке, нацелившаяся на жареную курицу, а еще — ящерица в галстуке-бабочке и со свитком, кот с трубкой, баран в цилиндре, что так и пялится на спутницу-овцу. Может быть, в картине — подсказка к тематике сегодняшней встречи? Если все так, то Вивьен впечатлена. Совсем не безвкусный маркетинговый трюк. Подойдя ближе, она смотрит в глаза дьяволу, а тот, кажется, отвечает ей тем же. Уголок картины будто бы неплотно прилегает к раме. Она тянется к нему…

— Взгляните-ка на стол, — говорит Тристан, стоя в непосредственной близости от нее, словно испуганный малыш.

Вивьен с неохотой отрывается от картины и рассматривает круглый стол, накрытый белой скатертью, в центре комнаты. Над ним висит хрустальная люстра, в которой ярко горят белые конусообразные свечи. От люстры к столу свисают длинные зеленые лозы, обвивая ряд золотых

канделябров, словно щупальца осьминога. Стол сервирован на семь персон сверкающим столовым серебром и хрустальными бокалами. Все это тоже как из исторической драмы. Вивьен гадает: не сделают ли ее в этой разношерстной компании вдовствующей герцогиней?

— Ну, привет! — раздается громкий мужской голос с другого конца стола. — Проходите, садитесь.

Щурясь, Вивьен разглядывает темный силуэт за канделябром. Она замечает два пустых места за столом, оба с маленькими черными карточками между столовыми приборами. Карточку со своим именем, написанную в том же стиле, что и приглашение, она находит быстро. На ней — орел с весами. Справа от нее сидит худой мужчина в приталенном сером костюме с надменным выражением лица; он кивает ей. Слева от нее — прибор Тристана. Они оба садятся.

Мэттью

Вольготно откинувшись в кресле, Мэттью смотрит, как старушка и мокрый (о, с него на пол так и льет) парень подходят к столу, чтобы занять два последних места. Что ж, теперь и впрямь ничего не понятно. Женщина — одна из тех ссох-

шихся старых дев, каких по лондонским офисам пруд-пруди. Дома у нее, вне всяких сомнений, пара кошек и морозильник, полный готовых блюд. А что касается унылого паренька: слишком длинные волосы, запачканные очки, фанат устаревшей рок-музыки — судя по футболке. Сложив все это вместе, надо полагать, что зарабатывает он на жизнь, сидя за компьютером, и доходы его невысоки. Кроме новичков, за столом уже были: управляющая бельевой компанией с ботоксом и огромной грудью; старик-валлиец из полиции, явно обожающий заложить за воротник; слишком тощая блогерша, хмуро уставившаяся в телефон; и зануда-врач с телика, который так и ждал, что его все узнают. Оглядев стол, Мэттью поправляет гелевую укладку и размышляет, кто — и на кой — пригласил весь этот сброд.

— Добро пожаловать на самый загадочный званый ужин Лондона! — Старый полицейский вскакивает, протягивая свою длинную, как лопата, руку двум вновь прибывшим (у самого Мэттью все еще немного болят костяшки пальцев от медвежьего рукопожатия). — Я Мелвин. Хозяина пока не видать, — добавляет он.

— Меня зовут Вивьен. Нам не сразу удалось отыскать ресторан… — лепечет женщина постар-

ше, пытаясь одновременно пригладить волосы и пожать руку Мелвину.

— Тристан, — бормочет компьютерщик и, не вставая с места, отвечает на рукопожатие.

Парень снимает очки, чтобы протереть их салфеткой. Без очков он выглядит более уязвимым. У него прыщи, как у подростка, странноватый шрам в форме бумеранга, пересекающий скулу, а еще залысины. Похоже, он старше Мэттью лет на десять и через два-три года разменет пятый десяток.

— Приятно познакомиться. Я Мэттью, — кивает он, сидя с другой стороны от Мелвина.

Он одаривает прибывших своей самой обаятельной улыбкой и испытывает облегчение оттого, что сидит далеко от Тристана и руку пожимать не надо.

Пока эти двое снимают пальто, а Мелвин представляет им остальных гостей, Мэттью с радостью замечает, как они щурятся. Не иначе, его вид ослепил их, как и всех вокруг. Он лениво делает глоток вина, и ему даже не нужно поднимать взгляд, чтобы знать, что все шестеро гостей смотрят только на него. Всегда одно и то же, куда ни пойди. Женщины, мужчины — неважно, от Мэттью всем глаз не оторвать.

— Что ж, вино, безусловно, изысканное, — говорит он с приподнятой бровью и смотрит на управляющую компанией по производству нижнего белья, которая представилась как Джанет.

— Восхитительное, — сияет она, стреляя в него по-кошачьи янтарными глазами.

Мэттью ясно видит, что в двадцать с небольшим Джанет была великолепна, но сейчас, после сорока — по крайней мере, ему так кажется, — ее лучшие годы давно позади. Конечно, ботокс чудесным образом разгладил ее лоб, но морщинки вокруг глаз и рта безжалостно выдают истинный возраст. И Мэттью готов поспорить, что за последние пять лет она набрала лишние пару фунтов. «Грудь что надо, но за такой объем задницы пора взимать налог», — как сказали бы его коллеги из инвестиционного банка. Джанет, конечно, не может не заметить оценивающего взгляда Мэттью, и тогда по ее внушительному бюсту расползается некрасивое розовое пятно. Бюст еще и подпрыгивает, стоит ей поднять бокал и сделать три больших глотка.

— Мальбек, Аргентина, осмелюсь предположить, — ухмыляется Джанет губами, которые уже чернеют от танина.

— Ах, женщина, которая разбирается в вине, —

мурлычет Мэттью и небрежно закидывает левую руку на спинку ее стула.

Ну все, теперь эта дура будет с рук у него есть. Несмотря на многочисленные кольца на ее безымянном пальце и на очевидную разницу в возрасте, да и на то, что она провела с ним всего десять минут, он точно знает, что может хоть сейчас везти ее к себе. Она ему не очень-то и сдалась, разумеется (он уже решил дать счастливый шанс молодой блогерше Стелле), но всегда приятно попрактиковаться.

Словно вторя его мыслям, в нагрудном кармане куртки Мэттью оживает мобильник. Наверное, Робин, а может, Шармейн. Боже, это может быть любая из пяти-шести симпатичных, но уязвимых женщин, которых он выловил на разных сайтах знакомств. Время от времени он заглядывает в один из этих дрянных ночных клубов — к часу ночи можно гарантировать, что там для Мэттью найдется легкая добыча. Сраженные дорогой внешностью и дешевыми шутками Мэттью, девушки с радостью потакают его темным фантазиям, затем, сидя дома в ожидании звонков, отменяют планы с друзьями (те в конце концов перестают их приглашать) и так постепенно становятся полностью зависимы от него. И тогда

Мэттью может проделывать с ними любые трюки — любые! — и они все стерпят. В такие моменты он совершает свой фирменный разворот на сто восемьдесят градусов: просто перестает звонить. Некоторые переносят это хуже других, например Элеанор, которая долго не могла пережить их разрыв. Ей бы просто поблагодарить за несколько недель роскошной жизни, а она все забрасывала его звонками и сообщениями. Мэттью уже опасался, что придется взять дело в свои руки и каким-то образом заставить ее замолчать, но, к счастью, наконец прозрение пришло.

Покачав головой, чтобы отогнать эту мысль, Мэттью вновь вспомнил о предстоящем ужине. Когда в почтовом ящике его квартиры на Бромптон-роуд появилось черное приглашение, он предположил, что его зовут на элитный вечер для одиноких сердец. С тех пор как он согласился на упоминание в той унизительной статье в бесплатной газете («Самые горячие холостяки Лондона» или что-то вроде), его завалили приглашениями. Большинство из них оказались либо в цифровой, либо в обычной корзине. Но в этом черном конверте было что-то особенное — роскошная бумага, намек на таинственность, нечто, что пробудило его интерес. Он надеялся,

что этот вечер станет началом новых приключений и даже испытаний. А то его обычные методы с девушками уже слегка приелись.

— Ну и пейте свое изысканное вино, — обращается Мелвин к компании. — Мой напиток — пиво, и всегда им будет!

«Тело тебе спасибо не скажет, приятель», — замечает про себя Мэттью, глядя на подпирающий кромку стола живот Мелвина. Фелисити, личный тренер Мэттью, держит его тело в идеальной форме. Ее труды стоят немалых денег, но при этом она никогда не просит доплаты за приятные побочные услуги.

— Неужели я слышу валлийский акцент? — восклицает зануда-доктор Гордон. — Таких, как вы, нечасто встретишь в Уэльсе.

И за столом воцаряется тишина. Джанет закатывает глаза, глядя на Мэттью, Вивьен прокашливается, а Стелла сердито смотрит на доктора. А вот Мелвин, тот просто смеется от души.

— Точно, Гордон! В Уэльсе не так уж много черных, что делает нас еще более особенными, — произносит он, и всеобщее напряжение спадает.

Мэттью видится Мелвину хорошим полицейским, способным и усмирять размашистые кулаки, и утешить при необходимости. Однако

Мэттью такая жизнь не прельщает. Он действует тоньше, под стать трейдерской среде. На самом деле, если задуматься, его подход к работе почти такой же, как и к личной жизни: Мэттью дружит с новыми, неопытными коммерсантами, чтобы те доверились именно ему, когда все неизбежно пойдет не так. Он предлагает помощь, а затем переманивает их клиентов, прежде чем бедные детишки опомнятся. Текучка кадров в его компании столь высока, что никто, кажется, не замечает хищного подхода Мэттью, кроме разве что его начальника — но тот склонен просто восхищаться Мэттью и его впечатляющими ежемесячными результатами.

— И кто же, по-вашему, наш таинственный хозяин? — спрашивает Джанет Мэттью, и он решает вновь побаловать ее своим вниманием.

— Саймон Коуэлл? Райан Гослинг? Принц Чарльз? — с ухмылкой подмигивает он.

— Похоже на игру «Поцелуй, женись, убей», — хихикает Джанет, не отрывая взгляда от Мэттью.

Он с удовлетворением подмечает, что остальные гости затихли, прислушиваясь к беседе.

— Тогда поиграем, — бросает он вызов, медленно проводя кончиком языка по верхней губе.

Джанет откидывается на спинку стула, явно на-

слаждаясь мужским вниманием. Взгляд Мэттью перемещается с ее лица на шею: там мягко пульсирует яремная вена, гоняя от мозга к сердцу полную сладострастия кровь.

— Замуж лучше пойти за Коуэлла, чтобы больше никогда не работать, — хихикает она. — Убить — Райана: он вроде ничего, но скучноват. А поцеловать — принца Чарльза: сколько бы он ни строил из себя интеллигента в серых костюмах с запонками, но он наверняка знает, как радовать дам.

— Что бы на это сказал ваш муж?! — смеется Мелвин, но Мэттью слышит в его голосе скрытое неодобрение, — верно, Мелвин из тех мужчин, которым не нравится, когда женщины слишком раскованы.

— А какое мне до этого дело? — фыркает она и поворачивается к Мэттью: — Теперь вы: Бейонсе, Хиллари Клинтон и Николь Кидман.

Он прикладывает палец к губам, словно тщательно обдумывая ее вопрос. Выжидает несколько секунд. За столом в ожидании его ответа воцаряется тишина.

— Можно мне убить их всех? — спрашивает он наконец, чем повергает Джанет в безудержное веселье.

Дверь напротив входа распахивается, и входит группа официантов в галстуках-бабочках, все с золотыми подносами, уставленными кувшинами красного вина.

— Мне воды, пожалуйста, — просит Гордон.

Джанет закатывает глаза, глядя на Мэттью; тот подмигивает ей в ответ.

— Не знаете, хозяин скоро присоединится? — спрашивает Мелвин одного из официантов и получает в ответ легкое пожатие плечами, а затем все официанты исчезают за дверью, предположительно ведущей на кухню.

— Похоже, придется нам развлекаться самим, — говорит Мэттью, оглядывая стол: самое время побыть кудесником… — А как насчет вас… Вивьен, правильно? — обращается он к пожилой гостье, намеренно не замечая блогера Стеллу. — Как вы находите принца Чарльза?

— О боже, нет! Бенедикт Камбербэтч, вот кто в моем вкусе… — говорит Вивьен и делает глоток вина: насыщенный вкус заставляет ее блаженно прикрыть глаза.

— Фу, он же старый, — внезапно вмешивается Стелла, и голос ее гораздо мелодичнее, чем ожидал Мэттью.

— Джастин Бибер вам больше по душе? — спра-

шивает он, наконец-то строго взглянув на нее.

— Не думаю. Мне нравится Майкл Би Джордан — отличный актер, и такой стильный, — сообщает Стелла, а Мэттью отворачивается, словно та ничего и не говорила.

— Интересно, принесут ли мне воды? Здесь становится жарковато, — вмешивается в беседу доктор Гордон, промокая лоб салфеткой.

— Кому нужна вода, когда вино такое вкусное? — спрашивает Мэттью, тянется за графином и поворачивается к Джанет.

В этот момент он обращает внимание на сервировку. Под карточкой с его именем — рисунок: баран в цилиндре и с моноклем пялится на овцу. Пожав плечами, он отодвигает рисунок в сторону и предлагает графин Джанет.

— Не откажусь, — сияет она, и Мэттью аккуратно наливает темно-красную жидкость в ее бокал.

Красное вино всегда напоминало ему кровь. А сейчас, в полумраке «Серендипити», напоминает еще больше.

Стелла

Стелла переводит взгляд с красавчика Мэттью на Джанет, чьи лучшие годы уже позади. Затем обратно. Ну охренеть, как это понимать? Чего это

он ею заинтересовался? Конечно, у нее огромная грудь, но она вся из себя крупная и годится ему в матери… наверное. Ее взгляд скользит по точеным скулам Мэттью, его длинным ресницам; кажется, Стелла где-то его видела. И тут — озарение: он был в статье, которую она недавно читала, а называлась статья «Самые завидные красавчики Лондона» или как-то так. Автор явно выделяла одного конкретного красавчика с темными глазами — Мэттью, которого она назвала «убийственно привлекательным» (да ладно!). В статье был указан и размер состояния каждого ее «героя», и, насколько Стелле помнится, Мэттью не так богат, как ее отец. Но он определенно на верном пути. Она оценивающе смотрит на его костюм (явно из какого-нибудь шикарного ателье на Сэвил-Роу), на золотую печатку на мизинце. Она уже давно зареклась с кем-то встречаться, но, возможно, для Мэттью сделает исключение. В конце концов, отец грозится снова лишить ее денег, и ей нужен запасной вариант. А у Мэттью есть потенциал. Увы, пока он едва ли взглянул в ее сторону.

Вздыхая, Стелла размышляет, не совершила ли она ошибку, придя сюда. Приглашение выглядело дорогим; она предвкушала роскошные подарки,

несколько бокалов шампанского и, возможно, какой-нибудь эксклюзивный контент для своего канала. А все, что она получила, — унылый званый ужин с тошнотворным красным вином и кучей фриков. Не говоря уже о расисте в придачу. Да, она все еще злится из-за того, что этот шарлатан отпустил комментарий насчет Мелвина — чернокожего валлийца. Ее мама из Ганы, а папа белый, так что годам к двенадцати у Стеллы уже уши в трубочку сворачивались от подобных замечаний. Мелвину стоило бы порвать хилого доктора на куски, а он просто рассмеялся. Это бесит!

Стелла снова берет телефон и заходит в свой аккаунт на «Ютубе». Перед самым выходом она выложила новое видео о том, где и по какому случаю носить ковбойские сапоги и как найти идеальную пару, не тратя сотни фунтов. Юные подписчики уже оставили под ним десятки благодарных комментариев. Ее аудитория растет быстрее, чем у ее конкурентки, Героини Хайстрит, а еще недавно со Стеллой связались два новых спонсора — вот что действительно важно. А не учить нищих подростков, как нормально одеваться. Бог знает, почему им кажется, что масс-маркет идет хоть в какое-то сравнение с

дизайнерской одеждой, но они жадно глотают любую чушь, и кто она такая, чтобы их разубеждать? Глядя на свои ковбойские сапоги от Версаче — подарок отца на двадцать второй день рождения, — Стелла благодарит судьбу за то, что ей не нужно связываться с дешевыми подделками.

Можно сказать, сейчас она увлеклась модным видеоблогингом. После того как ее выгнали из школы (будто она что-то украла у этих заносчивых стерв!), отец находил для нее стажировку в разных местах. Но она возненавидела каждую секунду, что ей приходилось таскать боссам чай и ксерокопии, и вдобавок ей даже не платили. И вот однажды, несколько лет назад, Стелла запустила аккаунт на «Ютубе». То, что начиналось как небольшое хобби, быстро переросло в «феномен» (цитата из «Дейли миррор»), число просмотров и подписчиков на ее канале взлетело. Спустя пару месяцев ее стали звать на вечеринки всякие звезды шоу-бизнеса и крупные блогеры; ее просили поделиться секретами успеха; она получала всевозможные подарки по условиям сотрудничества на «Ютубе»: одежду, аксессуары, косметику, первоклассные блюда в мишленовских ресторанах, шампанское ящиками и так далее. Конечно, Стелла могла и так позволить себе подобные

развлечения, но суть не в этом.

Быстрым движением большого пальца Стелла выходит из своего аккаунта StellaStylez и заходит в другой. Она улыбается про себя, видя комментарии, которые там появились: сплошь крики и восклицания. Она представляет слезы и боль подписчиков, и даже страх, вызванный ее словами; мгновенно ее охватывает воодушевление, словно кровь начинает быстрее бежать по телу. Она чувствует себя такой… живой.

— Так ты занимаешься модными трендами? — вдруг спрашивает старуха Стеллу, говоря через сидящего между ними доктора Гордона.

— Ага, — бормочет Стелла и неохотно кладет телефон на стол, экраном вниз. — У меня канал на «Ютубе» с почти полумиллионом подписчиков.

Стелла видит, что гости за столом впечатлены, не считая зануды Тристана. Тот просто давится вином.

— О, превосходно! Кажется, моя дочь, Луиза, любит смотреть подобные передачи. Ей четырнадцать, — вмешивается Гордон.

«Нет, только не надо тут скучных рассказов о твоей дочке…»

— А вы врач? — спрашивает Стелла, пытаясь сделать заинтересованный вид: в школе-интер-

нате ей вдалбливали важность светских бесед наряду с другими полезными навыками вроде фокстрота и умения использовать нужную вилку.

— Полагаю, вы меня не узнали, — откашливается он, поправляя нежно-голубой галстук. — Я регулярно появляюсь в «Утреннем шоу»…

— А-а-а. Что ж, я не из тех, кто рано встает. — Стелла пожимает плечами и снова тянется к телефону.

Почему никто не сказал этому мужику, что узкие галстуки допустимы только на костюмированных вечеринках?

— Ничего страшного. — Он откидывается на спинку стула. — Я врач-диетолог и довольно часто появляюсь на телевидении, обсуждая последние модные диеты и все такое.

— О дорогой, теперь я вспомнила, где вас видела! — кричит Джанет, сидящая с другой стороны от Стеллы. — Вы как раз на днях назвали «чокнутой» какую-то бедную актриску из-за ее диеты на кленовом сиропе. А я только собиралась им закупиться…

— Ну, не уверен, что я именно так выразился… — бормочет доктор Гордон, протирая свою вилку салфеткой.

— Зато теперь у ее бедер появился шанс стать тоньше, — бормочет Стелла.

Ее игнорируют прямо-таки с царственным видом: теперь Джанет пристально смотрит на доктора, а тот садится в кресле чуть прямее.

Наверняка она надеется получить пару советов, как самой немного похудеть. Платье на ней, безусловно, дизайнерское, но из него все выпирает. А вот кольца на пальцах действительно красивые, вынуждена признать Стелла: в камушке на обручальном, похоже, три карата, а то и четыре.

— Вы не найдете убедительных научных доказательств в пользу такой диеты, — говорит Гордон, обращаясь к Джанет, откладывает теперь уже сверкающую вилку и возвращается к теме: — Более того, из-за нее могут возникнуть проблемы как с сахаром, так и с инсулином. А кратковременная потеря веса обернется его набором, едва только человек вернется к нормальной пище…

— О, да кого я обманываю, — усмехается Джанет, перебивая доктора. — Как будто я смогу жить без красного мяса!

Стелла закатывает глаза, больше не желая слушать этот нелепый разговор. Раз игристого не подали, стоит, так уж и быть, попробовать красного вина. Она наклоняется над столом, ото-

двигая приборы (и странную картинку ящерицы со свитком), берет бокал. Вино со вкусом черной смородины чуть горчит, но затем легко скользит в горло, и по телу разливается приятное тепло.

— Непривычный напиток? — спрашивает ее Мэттью, глядя своими темными глазами с другого конца стола (наверняка они темно-карие, хотя в этом неясном свете кажутся черными).

— Предпочитаю шампанское, — качает она головой.

— А знаете, как определить хорошее вино? — Его голос почти шелестит на фоне крещендо доктора Гордона и Джанет («А как насчет детского питания?»).

Стелла делает глоток и вновь качает головой, заправив прямые как палки волосы за ухо и теперь хмуро глядя на свои темно-красные ногти.

Мэттью берет бокал за ножку, медленно пьет; красная жидкость волнуется за стеклянными стенками и омывает их, будто крошечные волны.

— Видите? «Ножки», — бормочет он, не отрывая взгляда от бокала.

Она наблюдает, как волны медленно стекают вниз длинными полосами, похожими на ноги.

— О да, вижу, — лучезарно улыбается она.

На миг Мэттью возвращает ей такую же улыбку, обнажив острые белые резцы; затем улыбка исчезает, и он поворачивается долить полицейскому, оставив Стеллу глупо ухмыляться.

Чувствуя себя идиоткой, Стелла возвращается к своему бокалу и пытается повторить то, что делал Мэттью. Но вино переливается через край и оставляет красные пятна на ее белой салфетке.

Со вздохом она допивает вино, затем наливает себе второй бокал и делает большой глоток, который дается гораздо легче.

Очертания комнаты уже подернуты дымкой, словно старые фотографии в маминых фотоальбомах из восьмидесятых. Картинка и ощущения ей нравятся, так что Стелла откидывается на спинку стула и внезапно находит кокетство Джанет скорее забавным, чем раздражающим.

— Так вы свободны, Мэттью? — спрашивает Джанет. — Или дома вас ждет избранница?

— Я все еще в поисках, — отвечает он ей. — Может, вы мне с этим поможете?

Джанет хихикает, откидывая светлые волосы за спину, а Мэттью ловит взгляд Стеллы и на долю секунды подмигивает ей. Ее охватывает дрожь возбуждения. Возможно, сегодня вечером она все-таки сможет немного отвлечься.

Тристан

Тристан, глядя на свои обкусанные ногти, внимательно прислушивается к разговорам вокруг. Шум голосов то нарастает, то затихает, отдельные слова повисают в воздухе, словно мультяшные реплики. «Таинственный… Серендипити… Знаменитость…» По правде говоря, Тристан не помнит, когда в последний раз был на званом ужине. Возможно, еще студентом, когда он делил пиццу с такими же, как он, айтишниками. Загибая пальцы, он вдруг осознает, что уже пять дней не разговаривал с живыми людьми. Толчея в зале, их громкие голоса, разность характеров и разброс мнений — все это вызывает у Тристана головную боль. Он только и хочет, что сбежать отсюда, запрыгнуть в поезд метро и вернуться домой, в безопасность его квартирки в Мэнор-Хаусе.

— Боже упаси! Они портят людям не только фигуру, но и все веселье! — кричит Джанет через стол на вопрос Мэттью о том, есть ли у нее дети.

Накрашенные красной помадой губы широко распахнуты, а необычные желто-зеленые глаза искрятся юмором. Все это кажется таким наигранным, и Тристан задумывается, искренна ли хоть в чем-нибудь эта женщина. Он бросает

взгляд на журналистку Вивьен справа от себя, чей острый профиль с неприкрытым отвращением обращен к Джанет. Она из тех, чьи мысли сразу отражаются на лице, и сейчас на нем написано, что Джанет ее не впечатляет — как и, похоже, все остальные гости.

Когда Тристан столкнулся с ней на улице, он заметил, как Вивьен оценивала его непривлекательную внешность, насквозь вымокшие волосы и старую джинсовую куртку. Она тут же списала его со счетов, посчитав незначительным; вероятно, уже подумывала притвориться, что не знает ни о каком званом ужине. Ее выдало приглашение в руках, так что ничего не оставалось, кроме как признаться, что она тоже ищет ресторан. Когда он указал на дверь, Вивьен проскользнула мимо него и спустилась по лестнице с видом хозяйки, назначившей его своим оруженосцем. А едва войдя в зал, она тут же отстранилась от него и принялась искать здесь кого-нибудь более интересного, живого и приятного, нежели Тристан.

Его рука инстинктивно потянулась к шраму на скуле; кончик указательного пальца идеально лег в ямку, оставленную ботинком хулигана. Рана зажила, но вмятина навсегда останется напоминанием о той ночи. Тристан смотрит

на свою старую футболку с логотипом «Металлики» и думает, что, наверное, стоило одеться получше. Джанет явилась чуть ли не в бальном платье; Мэттью и Гордон — в костюмах; Стелла — в обтягивающем черном платье и ковбойских сапогах, а в ушах сверкают бриллианты. В последнее время Тристан редко задумывался о своей внешности, но сегодня, перед тем как одеться и выйти в свет, он стоял голышом перед зеркалом в ванной и размышлял: откуда вообще взялся этот сорокалетний мужик? Казалось, всего несколько месяцев назад ему не было и двадцати, и перед ним расстилалось захватывающее и, возможно, многообещающее будущее. В последнее время он отрастил волосы, зачесывая их на лоб, чтобы те скрыли самый некрасивый участок лба. Как несправедливо, что волосы исчезают, а прыщи все еще мучают… Затем его взгляд упал на обвисший живот, на который, как ни странно, словно переселились волосы с головы. В последнее время он ловит себя на привычке поглаживать его, как это делают беременные женщины.

Тристан уже был готов к выходу, когда зазвонил домашний телефон. Звонить мог только один человек. Он помедлил, прежде чем решил, что все-таки стоит с этим разобраться.

— Почему ты так долго не отвечал? Ты меня до смерти напугал! — взвизгнула мать.

— Я уже стоял на пороге.

— О, ты встречаешься с Элли?

— Нет, мама, между нами все кончено, помнишь? — вздохнул он.

— Какая жалость! Ты так и не рассказал, чем ты ее отпугнул…

— Мам, мне пора. Позвоню тебе завтра. — Тристан топтался на месте.

— Ладно, иди. Ты принял витамины, которые я прислала? Мюриэль, соседка, сказала, что они помогают ее сыну от прыщей. Ему уже восемнадцать, и он только что поступил на медицинский в Эдинбурге.

— Да, мам, я их принимал, — пробормотал он, стиснув зубы: пожалуйста, хватит.

— И не забудь, что завтра отец приедет посмотреть твой бойлер…

По дороге в ресторан Тристан вспоминал летние месяцы, проведенные в отчем доме. На его переезде настояла мать, мечтавшая «присматривать» за сыном после его расставания с девушкой. Поначалу все было не так уж плохо: она кормила сына всеми любимыми блюдами его детства, включая пастуший пирог, лазанью, домашнюю

картошку фри и белую колбасу. Тристан, завернувшись в одеяло, целыми днями сидел в постели в своей детской спальне в обнимку с ноутбуком словно младенец Иисус, только огромный и решивший ото всех спрятаться. Но однажды воскресным утром, когда родители были в церкви, он от скуки забрел в их спальню и нашел коробку под кроватью. Почему он просто не оставил ее там? Зачем его потянуло копаться в старых секретах?

Теперь, сидя за столом среди этих шумных, грубых людей, он с тоской думает о своей тихой квартире и даже об уютном родительском доме. Все же он заставляет себя вслушаться в разговор. Все пытаются понять, кто организовал этот званый ужин, но Тристан не может думать об этом сейчас: разум и так перегружен. Он не проронил ни слова с тех пор, как сел за стол. Нужно что-то сказать.

— Все это так похоже на вечер детективных игр, — бормочет он.

Они были на подобный вечере с Элли, и он возненавидел каждую проведенную там секунду. Его зубы сжимаются, челюсть так и ходит туда-сюда от воспоминаний. Слова Тристана пролетают над столом и рассеиваются, как сигаретный дым,

пока остальные гости наблюдают за возобновившимся мучительным флиртом Мэттью и Джанет. Глядя на Мэттью, Тристан замечает ореол вокруг его густых каштановых волос, создаваемый светом свечи; в глазах же Мэттью таилась темнота, как в глубоких колодцах. Вивьен, по крайней мере, поздоровалась с Тристаном, прежде чем забыть о нем, а Мэттью разве что скользнул по нему взглядом, затем ненадолго остановившись на Вивьен, чтобы блеснуть своими люминесцентными зубами. Мужчина постарше, Мелвин, был рад приветствовать их обоих и представил Джанет, которая не сводила глаз с Мэттью. Стелла на мгновение оторвалась от телефона, чтобы неохотно помахать Тристану, а от доктора Гордона он удостоился короткого кивка.

Когда Мэттью смеется, а Джанет в ответ ухмыляется, Тристан сдержанно вздыхает и отворачивается. Его взгляд замирает на карточке перед ним, на которой изображен бульдог в белой рубашке с поднятой, сжатой в кулак лапой. Он приглядывается к пальцам пса, похожим на человеческие, начинает считать: два, три, пять, семь, одиннадцать, тринадцать…

Нарядные официанты возвращаются в зал и встают элегантным кругом за каждым стулом.

Синхронным движением они ставят перед гостями семь тарелок.

— О боже, я умираю с голоду! — стонет Джанет.

— Фуа-гра! Обожаю, — лучезарно улыбается ей Мэттью, и та также отвечает улыбкой.

— Вы точно уверены, что здесь нет семян кунжута? Я аллергик, — говорит доктор Гордон официанту и видит кивок.

— Кто-нибудь объяснит нам, для чего мы здесь собрались? — спрашивает Вивьен, но официанты уже выходят из зала.

— А еще говорят, что бесплатный сыр только в мышеловке, — усмехается Джанет и берет столовые приборы.

Тристан смотрит на бежевый квадратик перед собой — тонкие, как вафля, крекеры. У него с утра во рту не было ни крошки, но эта еда не слишком аппетитна на вид. Джанет же ловко намазывает тягучую субстанцию на крекер и отправляет его на свой розовый язычок. Потом в явном восторге закрывает глаза. Тогда Тристан нерешительно берет нож и зачерпывает немного фуа-гра. Но как только его нож касается крекера, тот вмиг неаппетитной горкой рассыпается на тарелке.

— Странная еда? — спрашивает Мелвин, улыбаясь Тристану.

— Я никогда ничего подобного не ел. Не привык к дорогим ресторанам, — отвечает Тристан.

— Я тоже, так что давайте насладимся по полной, — говорит Мелвин и, схватив десертную ложку, зачерпывает немного фуа-гра и поломанных крекеров со своей тарелки.

— Отличная идея, — усмехается Тристан, пытаясь проделать все то же, что и он.

Он поднимает взгляд и видит пренебрежительный взгляд Джанет, которая затем снова жадно обращается к Мэттью, расспрашивая его об опыте свиданий.

Несмотря на малопривлекательный вид — и печальное происхождение, — фуа-гра невероятно вкусное. Тарелка Тристана быстро опустошается. Его вкусовые рецепторы ликуют: эти бедняги больше привыкли к тостам с фасолью.

— Мне казалось, парень вроде вас будет каждый вечер ужинать в Сити, — произносит Мелвин, сделав большой глоток красного вина.

— Мне больше нравится заказывать еду на дом и приглашать друзей, — отвечает Тристан, причем лжет лишь наполовину: он всегда заказывает еду по пятницам и субботам, но никогда не ест ее с друзьями.

— Мы с женой часто выходили куда-то, когда

только поженились, но сейчас нам редко это удается… Она восстанавливается после химиотерапии… — Впервые голос Мелвина звучит едва ли не шепотом, а на лице его возникает странное выражение.

— О, как жаль это слышать. У моего отца несколько лет назад нашли рак простаты. А сейчас он чувствует себя отлично… — говорит Тристан, но Мелвин сразу же его перебивает:

— Это хорошо. Уверен, и с моей женой все будет в порядке. Мэри — очень сильная женщина. Еще вина?

Тристан кивает и смотрит, как Мелвин машет официанту, посылая его за новой бутылкой. Улыбка Мелвина вновь полна добродушия. Очевидно, он не хочет обсуждать болезнь супруги, но почему-то вид принял не грустный… а скорее виноватый. Странно.

Гордон

Гордон попросту не в силах оторвать глаз от Джанет, которая жирным слоем намазывает густое, липкое фуа-гра на крекер. Она даже не заметила, что испачкала в этой субстанции собственный палец, ведь все ее внимание поглощено едой. Словно в замедленной съемке, она

поднимает крекер, ее кроваво-красные губы разлепляются, демонстрируя Гордону подлинный стоматологический шедевр, и крекер исчезает у нее во рту. Только тут Джанет наконец замечает бежевое пятнышко на своем большом пальце и запускает его вслед за крекером в алые глубины рта. Гордон старается не замечать подергивания в паху.

Уставившись в свою тарелку, он берет на нож немного фуа-гра и аккуратно намазывает паштет на крекер. Фуа-гра состоит в основном из утиного жира, и оно, безусловно, калорийно, но, откровенно говоря, мононенасыщенные и полиненасыщенные жиры в небольших количествах могут быть уместны в сбалансированном рационе. Гордон берет бокал и пробует красное вино, трижды прополаскивает им рот, а затем глотает. Зная, что вино способствует снижению риска сердечно-сосудистых заболеваний, он позволяет жене, Элизабет, раз или два в неделю побаловать их обоих бокальчиком. Элизабет всегда уговаривает Гордона позволить себе еще бокал, но он неизменно напоминает ей, что вся польза от вина ограничивается первым бокалом. Как он всегда говорит жене, главное — мера, и этого правила Джанет явно не знает.

Гордон изо всех сил старается сохранить лицо бесстрастным, наблюдая, как она проделывает то же самое со вторым крекером. «Как же ты отвратительна!» — чуть не рвется вопль из глубин его души. Он вспоминает, как в медицинском колледже ему и сокурсникам приходилось проводить вскрытия. В первый раз примерно половина группы не удержала содержимое желудка, а парочка студентов упала в обморок прямо на месте. Но вот Гордон старался запечатлеть в памяти каждую секунду. Он наслаждался тем ощутимым давлением, с которым скальпель вонзался в мертвую кожу; его завораживало то, как идеально внутренние органы примыкают друг к другу. Его куратор был поражен сосредоточенностью юного Гордона. Это воспоминание до сих пор вызывает у доктора улыбку. Глядя теперь на Джанет, он представляет себе слой жира под ее кожей, если рассечь ее скальпелем. Желтый, плотный слой. Возможно, одно это зрелище приучило бы ее к умеренности.

Не спеша прожевывая скромную порцию фуагра (ровно тридцать два раза, чтобы помочь пищеварению), доктор на мгновение прикрывает глаза от удовольствия. На вкус и впрямь восхитительно. Тихий голосок в голове нашептывает:

«Давай, Гордон, ешь. О последствиях подумаешь позже». Он смотрит на тарелку, берет второй крекер и намазывает сверху еще чуточку фуа-гра. Снова медленно жует и проглатывает, прежде чем отодвинуть тарелку, — прочь искушение. К оставшимся трем крекерам и порции фуа-гра он больше не притрагивается. В этот момент он замечает свою сервировочную карточку: весьма лестно, что на ней так аккуратно выведено «Доктор Гордон Макмиллан» вместе с крошечным рисунком павлина в цилиндре. Павлин выглядит весьма представительно, заключает Гордон, присмотревшись. Может, это эмблема какого-нибудь престижного общества почетных лекторов? На мгновение доктор позволяет себе просиять.

— Передавайте, передавайте, если не хотите есть! — суетится Джанет, потянувшись через весь стол к тарелке Гордона.

— Может быть, я еще доем, — отвечает он чуть быстрее, чем намеревался, отодвинув тарелку подальше от нее.

Джанет заметно фыркает, что заставляет Гордона подавить смешок, и снова смотрит на Мэттью. Она ведь даже не понимает, какой нелепой кажется всем вокруг! Как будто этому молодому, спортивному парню нужна полная женщина

средних лет!

— Ну же, Гордон, налетайте! — грохочет Мелвин через стол, словно кричит на судью по регби. — Вашим костям не помешало бы немного мяса!

— Спасибо, Мелвин. Пожалуй, я возьму еще, — говорит Гордон и осторожно берется за нож.

Он искоса смотрит на откинувшегося на стуле Мелвина, пока тот смеется над какой-то шуткой Мэттью. До чего же некрасиво трясется его живот. Неудивительно, что полиция переживает тяжелое время, раз в ее рядах есть такие представители.

— Похоже, из тебя вышел бы неплохой крыльевой; и вообще, нет спорта лучше регби, — говорит Мелвин Мэттью.

Гордон мысленно закатывает глаза. Его отец тоже любил регби, был ярым болельщиком клуба «Эдинбург» и не мог понять, почему Гордон предпочитает грязной спортплощадке тихое чтение в спальне. И это Гордона тоже раздражает: мир так зациклился на спортивных «героях», что совсем забыл про ученых, а ведь те каждый день спасают жизни и действительно меняют мир к лучшему.

— Сочувствую вам по поводу жены, — произносит Гордон, устав от этой бессмысленной спортивной болтовни.

Улыбка Мелвина быстро исчезает, и он серьезно кивает.

— А вы знали, что приверженность здоровому питанию помогает снизить риск онкозаболеваний? — продолжает Гордон. — Одно лишь ожирение может спровоцировать развитие тринадцати различных видов опухолей.

— Ну, Мэри точно не страдает ожирением, — огрызается Мелвин и резко, с громким звоном, кидает на стол столовые приборы, заставив гостей замереть.

— О, у меня и в мыслях не было такое предполагать, — ободряюще улыбается Гордон полицейскому. — Я к тому, что в любых ситуациях стоит отдать предпочтение фруктам и овощам, а также цельнозерновым продуктам и белку. При этом — избегать красного мяса, алкоголя и сладкого.

— Выходит, сегодняшний ужин вряд ли сделает нас долгожителями, — вмешивается Вивьен, сидящая слева от Гордона.

Он бросает взгляд на холодные голубые глаза Вивьен, которые пристально смотрят в ответ. Иногда на него вот так же смотрит Элизабет, когда он, по ее мнению, «сказал лишнего».

— Все должно быть в меру, как я всегда говорю, — бормочет он, на мгновение взглянув на

Джанет.

Элизабет предупреждала мужа, что ему свойственно чрезмерное «морализаторство» по поводу здорового питания. Но как без этого обойтись? Разговор за званными ужинами естественным образом переходит на еду и напитки; нельзя же упустить возможность просветить других.

Гордон возвращается к своей тарелке, и разговор за столом переходит на недавние крестины королевского чада, принцессы Как-ее-там. Он вздыхает, не понимая интереса окружающих ко всяким именитым спиногрызам, которым просто повезло родиться в правильной семье.

«Боже, фуа-гра восхитительно», — не может отрицать он. В своей семье он тщательно следит за тем, чтобы Элизабет с Луизой соблюдали строгую, сбалансированную диету. Луиза дуется: «Я как в лагере для похудения», и это наводит его на мысль, что, когда их с матерью нет дома, она дополняет свой рацион снеками с высоким содержанием сахара. Он же видит, как дочь полнеет, как округляется зад, как у нее временами трясутся руки.

— Она просто подросток, и у нее половое созревание. Не донимай ее, — предупредила Элизабет, стоило ему высказать свои опасения.

Но, в самом деле, разве хорошо, когда в семье уважаемого и известного специалиста-диетолога — дочь с лишним весом? Это делает из него лицемера. В отсутствие Элизабет Гордон время от времени рассказывает дочке о взаимосвязи жирной пищи с целлюлитом и акне. Он всегда гордился тем, что может говорить с подростками на одном языке. Этому его научила работа на телевидении, и, боже, он наслаждается там каждой секундой. Направленный на Гордона объектив камеры заставляет его чувствовать себя супергероем, мировым лидером, членом королевской семьи. Наконец-то у него появился шанс просветить простых людей! К несчастью, его зовут куда-то лишь раз в несколько недель, поэтому, когда Гордон увидел на своем столе приглашение на сегодняшний ужин, он надеялся встретить здесь представителей СМИ и раздать им свои новые визитки. Павлин на сервировочной карточке навел его на мысль о встрече спикеров. Но чем дольше он слушает здешние разговоры, тем менее образованными кажутся ему эти люди.

Затем доктор смотрит на свою тарелку и с ужасом понимает: она пуста. Неужели он сам съел эту огромную порцию? Невозможно! Но ведь больше некому. Все остальные либо болтают, либо

доедают собственные закуски. Внезапно жар от открытого пламени показался ему нестерпимым, а швы пиджака начали врезаться под мышки.

— Извините, я на минутку, — бормочет он Стелле справа и Вивьен слева.

Ни одна из них не отвечает и даже не подает виду, что услышала.

Гордон обходит стол, толкает тяжелую дверь, через которую они вошли сюда всего час назад. Напротив него — лестница наверх, справа — еще одна деревянная дверь с надписью «WC». Толкнув дверь, он обнаруживает внутри довольно элегантную уборную с кушеткой, огромным зеркалом в дорогой серебряной раме, большими фарфоровыми раковинами и аккуратной стопкой одноразовых полотенец. Он направляется прямиком в единственную кабинку и запирается внутри. Развернувшись лицом к унитазу, он прислоняется к двери и позволяет себе сползти на корточки. Унитаз идеально чист, ни пятна, ни пылинки. Это достойно его персоны. Гордон делает глубокий вдох и наклоняется, облокачиваясь на колени; ткань его облегающих брюк натягивается на бедрах.

Затем он что-то улавливает… Скрип двери, шаги? Кто-то идет. Но они не услышат, и запаха не

почувствуют, никто ничего не заподозрит. Если о его привычках станет известно, набирающей обороты растущей телевизионной карьере придет конец. Доктор быстро встает и спускает воду. Покинув кабинку, он смотрит на себя в зеркало: на лбу виден пот, щеки слегка розовеют. Он хватает полотенце, вытирается, бросает его в мусорное ведро и проскакивает за дверь. Оглядевшись, Гордон успокаивается: коридор пуст, и можно вернуться в зал.

Джанет

Любуясь прекрасным молодым банкиром по правую руку, Джанет впервые за много месяцев чувствует себя живой. Когда на прошлой неделе секретарь передал ей стопку почты, ее внимание сразу же привлек толстый черный конверт. Как управляющая компанией по производству нижнего белья «Шепот Софи», Джанет каждый день получает всевозможные приглашения, но, открыв этот конверт и прочитав текст, она почувствовала себя заинтригованной ореолом таинственности и обещанием полноценного ужина вместо глупых канапе. Видит Бог, ей сейчас нужна хоть какая-то интрига в жизни. Сегодня утром она снова завтракала в молчании. Ее муж, Билл,

левой рукой листал «Файненшл таймс», а правой запихивал в рот разом бекон, яичницу и тост с маслом. Яичный желток стекал по его подбородку, но он этого не замечал, продолжая жевать и глотать, жевать и глотать.

— У тебя на галстуке кусочек яичницы, дорогой, — сказала Джанет, но даже это не заставило его поднять глаза и обратить внимание на ее платье с глубоким вырезом, которое она специально подбирала для званого ужина.

— О нет, это же мой лучший костюм, — пробормотал он, хватая салфетку.

Видя тщетные попытки Билла стереть желток, Джанет пыталась вспомнить времена, когда они болтали до поздней ночи, когда они танцевали — бедро к бедру — в переполненном клубе. Воспоминания ускользали от нее, как рыбки в бурлящем потоке. А может, ей все это просто приснилось?

— Буду поздно, — сказала она ему. — Корпоратив. Не жди меня.

— Хорошо, дорогая, — пробормотал он, вновь целиком отдаваясь газете и недоеденному, но так и не забытому английскому завтраку.

Поднимаясь из-за стола, Джанет на мгновение задумалась, мог ли такой, как Билл, вести

двойную жизнь или иметь тайные страстишки. Азартные игры, наркотики, женщины? Но то, с каким удовольствием он уплетал еду, со все еще размазанным по подбородку желтком, как у младенца, не позволяло верить даже в последний вариант.

— Ты уже звонила Кэролайн? — вдруг спросил Билл, наконец взглянув на жену. — Она хочет поговорить с тобой о крестинах.

— Э-э… Еще нет. Посмотрим, найдется ли у меня время сегодня днем, — проговорила застигнутая врасплох Джанет.

— Нельзя же вечно делать вид, что ребенка нет, — сказал Билл. — Она наша единственная племянница, и прелестная к тому же.

— Я не делаю вид, Билл, — резко ответила Джанет. — Я просто была занята.

Схватив любимую сумочку от Шанель, Джанет сердито посмотрела на свое отражение в зеркале в коридоре. Ну конечно, Биллу нужно было упомянуть ребенка именно сейчас и испортить ей все настроение. Да, избегать знакомства с ребенком родной сестры — дурной тон, и вдобавок, сколько уже этой малышке? Восемь недель? Билл не мог понять, что нашло на Джанет. А у нее, сколько бы лет ни прошло, в душе зарождалась

щемящая печаль при виде любого ребенка, особенно новорожденного.

— Новое платье? — прокомментировал Билл, подойдя к ней сразу, как утер желток с подбородка.

— Да, как оно тебе?

— Тесновато. — С хмурым видом он оценивающе взглянул на жену. — Может, начнешь покупать на размер больше? Или вспомни про абонемент в спортзал, хотя цены там грабительские.

Джанет молча кипела от злости, глядя на его ухмылку. Как смеет он обсуждать ее размеры? Она закрыла глаза и вызвала в памяти образ, который так утешал ее в последнее время: мертвый, холодный Билл в постели рядом с ней. Конечно, она немного погрустит, зато ее жизнь станет не в пример лучше. Из нее получилась бы сексуальная молодая вдова… Она глубоко вздохнула, накрасила губы излюбленной алой помадой и скрестила пальцы в надежде на приключение.

Не сводя с Мэттью сладострастных глаз, она гадает: может, этот молодой красавчик и есть ее приключение? Она уверена, что сможет многому его научить. В том, что касается жизни… касается женщин… Ей ведь не впервой искать любви на

стороне. Это даже не второй и не третий раз…

— Боже мой, фуа-гра было потрясающее, — вздыхает Мэттью. — Даже лучше, чем в «Магнолии рум».

Джанет сияет. Теперь Мэттью знает, что она разбирается в высокой кухне.

— Согласна, — кивает она, стараясь не думать о том, как между лопатками стекает капля пота.

— Нашего хозяина все еще нет, — вставляет Вивьен. — Сперва я подумала, что все это какая-то тщательно спланированная пиар-акция, но с ней не стали бы тянуть.

— Не понимаю, зачем приглашать в такое шикарное место старого копа вроде меня, — замечает Мелвин. — Может быть, это реалити-шоу? Мэри смотрела такое, «Женаты с первого взгляда» называется. Не совсем в моем вкусе, но затягивает.

— Боже, вы полагаете, что нас сейчас снимают? — спрашивает Вивьен и оглядывает темные углы.

Джанет видит, что ее взгляд слишком долго задерживается на Мэттью. Она же ему в матери годится! Или даже в бабушки, ей-богу.

— Сомневаюсь, что наш ужин настолько интересен, чтобы пустить его в эфир, — хихикает

Джанет, а сама мысленно поздравляет себя с покупкой: если их и впрямь снимают, новое красное платье будет великолепно смотреться в кадре. — Что, если это перформанс?

Болтая, она наклоняется и протягивает Мэттью свой бокал.

Тот послушно наполняет его доверху. Ей радостно видеть его восхищенный взгляд, устремленный на ее грудь. Ну и что, что за последние пять лет она набрала пару лишних килограммов на ягодицах и животе? Ее главные достоинства все так же великолепны.

— Шатобриан, — говорит официант Джанет, аккуратно ставя перед ней тарелку.

Она даже не заметила, как убирают закуски. А тем временем официанты вернулись, почти крадучись, для последней смены изысканных блюд.

— Благодарю, дорогуша, — отвечает Джанет и осматривает нежнейший, красиво нарезанный стейк с непристойно розовой сердцевиной.

Рядом с мясом уютно расположились обжаренный молодой картофель, ярко-зеленая спаржа и небольшой кувшинчик желтого соуса беарнез. И зачем только люди становятся вегетарианцами? Зачем отказываться от лучшего, что есть в жизни?

Гости отвлеклись на еду, но эта надоедливая журналистка Вивьен продолжает вежливо, но занудно гнуть свою линию.

— Прошу прощения, — подзывает она официанта. — Не подскажете, можно ли нам связаться с организатором? Он должен нам объяснить…

— Да бросьте вы это, Вивьен, дорогая моя, — говорит Мелвин. — Уверен, хозяин скоро будет тут. А пока давайте просто насладимся этой чудной едой.

К счастью, Вивьен явно воспринимает совет Мелвина, и официант убегает. «Чудный» — определенно подходящее слово для этого стейка, думает Джанет. Она берет столовые приборы и чувствует, как нож без сопротивления скользит сквозь говядину, до того нежное это мясо. Насадив на вилку кусочек картофеля для лучшего сочетания вкусов, она пробует и блаженно закрывает глаза. Неужели существует что-то лучше, чем изысканные блюда? Разве что провести день в постели с молодым человеком, думает она, упиваясь бесконечными темными ресницами Мэттью и его длинными пальцами, барабанящими по телефону. Когда она тянется за стаканом, ее взгляд падает на сервировочную карточку. Под ее именем — замысловатый рисунок свиньи, поеда-

ющей жареную снедь. Джанет сдерживает вздох, быстро бросает взгляд на Мэттью, радуясь, что он не видел того же, что и она, а потом быстро прячет карточку в сумку. В это время полицейский Мелвин заправляет белую льняную салфетку за воротник рубашки, айтишник нервно вертит в руках столовые приборы, а худенькая Стелла хмуро ковыряет стейк. Вот уж правда, разношерстная компания. Что, черт возьми, может объединять Джанет и скучную старую журналистку? Джанет и полицейского — любителя регби? А про заносчивого врача с телевидения, который чуть не испортил ей аппетит, и думать не хочется. Слава богу, их таинственный хозяин догадался пригласить Мэттью, и последний явно заинтересовался ею. Откусив еще кусочек стейка, Джанет решает перестать ломать голову над тем, зачем она здесь, и просто наслаждаться вечером.

— Кажется, мы уже встречались, — прорезает мысли Джанет настойчивый голос Вивьен.

Джанет смотрит на пожилую женщину и приподнимает бровь. Что ж, если она и журналистка, то явно не имеет отношения к глянцу, если судить по бесформенному черному платью и неказистым туфлям. Не меньше Джанет потрясло бы, если бы Вивьен носила нижнее белье

ее дорогостоящего бренда. Скорее всего, у нее под платьем хлопковые бабкины панталоны от «Маркс и Спенсер».

— Не думаю…

— Да-да, я брала у вас интервью несколько лет назад, для нашей рубрики «Женщины в бизнесе».

Джанет прищуривается. А это и впрямь прозвучало знакомо… За три месяца до того интервью она продала свою компанию и устроилась в «Шепот Софи». Все ее мысли занимала адаптация к новому месту работы, но эта женщина постоянно писала, звонила ей, и так, пока Джанет наконец не согласилась любезно уделить ей часик в кофейне рядом с офисом. В начале интервью Вивьен расточала любезности: похвалила ее популярный онлайн-магазин, воздала должное новым туфлям, но затем застала врасплох вопросом о «преданных старой компании сотрудниках», которые лишились работы. Одному Богу известно, почему они заботили Вивьен: среди уволенных была парочка безграмотных выпускников, строчивших пресс-релизы; безликий компьютерный технарь; а также парочка сметливых девушек, которых она посылала в благотворительные точки выуживать дизайнерскую одежду и украшения, чтобы

потом продать все это как винтаж. Конечно, она немного приврала, уговаривая сотрудников инвестировать в компанию, но, не разбив яиц, омлет не приготовишь, а «омлет» у Джанет в тот раз вышел что надо (летний домик в Греции, новая квартира в Корнуолле и по машине для нее и Билла). К тому же этим фрилансерам наверняка было выгодно уже то, что название ее компании появилось в их резюме.

В вышедшей статье журналистка помянула и «безжалостную» продажу компании, но хуже всего для Джанет было читать резкие комментарии о последнем модном показе. Неизвестно, почему ее начальница сочла статью отличным пиаром — Джанет просто кипела от формулировки: «Эта женщина-босс лишь потакает вкусам мужчин», подразумевающей, что Джанет встала не на ту сторону. В итоге Джанет обрывала телефон редакции, чтобы высказать все, что она думает о такой журналистике.

— О да, теперь я припоминаю, — бормочет она. — Вы написали, что наши модели втоптали в подиум заслуги феминисток.

— Так вы прочли. Как славно! — натянуто улыбается Вивьен.

— Конечно я прочла. Знаете, мы теперь и моде-

лей плюс сайз нанимаем.

— И какой же размер вы понимаете под «плюс»? Сорок шестой или в крайнем случае сорок восьмой? — парирует Вивьен.

Джанет сегодня не в настроении для споров. Она и без того просиживала часы за столом совета директоров, споря с акционерами, состоящими преимущественно из мужчин. Не далее как сегодня днем она терпеливо объясняла генеральному директору, почему для модели грудь «минимум третьего размера» совсем не обязательна, но Вивьен точно не заслуживает услышать это. Джанет приехала в «Серендипити» развлечься, а не терпеть допросы иссохшей старой гарпии.

— Будем честны, Вивьен: кому охота смотреть на полненьких девушек в бюстгальтерах? — усмехается Джанет. — Да, Мэттью?

— О, ну не знаю. Я всегда питал слабость к пышнотелым барышням. — И Мэттью отрывает взгляд от телефона, чтобы многозначительно взглянуть на Джанет.

За столом повисает тишина. Вивьен поджимает губы, Стелла давится стейком. Джанет машинально отвечает Мэттью улыбкой, но тут же понимает страшное: он говорит о ней. Джанет в курсе, что она не Хайди Клум, но и девушкой с

формами ее точно не назовешь, на что бы там ни намекал Билл.

Шесть пар глаз устремлены на Джанет в ожидании ее реакции.

Мелвин

Мелвин едва не выплюнул вино, когда комментарий Мэттью о «пышнотелых» разнесся по залу. По румянцу, заливающему шею Джанет, он видит, что она никогда не относила себя к этой категории женщин. Она, конечно, красавица, тут не поспоришь. Ее легко отнести к категории непризнанных королев: например, в ресторан она вошла с таким видом, словно это ее владения и здесь собрались ее подданные. Эти желто-зеленые глаза с оценивающим выражением в них пленили всех мужчин за столом, включая Мэттью, Гордона, а затем и Мелвина. А вот молодой Тристан в запачканных очках и старой футболке не удостоился и капли ее внимания, ну что за бедолага. Однако ее платье с глубоким вырезом; ее вульгарные разговоры о сексе; ее легкомысленное отношение к собственному браку — все это совершенно не привлекает Мелвина. Он думает о Мэри. Несмотря на все, что ей пришлось пережить — уколы, боль, потеря

волос, — она сохранила достоинство. Мэри — настоящая леди, в отличие от такой сочной Джанет. И все же меньше всего ему хочется, чтобы она расстроилась: было видно, что ей нравится этот вечер. Мелвин затаил дыхание, гадая, как она справится с непредумышленным оскорблением. Может, ему стоит вмешаться?

— А впрочем, весь мир только и говорит о заднице Ким Кардашьян, — наконец бормочет она, рассеянно вращая на пальце обручальное кольцо, роняющее блики на стол.

«Молодец, перехватила мяч», — ободряюще улыбается Мелвин. Но серьезно, в ее возрасте следует дважды подумать, прежде чем бегать за таким молодым человеком. Видно же, что она старше Мэттью лет на двадцать. Джанет машет проходящему официанту, требуя еще вина, а Мелвин размышляет о ее муже: где он сегодня вечером? Понимает ли он, что она проводит вечер, откровенно флиртуя с другим мужчиной? Затем он вспоминает звонок в полицейскую службу 999: звонивший сообщил о домашнем конфликте в тихом благополучном районе Белгравия. Мелвина послали разобраться, и он уже представлял по пути, что обнаружит в доме подвыпившую состоятельную пару, поспорившую, в

какой из люксовых оттенков красить гостиную. Но когда он позвонил в дверь, ему открыл мужчина с окровавленным лицом.

«Это я совершил. Простите», — признался он, пока Мелвин протискивался мимо него. Его бедняжка-жена лежала на кухне окровавленной кучей плоти. В руке она все еще сжимала кулинарную лопатку. Мелвин коснулся ее шеи, но кожа уже была ледяной. «Я просто больше не мог», — сказал Мелвину ее муж, которого уводили к патрульной машине. По дороге в участок он без умолку твердил о бытовых ссорах, криках из-за невынесенного мусора и забытых годовщинах. Слова мужчины были полны печали, но также и облегчения. И хуже всего было то, что Мелвин понимал его. Он понимал, как брак, даже самый прекрасный, может стать невыносимым и насколько одна из сторон — или обе бывают близки к тому, чтобы сорваться.

Обычно он рассказывал Мэри о расследованиях в участке. От этой истории она пришла бы в ужас, но в этот раз Мелвин слова не проронил. Его переполняло чувство стыда, ведь он проникся сочувствием к человеку, который убил свою жену.

Мелвин переводит взгляд с Джанет на Мэттью. Его поражает, насколько молодежь сейчас другая.

Когда самому Мелвину было двадцать с небольшим и он жил в маленькой деревушке близ Кардиффа, парень считался «ухоженным», если он регулярно стригся и приходил на свидание в чистой обуви. А сейчас молодые люди делают маникюр, депилируют грудь воском, без конца тренируются в спортзале… Он даже слышал, что некоторые пользуются косметикой! Хотя Мэттью выглядит довольно хорошо. Его темно-карие глаза и высокие скулы напоминают Мелвину о Кристиане, новом коллеге; тут же Мелвин задумывается о том, чем Кристиан может быть сейчас занят…

Так, стоп!

За свои пятьдесят восемь лет Мелвин не раз ловил себя на мыслях о мужчинах. Но это вполне нормально, убеждал он себя. Юность он провел на поле для регби — потом зачастил в общественные бани — затем поступил на службу в полицию, где преимущественно мужской контингент, а в выходные он любил ходить в паб, выпивать с друзьями мужского пола за просмотром спортивных игр. Но с появлением Кристиана мысли стали более навязчивыми. Теперь он часами утопал в эпических мечтах, смотря вместе с Мэри ее любимые реалити-шоу; а ночами его стали

посещать мучительные кошмары, от которых он вскакивал весь в поту и снедаемый тоской. Стоит ему проснуться поутру — и до самого вечера в голове будет фоновое воспоминание о серьезных карих глазах Кристиана.

— О, вкуснятина! — прерывает его грезы голос Джанет.

Мелвин вновь видит официантов, сервирующих стол неким шоколадным десертом, от чего Джанет явно в восторге.

— Не уверен, что в меня влезет, — говорит Мелвин, но все равно берет ложку.

Из надрезанного бисквита сочится темный, блестящий шоколадный соус, смешиваясь с ванильным мороженым, будто образуя символ инь-ян. Много лет назад Мэри рассказала ему, что означает инь-ян: в каждом хорошем человеке есть капля зла, а в каждом плохом — немного добра. Мелвин чувствует себя ужасно, потому что его мечты о Кристиане балансируют на грани реальности. Да, в это невозможно поверить, но Мелвину стало казаться, что у Кристиана тоже могут быть к нему чувства. То, как он задерживал взгляд на секунду дольше, чем нужно, или небрежно прикасался к его колену, сидя рядом в патрульной машине… или то, как воздух между

ними словно нагревался…

И вот, каждое доброе дело, которое Мэри когда-либо делала для него, теперь пропитано чувством вины, а его дом больше не кажется тем надежным пристанищем, каким был раньше. Мелвин будто замер на краю обрыва, охваченный парализующим страхом. Страшась и чувства вины, и искушения, каждый день после работы он прятался в пабе «Пес и куропатка». Пять пинт пива — возвращение домой к уже спящей Мэри — борьба с похмельем в шесть утра — на работе в семь.

На прошлой неделе, когда на его рабочем столе появился черный конверт, Мелвин бросил его поверх постоянно растущей стопки бумаг, которые он так и не успел просмотреть. И только днем, едва не клюя носом, он наконец вскрыл конверт и принял решение. Откинувшись в удобном офисном кресле, Мелвин представлял себе Кристиана, восторженно показывающего ему рестораны во время совместного патруля, Кристиана, расспрашивающего Мелвина о его любимых блюдах. Выпав из грез в реальность, Мелвин улыбнулся про себя. Что, если этот званый ужин — попытка Кристиана устроить тайное свидание?

Теперь-то он понимает, насколько нелепой бы-

ла эта мысль; и вообще, ему стоило сегодня пойти в паб. По крайней мере, в компании самого себя ему было бы лучше, чем в этом пестром обществе. Помимо красавчика Мэттью и помешанной на сексе Джанет, присутствовала Вивьен — его ровесница, которая, похоже, избрала себя старостой группы и обижалась по любому поводу. Без глупых замечаний о цвете кожи Мелвина тоже не могло обойтись, и тут уж чопорный доктор Гордон его не разочаровал. Если бы взглядом можно было убить, шотландский доктор упал бы замертво, сраженный юной Стеллой, а вот Мелвин просто отшучивается. Все это он уже слышал в Кардиффе, на матчах по регби, и он давно понял, что смех — лучшая реакция. Хотя молодое поколение явно считает иначе, если судить по выражению лица Стеллы.

Думая о ней, Мелвин понимает, что уже видел ее однажды. Летом ему поступил вызов на квартиру в Кенсингтоне по заявлению о краже со взломом. Внутри он обнаружил разодетого, велеречивого парня в костюме-тройке, который представился адвокатом (что окончательно разверзло пропасть между ним и Мелвином) и объявил, что из квартиры его дочери были похищены «необычайно дорогие драгоценности».

Когда Мелвин начал записывать подробности, стало ясно, что Стелла слишком пьяна, чтобы давать показания. Она просто заявила отцу: «Да ты мне еще побрякушек купишь». Затем Мелвину пришлось взять на себя роль арбитра, пока отец и дочь кричали друг на друга из-за бриллиантового ожерелья. Вскоре Мелвин чувствовал почти непреодолимое желание схватить их за шеи и выжать из них все соки. Как же ему надоели эти богачи, попусту тратящие время полиции. Сегодня Стелла, по крайней мере, более сдержанна. Более того, на ней точно такое бриллиантовое ожерелье, как описывал ее отец. Хорошо, что Мелвин так и не стал подавать рапорт.

Разобравшись с десертом, Мелвин берет стакан и осушает его до дна. Он заставляет себя снова сосредоточиться на разговоре, который становится похож на теннисный матч, ведь слегка разомлевшие от еды и выпивки гости начали перебрасываться колкими репликами.

— Да ладно, что может быть лучше, чем поцелуи с потным незнакомцем на танцполе! — хохочет Джанет.

— Не самый эффективный метод съема, — отвечает Мэттью, чей галстук теперь слегка съехал набок.

Мелвин также отмечает резкость в его гласных, которой раньше не было, но разве может безупречный Мэттью быть северянином?

— А у вас, Мэттью, должно быть, целый гарем, и вы ведете счет в блокноте, — говорит Вивьен.

Мелвин замечает, что Мэттью вздрагивает при упоминании о гареме. Неужто подвыпившая Вивьен попала в яблочко?

— Я не настолько непочтителен, Вивьен. Я же джентльмен! — восклицает он.

— Соглашусь с дамами, — вмешивается Мелвин. — Со своей женой Мэри я познакомился на чужой свадьбе, и наш первый поцелуй случился уже в полночь, под песню «Dancing Queen». В итоге мы женаты больше тридцати лет.

Джанет и Вивьен ухмыляются, а Мэттью пожимает плечами, признавая поражение. За столом наступает затишье. Вивьен поворачивается к Тристану, желая спросить его о работе в информационных технологиях, а Мэттью беседует с юной Стеллой через голову Джанет.

— Что это? — вдруг восклицает Джанет.

У нее в руках — новый черный конверт, уменьшенная копия тех, в которых приходили приглашения на званый ужин. Мелвин оглядывает стол и видит, что у всех возле бокалов появились

одинаковые конверты. Откуда они взялись?

Гости, прервав разговор, смотрят, как Джанет открывает конверт. Явно наслаждаясь всеобщим вниманием, она открывает его медленно, достает маленькую черную карточку кончиками алых ногтей и читает. Вмиг ее улыбка потухает.

— Это какая-то шутка? — бормочет она, и ее рука с карточкой дрожит.

— Да что там? — резко спрашивает Вивьен, явно забыв о недавнем альянсе с Джанет.

— Нас кто-то снимает?! — кричит Джанет, лихорадочно озираясь.

— О чем это вы? — переспрашивает Гордон. — Что там написано?

— Уберите это от меня! — кричит она и отшвыривает карточку в центр стола.

— Не волнуйтесь, Джанет, дорогая, — говорит Мелвин.

Вивьен подбирает карточку, достает из сумочки очки и, прищурившись в тусклом свете, читает:

— Там написано: «Ты умрешь в сорок четыре»… — Ахнув, Вивьен роняет карточку, словно та обожгла ее ладонь.

Гости переглядываются. В одно мгновение атмосфера в комнате из теплой и сдобренной вином превращается в удушающую; все полны

растерянности.

Мэттью касается руки Джанет:

— Не обращайте внимания. Наверное, просто глупая пиар-шутка.

— Не глупая, а в высшей степени жестокая! — с криком вскакивает Вивьен. — Я намерена обсудить это с тем, кто тут главный.

— Подождите, Вивьен… — начинает Мелвин.

Она уже направляется к двери, за которой скрылись официанты; гости наблюдают, как она тщетно толкает руками массивную древесную створку, преградившую путь.

— Закрыто! — Она стучится в дверь, но ответа нет.

Ей приходится вернуться на место. В зале слышны лишь тихие всхлипывания Джанет.

— Завтра я первым же делом узнаю, какая пиар-компания организовала этот званый ужин… — бормочет Вивьен, хоть уже и не столь уверенно.

— Ну-ка, взглянем, — говорит Гордон и быстро вскрывает свой конверт. — У меня написано «пятьдесят три». Это через три года.

— Не стоило вам смотреть, — ворчит Вивьен. — Я свой точно не открою.

— Я тоже, — бурчит Тристан, отталкивая конверт.

— Меня сейчас вырвет, — всхлипывает Джанет, и Мелвин замечает то, как она побледнела. — Я догадывалась, что с этим званым ужином что-то не так!

— Успокойтесь все, — говорит Мелвин и берет со стола конверт Джанет. — Вот что: завтра я отнесу это в участок и посмотрю, можно ли что-нибудь выяснить.

— Неудивительно, что хозяин не появился, если он и впрямь планировал такое, — качает головой Вивьен.

— Уверен, беспокоиться не о чем, — отвечает Мэттью и делает глоток вина.

— Все обернулось бы весьма любопытно, если бы эти послания не лгали, — бормочет Гордон, переворачивая карточку в поисках подсказок.

— Любопытно?! — резко говорит Джанет. — Да ведь мне уже сорок четыре — мой день рождения был в июле! В этом конверте — мой смертный приговор!

Тут Стелла разражается смехом. Все переглядываются, пока та не начинает кашлять.

— Тебя что-то насмешило?! — рычит Джанет.

— Извините… Вино пошло не в то горло, — хрипит Стелла.

Мэттью убирает руку с руки Джанет и тянется

через стол, чтобы передать Стелле свою салфетку.

— Мы все немного перебрали, — произносит он. — Утром будем смеяться над этим.

— Сомневаюсь. — Джанет промокает глаза салфеткой и тоскливо глядит на Мэттью.

— Пора нам всем закругляться, — говорит Мелвин. — Сообщите мне свои контактные данные. Я разберусь с этим и напишу вам о том, что узнаю.

Все обмениваются с ним визитками, кроме Стеллы: та пишет адрес электронной почты на салфетке. Мелвин замечает, как Вивьен засовывает в сумку свой черный конверт. Она резко прощается со всеми и неуверенным шагом выходит из зала. Через несколько минут за ней следует Тристан, сунув свой конверт в задний карман. Мэттью и Стелла идут к камину о чем-то пошептаться. Гордон остается сидеть за столом, хмуро глядя в свой мобильный телефон.

Размазанный макияж Джанет напоминает Мелвину грим уставшего клоуна. Надевая пальто, она мрачно косится на Мэттью и Стеллу. Мелвин засовывает визитки и салфетку в карман, потом замечает два нераспечатанных конверта на столе, но оставляет их там. Он не понимает, как его имя оказалось в списке гостей на этом странном

званом ужине — может, кто-то из коллег его разыграл? Признаться, ему все равно. И вдобавок ему неинтересно разоблачать хозяина званого ужина. Но как полицейский, он должен был бы сделать вид, что приложит все усилия и попробует разрешить неприятный инцидент. Завтра он сделает несколько звонков, только чтобы успокоить дам. На его часах всего около одиннадцати, еще рановато идти домой: возможно, Мэри еще не спит, а он просто хочет как можно сильнее напиться и не возвращаться к своим проблемам еще пару часов.

— Выпьем на посошок, чтобы успокоить нервы? — спрашивает он Джанет, и та кивает.

Винный бар
Декабрь 2015 года
Две недели спустя

Вивьен

Одинокая слеза катится по пылающей щеке Кэт на листок бумаги перед ней и оставляет грязное пятно туши. Тихо вздыхая, Вивьен размышляет, когда же Кэт наконец поймет, что фонтаны слез на нее не действуют. Это для главного редактора слезы Кэт — словно жидкий криптонит, с помощью которого она вьет из него веревки. Однажды главред бессильно смотрел на то, как Кэт рыдает из-за правки: ей указали на то, что она неверно написала имя одной знаменитости. В итоге он сорвался в кофейню через дорогу за изысканным латте, чтобы галантно подать его Кэт, приложив к напитку крошечный шоколадный брауни. Вивьен проработала с этим старым мерзавцем пятнадцать лет и ни разу не слышала от него добрых слов, а уж заоблачно дорогих сладостей не видела и подавно. Для Вивьен слезы Кэт — это отчаянная попытка выпутаться из трудного

положения. Жалкое проявление слабости, напоминающее ее коллегам-мужчинам, что она не годится для этой работы. Зато она красива и неплохо варит кофе.

Когда Вивьен пришла работать в редакцию, единственной женщиной в офисе была секретарша на высоких каблуках и в обтягивающей юбке. Тогдашний редактор ясно дал понять: Вивьен страшно повезло, что ей дали возможность писать. Сведя к переносице кустистые брови, он предупредил, что ей придется работать «усерднее, чем здешним парням». И она работала. Появлялась за столом на час раньше коллег и набрасывала длинные списки идей для новых материалов. На интервью заполняла блокнот сетью стенографических значков, а потом выписывала текст с тщанием художника, создающего нетленку. И все же ей постоянно перемывали кости, а то и просто игнорировали. Каждую пятницу в обед редактор собирал журналистов (мужчин) на «междусобойчик» в пабе «Золотой орел» на углу. Пару часов спустя они возвращались в офис, посмеиваясь над какой-нибудь шуткой для своих и восторженно обсуждая идею, которая, по мнению Вивьен, была неоригинальна и, конечно, полна ненависти к женщинам.

Всхлипывания Кэт мешают ей думать.

— Возьми! — рявкает Вивьен, протягивая ей салфетку.

Кэт берет ее, но не поднимает глаз: все ее внимание устремлено на текст, испещренный красными линиями и гневными восклицательными знаками. Кэт должна радоваться, что ее начальник именно Вивьен, а не этот грубиян Питер Паттен с его бровями-гусеницами. Честно говоря, именно в этой самой комнате он стал свидетелем того единственного случая, когда Вивьен позволила на работе эмоциям взять верх. С самого утра она ждала возможности представить редакции свои идеи для статей. Редактор и прочие ее коллеги в тот день особенно долго наслаждались жидкой «подпиткой», и встреча быстро приобрела неформальный характер. Каждую идею Вивьен встречали молчанием, едва скрываемыми смешками, а один раз — громким зевком. К концу Вивьен почувствовала, как ее щеки горят и по одной из них катится слеза.

— Она плачет! — выпалил один из заместителей редактора.

— Нет, не плачет, — резко ответил Паттен и быстро завершил обсуждение.

Когда остальные вышли, он опустил руку на

плечо Вивьен, а другой рукой прикрыл дверь.

— Не заставляй меня жалеть о том, что я нанял тебя, — пробормотал он сквозь зубы. — К завтрашнему утру жду от тебя десять перспективных идей, и чтобы я больше не видел, как ты плачешь. Ты на работе.

Ту встречу Вивьен покидала с новым знанием: эмоции — это слабость, и их следует избегать любой ценой. Больше она никогда не плакала на работе. Она позволяла слезам разочарования, грусти, одиночества, а иногда и радости литься дома, в ванне. В такие моменты они свободно и обильно катились по ее лицу, падая в мыльную воду, но только не на работе.

И вот перед ней сидит эта молодая женщина, примерно того же возраста, что была Вивьен, когда пришла сюда работать. У Кэт было все: возможности для найма, университетский диплом, несомненно оплаченный богатыми родителями, и (не будем притворяться, что это не важно) красивое личико. Красивое и вновь заплаканное. Пора с этим кончать.

— Ты проработала здесь два года, Кэт, — разочарованно вздыхает Вивьен. — Я ожидала большего.

— Простите, Вивьен… — бормочет Кэт. — На

прошлой неделе я устроилась в бар: пришлось убираться там до двух часов ночи…

Вивьен вынуждена признать, что всегда фарфоровая кожа Кэт сегодня нездорового, землистого оттенка, а одежду девушка как будто подбирала в темноте. Но мало кто может похвастаться сладкой жизнью или высокой зарплатой, особенно когда речь идет о работе в СМИ. Черт возьми, сама Вивьен уже двадцать лет живет в одном и том же убогом коттедже в Теддингтоне.

— Внимательно перечитай мои заметки. К завтрашнему утру жду переписанный материал. Если он не станет лучше, мне придется отдать колонку путешествий Лорен, — жестко сообщает Вивьен и встает.

От ужаса на лице Кэт Вивьен пронзает злорадство. Лорен — всего лишь стажер, но ясно дала понять, что намерена стать настоящим журналистом, и главред уже от нее без ума.

— Да, конечно! Сегодня вечером я снова работаю, но я найду время.

— Помни: в этой индустрии на место вроде твоего быстро отыщется замена. Мгновенно выстроится очередь из людей помоложе, с бóльшим энтузиазмом и меньшими ожиданиями.

С этим мрачным предостережением Вивьен

возвращается к своему столу. Она прекрасно помнит, что срок сдачи материала истекает лишь через неделю — Вивьен просто хочет преподать Кэт ценный урок и дать ей почувствовать то давление, которое сама постоянно испытывает. С такой опытной наставницей Кэт очень повезло.

За столом Вивьен просматривает электронную почту: спам, письма от пиарщиков, продвигающих свой бессмысленный продукт, новостные агентства… И тут одно письмо привлекает ее внимание. Она хмурится, увидев имя отправителя: «Мелвин». Письмо пришло с адреса электронной почты лондонской полиции. Имя кажется смутно знакомым. Затем она вспоминает: Мелвин! Полицейский с того странного ужина, на котором она побывала две недели назад.

Она колеблется, но все же открывает письмо.

От: Мелвин Уильямс
Кому: Группа «Серендипити»
Тема: Печальные новости

Всем добрый день!

После ужина 26 ноября 2015 года я порылся в земельном кадастре и обнаружил, что у ресторана «Серендипити» нет регистрации. Ни на Сальвейшн-роуд, ни

где-либо еще в Лондоне. Остается только принять как данность, что ужин в том ресторане-однодневке проходил в рамках пиар-акции или розыгрыша, и забыть о том вечере.

Отдельно отмечу: вчера поздно вечером в участок поступило сообщение о гибели молодой женщины, которая случайно упала под поезд лондонского метро. С прискорбием сообщаю, что этой женщиной была Стелла Кук, которую мы все имели удовольствие видеть на том ужине.

Ниже прикрепляю ссылку на заметку о происшествии на случай, если вам интересно.

С уважением,
Мелвин

Вивьен тут же переходит по ссылке на новостной сайт.

Ютуб-феномен StellaStylez скончалась в возрасте 23 лет

Популярная фэшн-блогер Стелла Кук трагически погибла, упав под поезд лондонского метро в пятницу вечером.

23-летняя Стелла посетила презентацию модного бренда, на которой присутствовали знаменитости, и опубликовала серию видео и фотографий. Презентацию она покинула около 22:00 и вскоре упала под поезд на станции «Слоун-сквер».

Молодая модница, которая была известна под ником StellaStylez, прославилась ютуб-гайдами для подростков по поиску доступных альтернатив дизайнерской одежды и аксессуаров. Соцсети завалены комментариями скорбящих.

Так, в сообщении от JBFan98 говорится: «Покойся с миром, StellaStylez! Я всегда буду любить тебя и в память о тебе никогда не сниму розовые ковбойские сапоги».

Отец Стеллы – скандальный адвокат, лорд Артур Кук, известный тем, что помогал знаменитостям уклоняться от штрафов за превышение скорости. Он пока не прокомментировал смерть дочери.

Ранее Стелла не раз говорила о своем «бесчеловечном опыте» обучения в школе-интернате в Сассексе, место в которой стоит 30 000 фунтов стерлингов в год. Она клялась, что никогда не отправит своих

детей в подобные заведения.

Похороны Стеллы состоятся в церкви Пресвятой Богородицы в Кенсингтоне в субботу. Вместо цветов ее семья просит сделать пожертвования в Ламбетский приют для бездомных.

Вивьен нажимает «Ответить» и печатает.

От: Вивьен Холмс
Кому: Группа «Серендипити»
Re: Печальные новости

Добрый день, Мелвин!

Очень трагичные новости о Стелле. Она была такой красивой и, по-видимому, успешной молодой женщиной. Мне кажется странным, что она упала под поезд метро: она наверняка часто пользовалась этим видом транспорта и, судя по тому, что мы видели на ужине, не была большой любительницей спиртного. Удалось ли найти свидетелей?

Спасибо, что навели справки о «Серендипити» в земельном кадастре. Кстати, кто указан владельцем этого здания?

С наилучшими пожеланиями,
Вивьен

Через несколько секунд приходит электронное письмо от Джанет Тилсбери. Это та управляющая компанией по производству белья в слишком обтягивающем красном платье, вспоминает Вивьен.

От: Джанет Тилсбери
Кому: Группа «Серендипити»
Re: Печальные новости

Боже мой! Какое число было в конверте Стеллы? 23? После того жуткого ужина я мучаюсь кошмарами. Почти не сплю! Никто не хочет скинуться на частного детектива? Нужно разобраться в этом, пока еще не поздно!

Затем — письмо от доктора Гордона с университетского адреса.

От: Доктор Гордон Макмиллан

Кому: Группа «Серендипити»
Re: Печальные новости

Дорогой Мелвин!

Благодарю вас за то, что сообщили подробности смерти Стеллы Кук.

Вынужден уведомить группу, что я располагаю информацией, которая приобретает большое значение в свете гибели мисс Кук.

Предлагаю собраться на похоронах, упомянутых в заметке, для обсуждения этого вопроса.

С уважением, доктор Гордон Макмиллан, автор книг «Чистое питание» и «Ты – то, что ты ешь», изданных издательством «Блю скай букс» и доступных во всех магазинах.

От письма Гордона Вивьен закатывает глаза. Затем, вернувшись к заметке, она увеличивает фото Стеллы, чтобы еще раз взглянуть на ее короткие кудри и красивое лицо. Мысли Вивьен возвращаются к их первой и последней встрече.

Как только утихла шумиха вокруг конверта Джанет, Вивьен поспешила покинуть ресторан. В комнате стало невыносимо жарко и душно; ей

не хватало свежего воздуха и пространства для размышлений. Отходя от стола, она зацепилась каблуком за угол огромного викторианского ковра и споткнулась. А выйдя на улицу, с удивлением обнаружила, что все тело словно оцепенело. Всегда острый разум теперь был точно заполнен сахарной ватой. Стоило обнаружить, что разрядился телефон, как накрыл приступ странной беспомощности. Дрожащими руками Вивьен рылась в сумке, рассыпая содержимое по мокрому асфальту. К счастью, появился Тристан, помог ей собрать вещи и проводил до ближайшей станции метро. Они мило поболтали, посмеялись над флиртом Джанет и бесчисленными глупостями Гордона. Вивьен была особенно рада тому, что Тристан не заговаривал о конвертах. Вместо этого он вдумчиво расспрашивал о ее работе и очень сочувствовал ей, когда она призналась, что продажи журнала снова упали.

Ее сны в ту ночь кружились вокруг золотых букв, официантов во фраках и смутного чувства тревоги. Когда она проснулась, слова на открытке Джанет были первым, что всплыло в ее голове. Покидая «Серендипити», Вивьен планировала оставить этот вечер позади, но тайна просто не отпускала ее — она кралась за ней, как призрак,

всю следующую неделю. Вивьен все не вынимала маленький черный конверт из своей сумочки, хотя постоянно держала ее при себе. Часто она думала о конверте, гадала о том, какое внутри может быть число. Однако инстинкт Вивьен, проявившийся в «Серендипити», подсказывал ей оставить конверт запечатанным, а воспоминание об испуганном лице Джанет и удушающей атмосфере той комнаты преследовало ее, заставляя поддаться суеверию.

А в прошлую пятницу случилось нечто. Она шла домой с работы, спускалась по ступенькам станции метро «Оксфорд-Сёркус». В следующий миг она обнаружила себя… в пригородном поезде, мчащем в сторону аэропорта Хитроу. Она взглянула на часы: почти одиннадцать вечера. Из жизни исчезло пять часов. Ноги и спина болели, голова пульсировала. К счастью, сумочка все еще была на плече, а кошелек и телефон — внутри. На станции Хаунслоу Вивьен удалось поймать такси, которое благополучно доставило ее домой, где она с облегчением бросилась в постель. Но на следующее утро она проснулась, чувствуя себя потрясенной и измотанной. К счастью, была суббота, поэтому Вивьен осталась в постели и позволила себе поразмышлять о том, когда в

последний раз испытывала состояние фуги[4]. Ей было всего восемнадцать, и она переживала самые тяжелые дни всей жизни. Неудивительно, что мозг дал сбой. Вивьен перевернулась на бок, обняла свой обвисший живот и дала волю слезам. Ни с кем и никогда она не обсуждала то время, даже с матерью, которая была свидетельницей всего этого. Ее мама умерла двадцать лет назад, так что теперь воспоминания хранила только Вивьен. Пока она пыталась успокоиться, лежа на старой двуспальной кровати, ее снедали вопросы: почему, черт возьми, фуга снова настигла после стольких лет? Может, что-то в «Серендипити» спровоцировало это? Тут Вивьен распахнула глаза. Откинула одеяло и на дрожащих ногах подошла к куче одежды, которую сбросила с себя на пол прошлой ночью. Она подняла свою верную старую сумочку и вытрясла на кровать телефон, кошелек, салфетки, блокнот и ручки. Руки добрались до подкладки. Опустившись на постель возле вещей, Вивьен осознала: конверта нет.

Теперь, глядя на безупречную улыбку Стеллы,

---

[4] Примечания: 4

Диссоциативная фуга — редкое психическое расстройство, при котором человек внезапно теряет память и покидает привычную среду. Обычно возникает как защитная реакция на травму и может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев.

застывшую во времени, Вивьен вспоминает, как та стояла у камина в «Серендипити», как сверкали ее глаза от внимания Мэттью. Несмотря на духоту в редакции, Вивьен пробирает дрожь. Она не ожидала снова вспомнить о гостях с того званого ужина, и все же что-то непреодолимое так и тянет ее. Невзирая на мрачное предчувствие, Вивьен решает пойти на похороны Стеллы в следующую субботу.

Мэттью

Очутившись на тротуаре, Мэттью ругается: его лакированные туфли только что забрызгало водой из-под колес черного лимузина, что ехал к церкви. Тут же Мэттью толкает пара девочек-подростков, но они принимаются хихикать, стоит ему взглянуть на них. Он хватает зонтик и вытирает пот со лба. Такого он совсем не ожидал. Люди — в основном те самые девочки-подростки — толпятся по обе стороны дороги. Кто с плюшевым мишкой в руках, кто с одной красной розой. Многие пришли в ковбойских сапогах. Свора фотографов установила свои огромные камеры полукругом у входа в церковь. Прибытие лимузина вызывает ажиотаж в толпе, все стараются подойти ближе и увидеть, кто выйдет из салона.

Первым выходит элегантно одетый водитель, чтобы обойти машину и открыть дверь. Наружу выступает одна длинная загорелая нога в туфле на шпильке, за ней другая, и наконец появляется высокая женщина с коротко стриженными светлыми волосами. Она одета в ультракороткое платье с едва заметными бретельками, слегка пошатывается.

— Мэттью, ты приехал! — Внезапно перед ним появляется Джанет и практически падает ему в объятия.

— Ты-то откуда здесь? — спрашивает он и неохотно отвечает на объятие; цветочный аромат Джанет заполняет ноздри, и у него кружится голова.

— Ты вообще можешь поверить, что это случилось? — вздыхает Джанет, отступая назад и чуть не сбивая с ног фотографа — тот спешит к прибывшей в лимузине диве, уже вооружившись камерой.

Мэттью рисует на лице свое самое траурное выражение. Но на это ему требуется немало усилий.

— Какая трагедия! Бедная Стелла.

— Ей было двадцать три? Что, если это было ее число? Ты видел, открывала ли она конверт? Я

помню, что вы ушли вместе, — лепечет Джанет, опуская свой зонт и вставая под зонтик Мэттью.

Вдруг Мэттью становится трудно дышать. Легкие словно переполнились резким ароматом духов Джанет, и воздуха не хватает. Он поворачивает голову, заставляя себя сделать глубокий вдох, чтобы замедлить бешено колотящееся сердце. К счастью, Джанет не заметила приступа паники.

— Нет, я не видел, чтобы она его открывала, — еле выговаривает он. — Ты что, не читала новость? Это был несчастный случай. И конверты тут ни при чем.

— Ты правда так думаешь? — Джанет смотрит на него с мольбой.

Мэттью кивает, вспоминая тот вечер. Он думал, никто из гостей не слышал, как он приглашал Стеллу к себе «на кофе». Похоже, он действовал не настолько тонко, как ему хотелось. И вообще, если подумать, все прошло не так, как он надеялся. Стелла казалась вполне довольной приглашением, но она притихла, когда они поднимались по лестнице в его пентхаус; пришла в растерянность, когда он открыл одну из своих самых дорогих бутылок вина; и точно умирала от скуки, когда он рассказывал о последней миллионной сделке на

работе. Мэттью попытался расспросить о ее прошлом, и та добрых десять минут рассказывала о пэрстве своего знатного отца, о школе-интернате, где ученики мерились усыпанными бриллиантами подарками от родных, и о ее собственной квартире площадью две тысячи квадратных футов[5] в Кенсингтоне; где-то в этот момент он понял, что она ему не подходит. В конце концов у них случился секс — удручающе унылый, а еще десять минут спустя Стелла вызвала такси. Перед тем как выйти за дверь, она обернулась, виновато улыбнулась и сказала: «Может, вскоре увидимся, если только мое число уже все не предсказало». Он рассмеялся и услышал ответный смешок, а затем она спустилась к ожидавшему ее такси.

Мэттью молчит, наблюдая за прибытием второго лимузина. Изнутри выбрались ведущие «Утреннего шоу» и торжественно направились к церкви, переполошив всех фотографов. Мэттью удается смутно вспомнить, как Джанет и Гордон говорили об одном из этих ведущих на званом ужине. Боже, кажется, что с того вечера пролетели месяцы, а не какие-то две недели.

— А как у вас с Мелвином? — спрашивает он,

---

[5] Примечания: 5

Квадратный фут составляет примерно 0,1 м^2. Таким образом, площадь квартиры около 186 м^2.

желая сменить тему. — Я видел, как вы уходили вместе под руку.

— Он играет не за мою команду! — Джанет хихикает настолько громко, что на нее оборачиваются скорбящие.

— У тебя помада на зубах, — говорит он ей и старается не вздрогнуть от скрипа, с которым она трет зубы пальцем.

— Кто бы мог подумать, что этот полицейский мачо интересуется не своей чудесной женушкой, а парнями, — усмехается она и кладет руку на сгиб локтя Мэттью.

— О, смотри, вон там Вивьен и… как его… Тревор? — Мэттью с облегчением прерывает их удушающее уединение под зонтом.

Джанет пожимает плечами, но идет им навстречу.

— Какая трагедия, — произносит Вивьен и касается поцелуем щеки Джанет.

— Бедная Стелла, — кивает Джанет.

— А гостей-то сколько, — вступает Мэттью, прежде чем поцеловать Вивьен в сухую щеку и кивнуть рябому.

Ах да, Тристан, вот как его зовут!

— Похоже, у нее было много фанатов, — замечает Тристан.

Он что, правда в футболке с надписью «Stairway to Heaven»?[6]

— Где Гордон? — спрашивает Джанет. — Интересно, что такого важного он нарыл…

Тут по дороге стремительно проносится блестящий черный «лендровер», вынудив зазевавшегося фотографа отскочить с проезжей части. С визгом тормозов машина останавливается перед церковью.

— Как ты смеешь?! — кричит женщина, выскакивая из авто.

У нее такое же лицо сердечком, как у Стеллы. На ней приталенное черное платье с глубоким вырезом спереди, огромные солнцезащитные очки, а на голове — черный платок. Мать Стеллы. Скорее всего.

— Наоми! — зовет высокий мужчина в ладно скроенном угольно-сером костюме.

Предположительно отец Стеллы, лорд Кук, выбирается из машины с другой стороны и направляется вслед за женщиной.

— Постой, — умоляет он голосом, явно непривычным к мольбам, — ты все неверно поняла. Ты же знаешь, я тоже любил ее!

---

[6] Примечания: 6

«Лестница на небеса» *(англ.)* — песня английской рок-группы «Лед Зеппелин».

— О да, ты осыпáл ее подарками и отправил в тот дурацкий интернат; но ты ни разу не проявил свою любовь должным образом, ни разу не сказал, что гордишься ею! Она жила ради твоего одобрения, а ты лишь критиковал! — резко отвечает мать Стеллы, отступая на несколько шагов.

— Ты мне никогда не рассказывала об этом! Почему ты не рассказывала?! — кричит он ей в спину с отчетливой скорбью и разгорающимся гневом.

Когда они оба исчезают в церкви, Мэттью вспоминает: в тот вечер Стелла говорила об отце со странной смесью сарказма и гордости.

— Наверное, наше присутствие в церкви будет неуместным? — тихо спрашивает Вивьен. — Тут за углом есть хороший винный бар…

— Да, мне необходимо выпить, — энергично кивает Джанет.

— Кто-то сказал «выпить»? — спрашивает внезапно появившийся рядом Мелвин; позади него нарисовался и доктор Гордон.

Поприветствовав их, Вивьен направляет всех к бару:

— Нам сюда.

По пути Мэттью замечает, что дождь наконец-то стих, поэтому он убирает зонтик и слегка его

встряхивает. Хорошо бы выпить виски, чтобы успокоить нервы. Эта неделя выдалась для него не лучшей.

На следующий день после званого ужина он поехал в город на свидание с Робин. Они встречались уже несколько месяцев, и она еще ни разу не отказала ему ни в одной просьбе. Для того вечера он задумал кое-что особенно развратное. После трех мохито Робин уже хихикала, пока его рука медленно скользила по ее длинной ноге, и вдруг… Он услышал его. Прозвище, которое, как он надеялся, давно кануло в Лету.

— Харчок Мэтти? — повторил голос. — Это правда ты?

«Думай, думай, как отговориться…» Но мозг Мэттью уже завис.

— Вы обознались, — только и смог выдавить он, отвернувшись от парня с зализанными волосами и знакомой белозубой улыбкой.

— Это же я, Гарет Аткинсон! Мы вместе учились в школе Святой Марии, — настаивал парень. — Ты выглядишь совсем иначе. Уже не харкаешь и очки куда-то дел — те, толщиной с аквариум. Дружище, как же ужасно мы обращались с тобой в школе…

Это и вовсе лишило Мэттью дара речи, он мог

лишь тупо глазеть то на Гарета, то на Робин. То на байкерскую куртку Гарета из искусственной кожи, то на винтажные «лабутены» Робин. Столкновения этих двух миров он и представить себе не мог. Гарет наконец-то понял намек и откланялся, но исправить ничего уже было нельзя.

— Харчок Мэтти? — усмехнулась Робин.

— Э-э… Я страдал ужасной аллергией в детстве…

— Я думала, это ты всех задирал в школе, а не тебя! — воскликнула Робин, от удивления широко раскрыв глаза. — И я не знала, что ты с севера. У тебя раньше тоже был акцент, как у этого парня?

И вот так вся власть Мэттью над ней испарилась. Больше не имело значения, что он — инвестиционный банкир с квартирой за два миллиона фунтов; что благодаря лазерной хирургии его зрение было идеальным, тело — скульптурным шедевром, а акцент — таким же гладким, как и грудь. Теперь каждый раз, глядя на него, Робин видела того самого обиженного школьника, сопливого и близорукого. Планировалось, что к окончанию вечера Мэттью нагнет Робин над журнальным столиком и от души отшлепает ее. Вместо этого она сослалась на какую-то важную встречу на следующее утро, и они разъехались.

В ту ночь во сне Мэттью преследовали призраки детства, которых он считал давно забытыми, и переживания, которые он надеялся похоронить. Прыщавые хулиганы, скандирующие «Харчок Мэтти!» всякий раз, когда он поднимал руку на уроке. Пробуждение в поту, скрип открывающейся двери в спальню, неестественно сладкий голос матери: «Мэттью, дорогой, с тобой хочет познакомиться дядюшка Найджел…»

Каждые выходные она представляла ему нового «дядюшку» — один был хуже другого.

В шестнадцать он сбежал от матери в крошечную студию и поступил в местный колледж на курсы бухгалтерского учета. Терапевт помог ему вылечить носовые пазухи, Мэттью обзавелся контактными линзами — и увидел возможность круто изменить жизнь. Так Харчок Мэтти распрощался с прошлым и преобразился в элегантного, утонченного Мэттью. Его новая жизнь оказалась идеальной — как он и задумывал. И вот теперь этот… этот… привет из прошлого!

На следующее утро Мэттью чувствовал себя ужасно и поэтому взял больничный. Обычно его выходные были забиты свиданиями, которые шли одно за другим, но Робин ожидаемо исчезла с радаров, а на запланированное свидание с но-

вой девушкой (на аватарке та выглядела весьма сексуальной) он сил не наскреб.

В понедельник утром он заставил себя приползти в офис.

— Выглядишь ужасно, — усмехнулся его босс, подмигивая. — Выходные были активными?

— Можно и так сказать. — Мэттью попытался изобразить привычную улыбку кота, наевшегося сливок, но испугался, что стал похож на гиену с грыжей.

Пока компьютер загружался, он взял мобильный и открыл «Фейсбук». Там он обычно переписывался со своими дамами до того, как удостоить их обменом телефонными номерами. Снова это имя вверху списка новых сообщений: «Гарет Аткинсон». Он сглотнул и прочел:

> Жаль, что нам не удалось нормально поговорить в тот вечер. Давай встретимся, выпьем и обсудим былые времена. Не отказывайся, Мэтти. У меня сохранилась старая фотография класса, и твоим коллегам явно не стоит ее видеть…

А ниже два смеющихся эмодзи.

Мэттью глубоко вздохнул. Что он имел в виду? Это угроза? В растерянности он набрал ответ:

Звучит неплохо, как насчет следующей среды?

Встречаться с Гаретом было последним, чего ему хотелось, но он не мог рисковать и игнорировать одноклассника.

Мэттью сунул мобильный обратно в карман и зашел в рабочую почту. Именно тогда он и увидел сообщение Мелвина о Стелле.

Прекрасная молодая Стелла. Умерла.

Он вспомнил последний раз, когда видел ее: стоя перед дверью его квартиры, она произнесла: «Может, вскоре увидимся, если только мое число уже все не предсказало». Объяснение могло быть только одно. Стелла видела свое число. И это было число двадцать три. Внезапно пот потек по лицу, по спине, пропитывая белоснежную рубашку. Он зажмурился, но перед мысленным взором застыла Стелла, лежащая на рельсах метро с разбитой окровавленной головой. Он проковылял через свой кабинет к лифту, слепо нажимал на кнопки, пока не оказался на верхнем этаже. Добрался до дальнего правого угла крыши, где его не было видно. Прислонился к перилам и заставил себя смотреть на силуэты лондонских зданий, пытаясь успокоиться. Взгляд проследил

извивающуюся через весь город линию Темзы. Вид этот всегда приносил ему утешение: вода всегда была в движении, и лондонцы веками любовались ее бегом; Темза одновременно застыла во времени и обгоняла его. Но сейчас даже вид реки его не радовал. Ведь он мог думать только о своем числе. О приближающейся смерти.

Каким-то образом Мэттью пережил остаток недели, на автопилоте перенося телефонные звонки и встречи. Несколько раз он перечитал письмо Мелвина и принял решение не идти на похороны Стеллы. И все же в тот субботний день обнаружил себя на залитой дождем Кенсингтон-Хай-стрит, влекомый силой, которую не понимал.

Мэттью идет, уставившись на вьющиеся волосы Вивьен, пробираясь за ней сквозь толпу покупателей на главной улице, и наконец вся компания заходит в винный бар. Вивьен выбирает большой круглый стол у окна. Остальные занимают места вокруг нее.

Тристан

Тристан терпеливо ждет, пока красавица-официантка обходит стол, чтобы принять заказ. Разумеется, первым она обслуживает Мэттью

(двойной виски), затем внимание переключается на Джанет (белое вино), Гордона (газированная минералка), Мелвина (разливное пиво), Вивьен (тоже белое вино; «Может, просто возьмем бутылочку, Джанет?» — «Конечно!») и, наконец, самого Тристана. Он заказывает «Гиннесс» и думает: «Посмотрим, принесет ли она то, что нужно».

Оглядев компанию, Тристан осознает, что собравшиеся невольно сели в том же порядке, что и на званом ужине. Между Джанет и Гордоном даже осталось пустое место — для Стеллы. Он переводит взгляд с Мэттью на Джанет и вспоминает, как сводило зубы от их флирта две недели назад. Тогда Мэттью небрежно положил руку на спинку стула Джанет, а та, наклонившись к нему, наслаждалась вниманием. Сегодня, однако, Мэттью скрестил руки на груди и мрачно смотрит на стол, почти отвернувшись от Джанет, которая то и дело украдкой поглядывает на него, нервно потирая зубы указательным пальцем.

— Да уж, хотел бы я, чтобы мы встретились при лучших обстоятельствах, — произносит Мелвин, чьи большие руки тяжело опираются на стол, словно он председательствует в совете директоров.

— Бедная Стелла. Какая трагическая случай-

ность! А были свидетели? Может, другие люди на платформе? — Порывшись в сумочке, Вивьен наконец вытаскивает блокнот с серебряными колибри на обложке, а затем и ручку.

— Типичная журналистка! — хохочет Джанет — но до странного неуверенно, — и ее взгляд в нетерпении устремляется на Мелвина.

— Похоже, в том конце платформы больше никого не было, — отвечает Мелвин.

Вивьен делает пометку в блокноте.

— Может, кому-нибудь случилось пообщаться со Стеллой после того званого ужина? — спрашивает она, глядя на остальных с приподнятой бровью — и впрямь, типичная журналистка.

Джанет откашливается и многозначительно смотрит на Мэттью.

— Э-э… да. Мы с ней пропустили еще по стаканчику, но потом разошлись, — говорит он, потупившись, и покручивает безель своих серебряных часов.

Тристан замечает у Мэттью темные круги под глазами, щетину на подбородке и невольно вспоминает званый ужин, где блистательный холостяк обхаживал то Джанет, то Стеллу, то даже Вивьен, добиваясь их внимания и восхищения. Сегодняшний Мэттью — словно жалкая имита-

ция, сам у себя на разогреве.

— Слышали ведь, что Стелла была интернет-троллем? — бросает Джанет. — Может, она разозлила не того человека и поплатилась.

— Она явно была не в ладах с собой, — кивает Вивьен. — Мы видели, каковы ее родители. Она имела все, кроме любви.

— «При этом сказал им: жизнь человека не зависит от изобилия его имения»[7], — бормочет Тристан.

После смерти Стеллы социальные сети взорвались историей о ее тайной жизни интернет-тролля. Она бомбардировала соперниц-блогерш омерзительными, полными ненависти сообщениями. Ошеломляющее открытие затмило трагедию ее смерти и вызвало волну критики. Ее осуждали все — от членов парламента и звезд реалити-шоу до других, самых заурядных троллей. Отец Стеллы даже появился на женском ток-шоу, желая защитить доброе имя дочери.

За столом воцаряется тишина. Официантка возвращается с подносом напитков, разнося их по кругу, Тристану — последнему. Она ставит перед ним пинту сидра, и он, закрыв глаза, болезненно

---

[7] Примечания: 7
Лк. 12: 15.

сжимает челюсти. Заставляет себя посчитать от одного до пятидесяти, затем только нечетные, затем четные, затем простые числа… Вот теперь он наконец-то может взять напиток.

Вивьен продолжает строчить в блокноте.

— Ведете собственное расследование, мисс Марпл? — спрашивает Мелвин, вроде бы с улыбкой, но в голосе сквозит раздражение.

— Похоже, сами вы не справляетесь, дорогуша! — вмешивается Джанет, похлопывая Мелвина по растопыренным пальцам.

Улыбка Мелвина становится шире, а грудь приподнимается в глубоком вдохе.

— Вы хоть немного приблизились к разгадке того, кто организовал этот званый ужин? — спрашивает Вивьен.

— Действительно, та еще головоломка, — качает головой Мелвин. — Ресторан открылся в этом здании много лет назад. Похоже, теперь владелец сдает его под мероприятия. Я звонил на стационарный телефон, писал сообщения, но так и не получил ответа. Собирался заглянуть туда, но тут случилась беда со Стеллой…

— Я поискала в Сети и обзвонила несколько пиар-агентств, с которыми сотрудничает мое издание. Никто даже не слышал о «Серендипи-

ти» и званом ужине. — Вивьен делает еще одну заметку в блокноте.

— Я за второй порцией, — поясняет Мелвин, тут же вскакивая на ноги и направляясь к бару.

В его походке есть упругость, которой не было в «Серендипити».

— Пожалуйста, Мелвин, закажите мне воду! — кричит ему вслед Гордон.

Наблюдая за Мелвином, Тристан вспоминает, как они с Джанет шептались в конце званого ужина. Интересно, о чем они говорили? Возможно, спорили — сегодня они явно не расположены друг к другу. Тогда вечер уже выдохся, Вивьен только что ушла, а Тристана внезапно охватила усталость, и вскоре он тоже направился к выходу. На улице он увидел, что Вивьен стоит над рассыпанным содержимым своей сумочки. Она, явно растерянная, невидящим взглядом смотрела на телефон.

— Кажется, мобильный разрядился, — проговорила она. — А мне нужно вызвать такси.

— Тут недалеко метро, — успокоил он женщину.

Тристан помог ей собрать рассыпанные мелочи, и дальше они вместе шли до метро целых двадцать минут. Они немного обсудили других

гостей званого ужина, а затем Вивьен пожаловалась на плохие продажи своего журнала, неопытного начальника, безнадежных коллег. Он выслушал, задал несколько вопросов, а затем, уже у входа на станцию, она с румянцем на щеках поблагодарила его за помощь, прежде чем направиться к эскалаторам.

Глядя на ярко освещенную станцию, Тристан решил, что на сегодня хватит с него людей и шума, поэтому развернулся и пошел домой пешком. Он шагал по Лондону, и мысли о гостях званого ужина не давали ему покоя. Красные губы Джанет, невероятные черные глаза Мэттью, басовитый голос Мелвина. А затем — перепуганное лицо Джанет, когда та открыла конверт…

За всеми этими размышлениями Тристан не заметил, как оказался дома. Внутри все было в точности так, как он оставил: кухонька в чистоте и порядке, закрытый ноутбук на столе, двуспальная кровать заправлена без единой складочки. Все было как прежде, но сам Тристан теперь чувствовал себя иным. Он словно преисполнился сил после того, как годами сидел на разряженной батарее. Пальцы рук и ног покалывало от волнения. Он опустился на диван, но тело не находило покоя. Так что он расхаживал взад-вперед

по маленькой квартире, нарезая круги вокруг кухонного столика.

Наконец он сел за письменный стол, открыл ноутбук и зашел на «Фейсбук». Сразу же заглянул на страницу Элли и заметил два изменения. Во-первых, синяя кнопка с надписью «Друзья» теперь сменилась на «Добавить в друзья». Она удалила его из друзей.

— Что?! — вскричал он в ее улыбающееся лицо на аватарке.

Элли наверняка понимала, что Тристан заглядывает на ее страницу и, значит, быстро узнает об удалении из друзей. Он знал, что вскоре после него она начала с кем-то встречаться. Тристан едва не сломался, когда увидел, что Элли отметила мужчину на серии фотографий из шикарных ресторанов. Кто-то заснял две руки (одна из них — явно мужская, с массивными серебряными часами на запястье), сжимающие коктейли с шампанским. Были и другие снимки: театральные билеты, свидание на колесе обозрения. Потом новые фотографии перестали появляться и даже старые исчезли. На комментарий друга с вопросом «А что случилось?» Элли ответила эмодзи с разбитым сердцем.

Но все это произошло несколько месяцев назад,

и с тех пор о таинственном мужчине не было ни слуху ни духу. С чего бы ей сейчас удалить Тристана из друзей? Они сто лет не общались… Он мог объяснить это только тем, что она начала новые отношения, причем действительно серьезные. Всматриваясь в пиксели, составляющие слово «друзья», Тристан заставил себя обратиться к счету. Только числа — такие прекрасные, такие надежные — и не давали ему швырнуть ноутбук об стену.

— Это должно помочь справиться с потрясением, — говорит Мелвин, гордо приближаясь с серебряным подносом, уставленным шестью полными стопками.

Передавая стопки собеседникам, Мелвин улыбается, словно шафер на первом мальчишнике. Тристан вдруг понимает: после того званого ужина Мэттью кажется печальнее, а вот Мелвин — счастливее. Мэттью хватает стопку и опрокидывает ее. Он закрывает глаза, заливая в себя алкоголь и явно наслаждаясь ощущениями. К удивлению Тристана, Вивьен тут же следует его примеру.

— Пей до дна! — Мелвин поднимает стопку и чокается с Тристаном.

— За Стеллу, — говорит Тристан, прежде чем

поднести стопку к губам.

Он с трудом переносит резкий вкус аниса. Чтобы не выплюнуть напиток, Тристан призывает на помощь всю силу воли. Зажмурившись, заставляет себя проглотить жгучую жидкость и ждет, когда желудок вернет ее назад. Но нет, все улеглось. Тристана охватывает тепло, и он медленно открывает глаза.

Гордон

Гордон стискивает крохотную стопку. Прозрачная жидкость в ней выглядит вполне невинно, но он знает, что внутри — около сорока процентов спирта и ни капли антиоксидантов, приличествующих хорошему бокалу мальбека. Разумеется, Джанет осушила свою стопку в мгновение ока. Гордон ожидал, что Вивьен или Тристан воздержатся от распития, но, к его изумлению, оба опрокинули порции отвратительного напитка. Гордон подносит стопку ко рту, делает крошечный глоток, а затем прячет ее за пустым бокалом на столе. К счастью, никто этого не замечает, и он сдержанно вздыхает. После того, к чему привел званый ужин две недели назад, он больше не собирается злоупотреблять спиртным.

— Вы можете поверить, что мы ужинали со

Стеллой всего две недели назад, а теперь ее нет? — Вивьен обеими руками сжимает сумочку на коленях, словно капризного младенца, который норовит вывернуться и упасть на пол. — Никому не ведомо, когда придет его час.

Рука Гордона тянется к карману пиджака. Пора.

— Так вам не интересно, что я узнал? — спрашивает он, и пять пар глаз обращаются к нему.

— О да, Гордон! Вы говорили, что раскопали что-то о смерти Стеллы, — говорит Джанет.

— Прежде чем мы перейдем к этому, я хотел бы знать: кто-нибудь из вас после смерти Стеллы думал о своем числе? — снова спрашивает он.

— Гордон, я правда не думаю, что уместно обсуждать это в день ее похорон, — качает головой Мелвин.

— А мне кажется, сейчас самое подходящее время, — продолжает Гордон.

— Я не могу выкинуть из головы свое число, если хотите знать, — плачет Джанет, ее голос дрожит.

— Пожалуйста, Гордон, — произносит Мелвин самым успокаивающим тоном доброго полицейского. — Разве мы не договорились, что не будем воспринимать эти конверты всерьез? Смерть

Стеллы была трагической случайностью; никто не мог знать, что так произойдет.

— Я видела, как она оставила свой конверт на столе, — говорит Вивьен. — А значит, мы никогда не узнаем правду, и нечего тут обсуждать.

— Не узнаем? — переспрашивает Гордон, а затем достает из кармана маленький черный конверт и бросает его в центр стола, словно фокусник.

Джанет мелодраматически ахает. Все взгляды обращаются от Гордона к конверту, на котором четко написано имя Стеллы.

После званого ужина Гордон наблюдал, как расходятся остальные гости. Надевая пиджак, он заметил конверты Стеллы и Мелвина, все еще лежащие рядом с их столовыми приборами. Инстинктивно он сунул их в боковой кармашек своего портфеля. На улице он последовал за Джанет и Мелвином, которые вместе неспешно прогуливались по тротуару. Когда они забрели в бар местного отеля, он остановился снаружи, в тени, глядя, как они садятся у окна. Джанет хваталась за руки Мелвина через стол, ее нелепая грудь колыхалась перед его лицом. Гордон обнаружил, что не может оторвать от нее взгляда: это странное сочетание отвращения и интереса

снова шевельнулось в нем. Позже он поймал черное такси и, должно быть, в пути задремал: показалось, что такси резко остановилось у зеленых ворот на их тихой улице в Уондсворте всего лишь через пару минут. Он быстро расплатился с водителем, на цыпочках прошел в дом и поднялся по лестнице в их спальню. Элизабет крепко спала, что всегда вызывало в нем зависть. Его тело ныло от усталости, однако он понимал, что пока не может лечь спать. Ему нужно было что-то сделать со всей поглощенной едой, с вином. Опустившись на кровать, он сбросил с себя одежду и прилег рядом с Элизабет, всего на минуту…

Проснулся он несколько часов спустя: утренний свет проникал сквозь деревянные ставни, а Элизабет нигде не было. Гордон решил, что жена отправилась на утреннюю пробежку. Рот и язык Гордона были словно войлок, голова тяжелая. Он не мог перестать думать о пище, проваливающейся все дальше во внутренности, о своей идеально сбалансированной пищеварительной системе, которая взывала о помощи. Тогда он вскочил с кровати и склонился перед унитазом в ванной. Из-под раковины он быстро выудил запасную зубную щетку и с облегчением наблюдал, как стейк, красное вино и клейкий

переваренный картофель плюхнулись в унитаз.

— Гордон, что ты делаешь?

Внезапно возникшая позади него Элизабет переводила взгляд с зубной щетки в его руке на содержимое унитаза.

Когда они впервые встретились в университете в Эдинбурге, он рассказал ей о булимии, которая преследовала его в подростковом возрасте. «Но теперь я с этим покончил», — уверял он ее, а она, держа его за руку, рассказывала совершенно неподходящую случаю историю о том, как она не ела три дня, когда ее бросил первый парень. Когда проблема с булимией возникла снова (во время напряженного рабочего периода), Гордон решил, что это единичный случай, и не стал сообщать Элизабет. Но постепенно, за последние три года, переедание, а затем рвота стали частью его повседневной жизни.

Элизабет была в ярости.

— Почему ты мне не сказал?! — кричала она снова и снова, не слушая его безупречно обоснованных объяснений.

В итоге он пообещал, что этого больше не повторится, а она согласилась не рассказывать о его болезни ни их дочери, ни кому-либо еще.

— Занимаешься этой ерундой после всех лек-

ций о питании и заботе о теле? — спросила почти самодовольно жена.

Этот комментарий задел его, и позже тем же утром Гордон не мог не вспомнить о нем, стоя перед камерами в «Утреннем шоу». Когда его спросили о диете с яблочным уксусом, он запнулся, начал отвечать, но затем замер, усомнившись в себе. В студии повисла тишина — та гнетущая, ужасающая тишина, которая бывает только в прямом эфире на телевидении или радио. Ведущая смотрела на него, в предвкушении приподняв идеальные брови. Секунды тянулись мучительно. Кровь стучала в висках, тревога все нарастала, а потом заполонила его всего. Наконец Гордон пробормотал что-то об отсутствии научных доказательств, и в эфир пустили рекламную паузу. После съемок продюсеры повторяли, что все в порядке, но он видел их разочарованные лица.

Спустя неделю Гордон как раз печатал электронное письмо продюсеру шоу, уведомляя о готовности выступить, когда в почте всплыло сообщение от Мелвина. Та молодая женщина, Стелла, была мертва. Он вспомнил, как невежливо она отворачивалась от него за столом, а в ушах ее сверкали бриллианты. Она получила по заслугам. Вот что он подумал в первую секунду. Он

прочел сообщение Мелвина вместе с новостной статьей и именно тогда вспомнил о конвертах в портфеле. На их лицевой стороне значились имена «Стелла» и «Мелвин». На званом ужине Гордон был ошеломлен драматической реакцией Джанет на свой конверт и чрезмерно ревностными расспросами Вивьен официантов. Тогда ему казалось очевидным, что их всех позвали на спланированную пиар-игру, и никаких поводов для беспокойства здесь не могло быть. Но теперь Стелла умерла, а ее конверт оказался у него. Он сунул конверт Мелвина в ящик стола и сосредоточился на конверте Стеллы. Перевернув его, он заметил, что тот уже вскрыт. Он бросил только взгляд внутрь конверта — и сразу же напечатал ответ на письмо Мелвина.

В дни, предшествовавшие похоронам Стеллы, Гордон постоянно возвращался мыслями к тому вечеру в «Серендипити». В то время он считал, что званый ужин — всего лишь пустяк, глупая шутка какой-то медиакомпании, но теперь у него зародилась другая теория. Теория, которая его взволновала, придала ему сил и, возможно, вдохновила на некие изыскания. Он не мог решить, в какие именно детали посвящать других гостей, но хотел побудить их собраться еще раз,

намекнув на дополнительную информацию, а именно на конверт. Им следовало испытывать благодарность к нему за то, что он дальновидно прихватил конверт с собой. Но, как ни странно, все выглядели до смерти напуганными. Никто даже не пытался прикоснуться к конверту.

— Вскрыт! — ахнула Джанет.

— Он и был вскрыт, когда я его обнаружил, — поднимает руки Гордон. — Мэттью, ты последним видел Стеллу. Она упоминала, что вскрыла конверт?

Мэттью качает головой.

Гордон берет конверт, не желая позволить Джанет или Мелвину украсть у него этот важный момент.

— Не смейте! — кричит Джанет и шлепает его по руке.

— О чем это вы? — спрашивает Гордон, искренне растерянный. — Если мы откроем конверт и там будет число двадцать три, мы поймем, что предсказания верны.

— Надо было оставить конверт там, где вы его нашли, — говорит Вивьен. — Какой толк оттого, что мы узнаем число?

Гордон может лишь молча смотреть на нее. Неужели ему действительно нужно проговари-

вать очевидное? Она ведь опытная журналистка, пусть и работает в женском глянце. А он-то считал ее умнее.

— Пожалуй, нам стоит оставить все как есть. Мелвин может забрать конверт в полицейский участок и во всем разобраться, — говорит Тристан, поглядывая на полицейского, который небрежно стучит по кнопкам мобильного телефона.

Гордон в растерянности. Что не так с этими людьми?

Джанет

Джанет смотрит на черный конверт посреди стола. Имя Стеллы выведено на нем безупречным курсивом. Правую руку Джанет прижимает к груди, чувствуя, как колотится сердце. Закрывая глаза, она видит свой конверт таким, каким он был в тот вечер, на званом ужине, с этими незабываемыми словами: «Ты умрешь в сорок четыре».

Она наслаждалась вечером, изысканной едой и вином, обществом прекрасного молодого человека, увлекательной беседой. И вот спустя мгновение ей уже казалось, что из комнаты выкачали весь воздух, что он исчез из ее легких, потому что сама Смерть явилась и указала прямо

на Джанет. После этого она изо всех сил старалась взять себя в руки, убеждая себя, что все это дело рук какой-то мошеннической пиар-компании. Не помогло и то, что Мэттью переключил внимание на худенькую Стеллу, но, к счастью, подоспевший полицейский Мелвин предложил Джанет выпить еще, и она с облегчением покинула это удушающее место, повиснув на его руке. Но едва они устроились в баре отеля и пригубили виски, как правда о Мелвине выплеснулась наружу.

— Я, кажется, влюбляюсь, — признался он, имея в виду своего коллегу-мужчину. — Я не могу перестать думать о нем.

— Ты должен быть честен с собой. И с Мэри, — посоветовала Джанет.

С каждой минутой Мелвин все больше пьянел и впадал в меланхолию, а Джанет все больше нервничала, нуждаясь в большем отвлечении, которое помогло бы ей стереть из памяти то число. Наконец, когда бутылка виски опустела, Джанет уговорила Мелвина взять такси домой и поразмышлять, как рассказать все его бедной, ничего не подозревающей жене. Сама Джанет тоже взяла такси и поехала к Джайлзу. Он был ее любовником последние полгода, но пару недель назад она разорвала отношения, ведь предатель-

ская вина подняла внутри уродливую голову. Но в тот момент, в тот вечер, ей снова нужен был Джайлз.

— Ты вроде бы сказала, что нашим маленьким интрижкам пришел конец? — Джайлз, очаровательно растрепанный, лучезарно улыбнулся, стоя в дверях.

— Я скучала по тебе, — сказала она ему.

Он, как всегда, удовлетворил ее, что избавило Джанет от гнетущих мыслей примерно на час; но потом она не могла уснуть, слушая, как он храпит рядом. Подняв с пола кухни красное платье, она вызвала такси и незадолго до двух часов ночи уже была дома. В супружеской постели она, к своему разочарованию, обнаружила Билла — все еще живого и раскинувшего всюду руки-ноги. В конце концов она отправилась в гостевую комнату, где наконец задремала, но сон ее был беспокойным, посвященный званому ужину с животными в смокингах и числами, что были написаны кровью на стенах.

Она проснулась оттого, что Билл стоял над ней. Без очков он так некрасиво щурился.

— У тебя же утреннее совещание, дорогая, — поинтересовался он, почесывая пах, обтянутый пижамой.

— Черт! — вскричала она, осознав, что уже почти восемь утра, а собрание акционеров назначено на полдевятого.

В следующий раз домой Джанет попала уже за полночь. Ей хотелось хорошенько понежиться в ванне, а потом забраться в постель, только и всего, но Билл достал свой ежедневник и крошечный простой карандаш и начал их семейное, ежемесячное «плановое совещание». Наблюдая, как он смотрит сквозь очки, сидящие на кончике носа (растительность в этих ноздрях так и колосится!), она спрашивала себя, откуда рядом с ней взялся этот старикашка. Она познакомилась с Биллом в двадцать пять. В свои сорок тот был харизматичным мужчиной с либидо, как у подростка, привлекательной сединой в черных волосах и мускулистым телосложением завсегдатая фитнес-клубов. А теперь, почти в шестьдесят, превратился в располневшего старика, у которого едва хватало сил подняться по лестнице, не говоря уже о другой физической активности, в то время как Джанет только-только достигла расцвета.

— Пойдешь на крестины? Шестнадцатого мая? — спросил он.

— Пойду, — пробормотала она.

До намеченной даты еще уйма времени, чтобы выдумать какую-нибудь бизнес-встречу и улизнуть в последнюю минуту.

— Август проводим на вилле?

— Да, Билл, как и каждый год. Нам действительно нужно созывать собрание по этому поводу? — резко бросила она.

— А дальше — день рождения, тебе исполнится сорок пять. Довольно важная дата, — продолжал он. — Что хочешь в этом году: спа-выходные с друзьями, выезд на природу, или пусть будет сюрприз?

Билл, несмотря на все его недостатки, всегда очень серьезно относился к дню ее рождения. В первые годы брака он возил жену в Париж, Рим, однажды даже на Бали. Он добродушно улыбался, готовый услышать ее пожелания, но упоминание о дне рождения вызвало у нее мгновенный спазм, и она бросилась в уборную.

— Наверное, за ужином съела что-то не то, — объяснилась она потом. — Давай обсудим мой день рождения в другой раз.

— Хорошо, дорогая, но не тяни с этим долго. Это твой день, важный день, нельзя, чтобы ты провела его плохо.

Джанет поднялась наверх и набрала себе ванну.

Слова Билла все еще звучали в ее ушах: «Сорок пять… Довольно важная дата…»

«А что, если я вообще не доживу до дня рождения?!» — хотела бы крикнуть она ему, просто чтобы посмотреть на выражение его нелепого лица. В последнее время она позволяла себе замечтаться, какой сказкой станет ее жизнь, когда умрет Билл; но, возможно, судьба распорядилась иначе, и Билл действительно переживет Джанет. Нежась в теплой воде и лопая пузырьки пальцами ног, Джанет вспомнила слова из конверта: «Ты умрешь в сорок четыре». Остальные гости сочли это глупым перформансом, но, оглядываясь назад, Джанет осознала, насколько настоящим был тот вечер. Она вспомнила, как пламя камина плясало в отражении темных глаз Мэттью. Вспомнила насыщенный вкус еды и вина; аромат горящих, капающих воском свечей в канделябрах. Никакой фальши, никаких уловок. И в число внутри конверта она тоже поверила сразу. Она надеялась, что паника, охватившая ее на званом ужине, пройдет, но надеялась тщетно. Скорее, паника затихла внутри нее, словно грохочущий, медленно подогревающийся вулкан в ожидании идеального момента для извержения. Вытираясь насухо и надевая любимую шелковую пижаму,

Джанет мысленно сказала себе: не будь глупой. Нужно просто хорошо выспаться и с головой уйти в подготовку к грандиозному шоу «Шепота Софи» на следующей неделе. Ох и любила же она это время: ее модели появлялись в газетах, онлайн-продажи взлетали, а на ее столе неизменно появлялись корзины с шампанским и дорогим шоколадом. Вот что реально, сказала она себе. А не какое-то случайное число на безвкусном званом ужине.

К сожалению, действо пошло не по плану. Незадолго до торжественного завершения Марсель, ответственный за модный показ, потерял бюстье из настоящего золота, которое должна была надеть певица Лила Дейз. Он выкрикивал имя Джанет за кулисами, но та была занята кое-чем другим. Бедный Марсель испытал невероятный шок, когда распахнул шкаф и обнаружил там Джанет — на коленях перед финансовым директором. Ей едва удалось сохранить работу. Хуже всего было то, что она была виновата сама: слишком часто превышала лимит расходов, а финансовый директор ясно дал понять, что закроет глаза на это в обмен на определенное одолжение.

Лицо Джанет только-только вернуло обычный цвет, когда пришло письмо от Мелвина.

Она закатила глаза, читая про его безнадежные попытки выяснить что-то о званом ужине, но, дойдя до новости о Стелле, ахнула. Новостной сайт она открывала дрожащими руками. Джанет вспомнила, как в последний раз видела девушку в «Серендипити». Стелла, стоящая так близко к Мэттью, всего на миг встретилась с Джанет глазами. «Я победила», — говорил ее взгляд. И вот она мертва. Джанет захлестнуло сладкое чувство отмщения. Девушка попала под поезд метро на станции рядом с офисом Джанет. Бывает, подумала она.

И тут вулкан внутри нее загрохотал. Числа! Она не помнила, как Стелла открывала конверт на званом ужине, но что, если ее числом было двадцать три? Джанет быстро набрала ответ для Мелвина. Ей нужно было узнать число Стеллы. Потому что если это двадцать три, то числом Джанет могло оказаться сорок четыре. Она пробежала глазами сообщение Гордона, сомневаясь, что он скажет хоть что-то полезное, но на его предложение встретиться снова кивнула про себя. С тех пор она считала дни до похорон. Когда появились новости о троллинге, которым занималась Стелла, они вызвали в Джанет лишь умеренный интерес. Оказывается, в Стелле было

нечто большее, чем красивое личико и чувство стиля. Джанет не призналась бы в этом вслух, но вести о троллинге подарили ей даже немного симпатии к Стелле.

Когда Джанет столкнулась с Мэттью у церкви и спросила его о числах, она надеялась услышать от него нечто успокаивающее. Но тот повел себя очень странно. Он не смотрел ей в глаза, успокаивал ее нерешительно, а вдобавок нервничал, стоило ей упомянуть Стеллу. На званом ужине он почти повелся на чары Джанет, но сегодня вдруг отшатнулся, когда она просто взяла его за руку.

В присутствии других гостей Джанет изо всех сил старалась не демонстрировать панику. Но тут этот самодовольный доктор бросил конверт Стеллы на стол. Глядя на буквы ее имени, Джанет чувствует тошноту.

— Все в порядке, Джанет? Вы побледнели, — говорит Вивьен.

— Мне нужна минутка, — хрипло говорит она и выходит из-за стола. — Ради бога, не трогайте этот конверт без меня.

Мелвин

Мелвин выхватывает лишь некоторые слова из разговора, происходящего вокруг него.

Мелодраматичные — от вздыхающего Мэттью, нелогичные — от расстроенного Гордона, да еще огорченные бормотания — от тихони Тристана. Внимание Мелвина поглощено сообщением, которое он только что получил:

Не могу дождаться завтрашнего дня.
Наше первое свидание! Целую.

Сияя от счастья, Мелвин быстро отвечает, а затем убирает телефон обратно в карман.

— Почему вы так заулыбались? — спрашивает его Вивьен.

— Извините. Получил сообщение от друга, — отвечает он и пытается сделать лицо серьезнее.

«Да ладно тебе, Мелвин. Ради всего святого, сегодня похороны Стеллы, а ты полицейский — ты должен знать, как вести себя перед лицом горя…» А это значит не ухмыляться как идиот. Бедняжке было всего двадцать три, она едва стала взрослой, только-только начала путь в мире. Возможно, ей предстояло замужество, материнство — и все это у нее отняли. А он по сравнению с ней — старик, что одной ногой уже на пенсии, и все же, как это ни странно, готовый начать совершенно новую жизнь. Званый ужин, случившийся две недели назад, стал катализатором этих перемен.

— Ты это сделал? — шепчет ему на ухо Джанет, внезапно оказавшаяся слишком близко к нему.

— Э-э… — бормочет он, буквально чувствуя, как Вивьен постепенно поворачивает голову в их сторону и чуть ли не вострит уши. — Сегодня вечером как раз планирую.

К счастью, она больше ничего не говорит, а вместо этого садится обратно. Когда он предложил Джанет выпить в тот раз, он вовсе не собирался выкладывать ей все свои переживания, но виски развязало ему язык, и он бросил признания к ее ногам. От того, что он ей тогда наговорил, у Мелвина и сейчас потеют ладони. Признаться во всем незнакомке в незнакомом баре было так… безопасно. Он вспоминал то, как львиные глаза Джанет прожигали его, пока та настаивала: «Ты должен рассказать Мэри. Она заслуживает твоей честности. А ты заслуживаешь собственной, счастливой, жизни. Кто знает, сколько времени нам отмерено?»

Стелла прожила меньше двух недель…

С этого разговора и начался путь Мелвина прочь из ада. До этого он считал себя в тупике. Но Джанет сделала все нужные выводы за него: он просто должен быть честным. И вот на прошлой неделе он небрежно предложил Кристиану вы-

пить после работы, а тот радостно кивнул. В баре Мелвин собрал всю смелость в кулак, открыл рот, чтобы выплеснуть свои чувства, но Кристиан сам перебил его. Сначала он извинился на тот случай, если Мелвин сочтет его слова «неуместными» (он выглядел таким очаровательно уязвимым, когда произносил это слово!), а затем признался, что уже несколько месяцев испытывает к Мелвину чувства. Мелвин был в восторге. Ему даже не пришлось поднимать эту неловкую тему! Вместе они спланировали сегодняшний вечер. Мелвин приготовит Мэри свою легендарную лазанью, нальет им обоим по большому бокалу красного и откроет ей правду: их брак изжил себя, потому что он гей. Вчера вечером, когда Мэри уже спала, он позвонил Кристиану, чтобы обсудить последние детали.

— Тогда я приглашаю тебя на свидание в воскресенье! — воскликнул Кристиан голосом, полным слез радости.

Мелвин повесил трубку и откинулся на их старом диване. Все его тело будто взмывало над землей, словно оковы на запястьях и лодыжках начали постепенно ослабевать. Скоро он освободится от прежней жизни. Он сможет быть с Кристианом. Он не чувствовал себя таким

счастливым уже много лет. Только жаль, что ему пришлось снова пересечься с Джанет, ведь она явно не умеет хранить чужие тайны.

— Прошу, дамы и господа, — предложила официантка, направляясь к их столу с двумя бутылками шампанского, за ней следовал официант с шестью бокалами.

— Я подумала, что нам нужно попрощаться со Стеллой стильно, — говорит Джанет. — В конце концов, ее стиль был до смерти хорош!

Из-за этого замечания Мелвин переводит взгляд на Вивьен, а Джанет лишь ухмыляется и поднимает бокал, наполняя его до краев. Она одним глотком выпивает половину и снова поднимает бокал, чтобы долить. Когда все бокалы наполнены и официанты откланиваются, за столом снова воцаряется тишина. Конверт Стеллы все еще на месте, будто провоцируя кого-нибудь из них открыть его. Гордон даже не взглянул на свое шампанское, он просто ерзает на стуле. Мэттью быстро допил и теперь смотрит в пустой бокал. Вивьен делает маленькие жадные глотки из бокала, перечитывая заметки в блокноте. Тристан держит бокал в левой руке и грызет ноготь на правой. Стакан Джанет, испачканный помадой, стоит между ней и конвертом Стеллы.

— Взглянем на факты, — говорит Гордон, переключившись в режим лектора. — Джанет открыла конверт на званом ужине, и внутри прямо говорилось, что она умрет в сорок четыре года. Джанет, сколько вам сейчас?

Она делает новый большой глоток из своего бокала и смотрит сначала на Гордона, затем на Мэттью, а потом и на Мелвина — тот пожимает плечами.

— Как вам уже известно, мне сорок четыре, — произносит она хриплым голосом, откашливается и добавляет: — Мой день рождения был в июле.

— Гордон, я не уверен, что это знание кому-то поможет… — говорит Мелвин, заметив, как дрожит бокал в руке Джанет.

— В моем было число пятьдесят три. — Гордон протягивает ладонь к Мелвину. — Кто-нибудь еще открывал свой?

— Мой конверт исчез, — признается Вивьен. — Он был в моей сумке после званого ужина, но, похоже, я его где-то потеряла.

— А мой, наверное, все еще дома, в кармане джинсов. Я его не открывал, — сообщает Тристан. — Честно говоря, я совсем о нем забыл.

— Понятия не имею, куда делся мой, — пожи-

мает плечами Мелвин.

И все смотрят на Мэттью, который сверлит взглядом свой пустой бокал из-под шампанского.

— Наверное, я оставил его в «Серендипити». Невскрытым. — Он пожимает плечами, затем тянется за второй бутылкой и доливает всем игристого.

При этом Мелвин видит, как Мэттью случайно проливает немного шампанского на стол.

— Простите, день сегодня богат на события, — говорит он, и его щеки заливает румянец. — В любом случае давайте выпьем за прекрасную, стильную, озорную Стеллу.

Компания чокается, после чего почти все уходят в свои мысли. А вот Гордон прокашливается, явно желая вернуть разговор на прежние рельсы:

— Выходит, если в этом конверте число двадцать три, мы будем знать наверняка…

— Знать что? — вмешивается Джанет. — Что именно вы хотите сказать, Гордон? Что некто богоподобный смотрит в будущее и видит, когда мы все умрем?

— Нет, я ученый, — фыркает Гордон. — Я не верю в Бога — или в богоподобных людей, как вы выразились.

— Тогда кто за всем этим стоит? — резко вопро-

шает Вивьен. — Серийный убийца, предупреждающий нас о том, что он вышел на охоту?

— Так, не будем торопиться, друзья. Я читал полицейский отчет. Девушка упала под поезд метро. Несчастный случай. Ни единого намека на злой умысел, — говорит Мелвин.

— Но там же не было ни свидетелей, ни камер… — возражает Вивьен.

— И даже если в конверте написано «двадцать три», это может оказаться совпадением, — напряженно бормочет Мэттью.

— Он прав, — кивает Тристан.

За столом воцаряется тишина. Шесть пар глаз устремлены на конверт.

— Давайте заглянем внутрь, хорошо? — Гордон хватает конверт и выдергивает карточку.

Джанет ахает и закрывает глаза. Гордон всматривается в карточку и поднимает взгляд на Джанет, медленно моргнув.

— Да ради всего святого! — кричит Мэттью и выхватывает карточку из руки Гордона.

— Что там написано? — спрашивает Вивьен.

— Ты умрешь в двадцать три, — читает Мэттью и бросает карточку на стол.

— Полагаю, одно верное число может быть совпадением, но не два… Нам остается только

подождать и посмотреть, не повторится ли инцидент, — говорит Гордон, снимая очки, чтобы протереть их.

— Что повторится? — резко переспрашивает Мэттью Гордона.

— Если еще одно предсказание сбудется, мы поймем, что это не пиар-ход.

— Я сейчас упаду в обморок! — С глухим всхлипом Джанет прячет лицо в ладонях.

— Все в порядке, Джанет! — кричит Мелвин, обходя вокруг стола.

Пока Тристан приносит стакан воды и рюмку текилы из бара, Мэттью обмахивает Джанет винной картой; Мелвин хватает ее за руки и продолжает утешать.

Через двадцать минут на ее щеки возвращается румянец и истеричный плач наконец затихает.

— Я думала о том, что говорила Джанет: Стелла — тролль. — Вивьен листает блокнот. — Возможно, званый ужин запланировал кто-то из жертв троллинга, желая отомстить. Ну а мы — просто массовка.

— Все сходится, — снова кивает Тристан.

— Как я уже сказал, нет никаких доказательств, что это убийство, — повторяет Мелвин, взглянув на часы. — Но я пообщаюсь с коллегами в

понедельник, узнаю, смогут ли они заняться блогерами, которых оскорбила Стелла.

— Да, будьте добры, — просит Вивьен.

— У меня есть еще теория… — начинает Гордон.

— Гордон, пожалуйста, — вмешивается Мелвин, уже повышая голос. — Сегодня похороны Стеллы, а все эти глупые теории оскорбляют ее память. Давайте все прямо сейчас договоримся выбросить конверты.

— А что, если Вивьен ошибается и убийца на свободе? — снова плачет Джанет, допив свой напиток и сердито глядя на Гордона.

— Джанет, дорогая, нет никакого убийцы. Просто поверьте. Вы и оглянуться не успеете, как уже будете отмечать сорокапятилетие, — успокаивает ее Мелвин, но она уже встает и идет к выходу, не оглядываясь, бросив лишь «будем надеяться».

— Мне тоже пора. Сегодня идем в театр с Элизабет, — объявляет Гордон собравшимся за столом и стремительно уходит.

— И мне надо бежать, — говорит Вивьен, натягивая пальто. — Мелвин, сообщите, если будут новости.

— Я провожу вас до метро, — предлагает Тристан, и они оба прощаются.

Когда дверь за ними захлопывается, Мелвин смотрит на Мэттью, снова вспоминая званый ужин и то, каким уверенным, харизматичным был этот парень. Джанет тогда казалась пластилином в его руках; и даже Вивьен сияла, когда он соизволил уделить ей немного внимания. А еще Мелвин должен был признать, что не мог оторвать взгляда от темных глаз Мэттью и его широких плеч, обтянутых рубашкой. Но сегодня эти плечи ссутулились, будто все его тело пыталось стать меньше, на лице застыло выражение глубокой скорби. Мэттью весь вечер вертел в руках часы. Вряд ли это из-за смерти Стеллы — он ее едва знал.

— Ты в порядке, приятель? Ты что-то очень тихий сегодня, — замечает Мелвин.

— Все в порядке, спасибо, что спросили. Должен признать, неделя выдалась не очень. На работе завал, — бормочет Мэттью.

— Я просто хотел узнать, — мягко начинает Мелвин, — почему ты солгал про свой конверт? Я видел, как ты открывал его на званом ужине.

Мелвин действительно хорошо это помнит: как Мэттью уверенно отрывает уголок конверта и вытаскивает карточку, затем смотрит на число и, пожав плечами, прячет карточку в карман

пиджака.

— Что, если… — начинает Мэттью, но голос его дрожит и не дает сказать с первого раза. — Мое число — двадцать девять. Через три месяца мне будет тридцать. Что, если Гордон прав, и я следующий?

Он говорит все тише, и к концу предложения Мелвину приходится наклониться к нему вплотную: слово «следующий» Мэттью выдыхает сквозь ровные белые зубы почти беззвучно.

— Мэттью, ты молод. У тебя еще годы впереди… — говорит Мелвин.

Но Мэттью не слушает, уже безнадежно блуждая в лабиринте страха.

— У Стеллы было «двадцать три», и посмотрите, что с ней случилось! — кричит он, и пот ручьем струится по лицу. — Если и мое число верное, то у меня максимум три месяца. Как много времени я потратил впустую! Я думал, еще вся жизнь впереди, чтобы, ну, успеть нагуляться и остепениться…

Теперь Мелвин видит, что под маской самоуверенного героя-любовника со званого ужина таился кто-то другой — очень уязвимый.

— Слушай, мы все немного перебрали. Смерть Стеллы была просто трагической случайностью,

и я действительно в это верю. Просто совпадение, что ее числом было двадцать три, — говорит Мелвин отточенным строгим тоном, который одинаково действует и на шебутных подростков, и на перевозбужденных футбольных болельщиков.

По тому, как Мэттью опускает руки, Мелвин видит, что ему удалось достучаться до него.

— Правда? — спрашивает он с видом ребенка, которому нужно подтверждение, что Санта-Клаус существует.

— Правда. А теперь иди домой, ляг пораньше и завтра, быть может, своди какую-нибудь хорошенькую леди на обед.

Они прощаются у входа в винный бар. Уходя, Мелвин достает из кармана телефон, пишет Мэри сообщение: «Уже в пути» — и нажимает «Отправить».

Ресторан
Март 2016 года
Три месяца спустя

Вивьен

— У-у-у!

Мимо Вивьен, пока та осматривает вешалку с блузками, мчит красно-синее пятно.

— Осторожно! — кричит она вслед разогнавшемуся ребенку в костюме Человека-паука, который ловко объезжает вешалки на Бэт-самокате.

Качая головой, она недоумевает, с каких это пор детям разрешили кататься на самокатах по магазину «Маркс и Спенсер», да еще и в костюме

супергероя. Вот от нее в детстве требовали чинно ходить рядом с матерью, не шуметь в магазинах и ни в коем случае не пачкать обувь.

— Бам-бам-бам! — кричит маленький забияка, «стреляя» в Вивьен из собственного пальца, а затем заливисто смеется и прячется за стойкой с одеждой.

Серьезно, куда смотрят его родители? Вивьен всего лишь хотела съездить в город и купить что-нибудь для интервью, запланированного на следующую неделю. У нее и так был не лучший месяц; что плохого в том, чтобы хотеть немного тишины! Последнее, что ей нужно, — это стать мишенью супергероя-коротыша, которого, похоже, бросили родители — в надежде, что какая-нибудь добрая старушка заберет его к себе.

— Чарли, ты где? — раздается голос измученной матери.

Знакомый голос! Вивьен застывает на месте, выпучив глаза, словно ее застукали. Она быстро ныряет в укрытие из висящих водолазок.

— Вот ты где, глупыш. Что же ты вечно убегаешь от мамочки?

В голосе Кэт явно слышится облегчение. Она подхватывает светловолосого мальчика и осыпает поцелуями его локоны. У Вивьен от неудобных

пряток ноют колени, но сердце так и колотится при виде любви, которой ей не суждено познать.

— Бам-бам-бам! — кричит мальчик.

— О нет, ранил! — смеется Кэт. — Что, Человек-паук, хочешь кусочек шоколадного торта в кафе?

— Ура! — ликует он.

Когда пара уходит (Кэт с трудом тащит Чарли в правой руке, а самокат — в левой), их радостная болтовня затихает. Вивьен хмурится, с трудом разминая скрипящие, ноющие кости. В последнее время каждое движение дается ей с трудом. В молодости она принимала свое гибкое тело как должное. Теперь же, стоит только неудачно повернуться, как она чувствует боль в каждом суставе, в каждой мышце, в каждой стареющей косточке. Боже, как это удручающе неприятно — прощаться с молодостью. Вивьен выходит из магазина, так ничего и не купив, возвращается к станции метро и едет в Теддингтон, а по пути все вспоминает Кэт и Чарли. Нет никаких сомнений, что это ее сын, а не племянник или сын подружки, ведь она назвала себя «мамочкой». А еще у них на щеках — одинаковые ямочки, похожие на скобки. Кэт работала на Вивьен два года и ни разу не упомянула, что у нее есть сын. Чарли выглядит года на три, и, когда Кэт начала

работать в журнале, он мог быть еще младенцем. «Почему она не сказала мне?» — теряется в догадках Вивьен. Неужели Кэт думала, что к ней начнут относиться по-другому просто потому, что она мать? А может, Кэт не сказала, потому что бездетная Вивьен якобы не смогла бы ее понять? И внезапно Вивьен начинает связывать ниточки, которые слепо упускала из виду последние два года. Однажды Кэт брала интервью у женщины, чей маленький сын болел лейкемией. Весь разговор Кэт шмыгала носом прямо в трубку. После этого Вивьен устроила ей разнос, прочла лекцию о профессионализме… А все те разы, когда Кэт убегала с работы, держа в руке мобильник и оправдываясь перед Вивьен, что у подруги сложности с парнем? Или когда она появлялась утром с темными кругами под глазами, и Вивьен думала, что Кэт допоздна тусовалась с друзьями?

На прошлой неделе главред объявил, что журналу осталось жить всего лишь месяц, и на изможденном лице Кэт отразилась целая буря эмоций.

«Как же быть? Мне нужна эта работа!» — вскричала Кэт, но Вивьен отмахнулась от ее тревог. Кэт чуть за двадцать, вся карьера впереди. Вот самой Вивьен, в ее возрасте и после долгих лет

на одном месте, будет нелегко… Однако теперь Вивьен знает, что у Кэт на иждивении маленький сын, в то время как у самой Вивьен — лишь две кошки, которые и так-то почти не обращают на нее внимания. Да и ипотека за коттедж давно уже выплачена…

Заперев за собой входную дверь, Вивьен видит на полу гостиной груды бумаг. Несмотря на свою педантичность, за долгие годы работы в журнале Вивьен и дома, и в редакции накопила целые горы макулатуры. Устраиваясь на краю старого дивана, она хватает стопку бумаг и ссыпает листы на колени. Пожелтевшая фотография планирует на пол. Наклонившись, чтобы поднять карточку, Вивьен с замиранием сердца смотрит на невозможно юную себя и на загорелую руку Джеймса, небрежно обнимающую эту версию за плечо; рядом стол с тарелками, полными кальмаров и картофеля фри. Закрывая глаза, Вивьен почти чувствует, каким был на вкус тот день: лимоны и соль, морепродукты, надежда на новую жизнь и на то, что она наконец нашла свое место. Затем — слезы, боль сердечная, боль физическая и то, что стало причиной первой фуги. Убрав фотографию в самый низ стопки, она продолжает поиски и наконец находит нужное. Материал,

который написала Кэт вскоре после появления в редакции. Весь текст исчеркан красной ручкой Вивьен, вытатуирован крестиками и заглавными буквами: «ГДЕ ОРФОГРАФИЯ?» и «БРЕД!». Все эти комментарии напоминают ей что-то. Ах да: сцену ссоры родителей Стеллы у церкви. Вот ее разъяренная мать кричит: «Она жила ради твоего одобрения, а ты лишь критиковал!» Отец обеспечил дочери безбедную жизнь, но развил в ней комплекс неполноценности, и весь внутренний негатив она обратила на конкурентов-блогеров. В итоге это привело к смерти Стеллы. Перечитывая собственные ремарки, Вивьен понимает, что по-своему троллила Кэт. Только теперь, глядя на материал, она видит некую изюминку и непринужденный стиль, облегчающий чтение. Но все это было в тексте и до комментариев Вивьен; а несли ли эти комментарии вообще что-нибудь хорошее? Сникнув, Вивьен ощущает горький стыд. А она-то считала себя вдохновляющей наставницей — да, жесткой, но только потому, что она хотела замотивировать Кэт. Но на самом деле Вивьен перебарщивала с критикой на каждом шагу, вбивала в голову Кэт собственное чувство несостоятельности и подрывала уверенность младшей коллеги. Кэт наверняка с трудом дер-

жалась до конца рабочего дня, а потом ей еще приходилось в одиночку заботиться о малыше.

* * *

Назавтра Вивьен сидит за столом и смотрит, как коллеги деловито снуют вокруг нее, пакуют в картонные коробки старые журналы для портфолио, бесплатную косметику и письменные принадлежности.

— Не взглянешь на этот «материал»? — спрашивает главный и кладет перед ней лист бумаги, подмигивая с очарованием солиста из бойз-бэнда ранних девяностых.

— Конечно, — с легкой улыбкой отвечает она, переворачивает его резюме и лихо исправляет орфографию и пунктуацию.

Даже в самых диких фантазиях Вивьен не предполагала, что будет помогать Дэмиану с поиском новой работы. Но в один из вечеров на прошлой неделе она застала его в полной панике и неожиданно прониклась к нему сочувствием.

Он объяснил, что это резюме для конкурирующего издания, но из-за недиагностированной дислексии ему трудно писать в официальном стиле. Его «творческий ум» (как он выразился) без проблем справлялся с объявлениями и макетами

для журнала, но впал в истерику из-за простого резюме. Вивьен, к своему удивлению, предложила помощь. Она ожидала от себя зависти, яда, ведь сама не получила ни единого отклика на разосланные резюме, но почему-то так и не испытала гневных чувств. Она даже задумалась, не станет ли закрытие журнала поводом попробовать что-то новое в жизни. Да и что плохого в помощи коллеге?

Вернув Дэмиану резюме и получив за старания второе подмигивание, она проходит мимо стола Кэт. Пока остальные члены команды, наспех состряпав последние тексты, собирают вещи на столах и распечатывают сопроводительные письма, Кэт все еще по горло занята работой: ни на секунду не отрываясь от монитора, упорно набивает на клавиатуре строчки.

— Кэт, можно тебя на пару слов? — спрашивает Вивьен.

— Я почти закончила, — отвечает Кэт, по-прежнему глядя в экран. — Помню, что обещала сдать текст сразу с утра, но, может, вас устроит в час дня?

— Устроит. Но дело не в тексте. Сходим в кафе, подышим свежим воздухом? — предлагает Вивьен.

В кафе Вивьен платит за свой чай, кофе для Кэт и щедрые куски шоколадного торта на двоих.

— Все в порядке? — Кэт держит руки на коленях, не прикасаясь ни к кофе, ни к торту.

— В порядке… Ну… настолько хорошо, насколько это возможно, — отвечает Вивьен, берет нож и аккуратно разрезает торт пополам. — Ты много работала на этих выходных?

— Не очень. Вчера по магазинам ходила.

— Вообще-то, я видела тебя… с Чарли, — ровным голосом произносит Вивьен.

— Чарли? — бормочет Кэт, застигнутая врасплох. — Он… он… Уверена, вы все поняли, Вивьен. Он — мой сын.

Ее только что поймали на двухлетней лжи, но Кэт все равно не может сдержать гордой улыбки при слове «сын». И Вивьен — тоже. Кэт есть кем гордиться: у нее идеальный маленький шалопай. Безрассудный укротитель Бэт-самоката и безжалостный метатель паутины.

— Простите, что я не рассказала вам о нем, — говорит Кэт. — Я не ожидала получить эту работу; потом поклялась, что расскажу все в первый же день, но возможности так и не представилось, потому что…

— Потому что я была злобной коровой, — за-

канчивает Вивьен.

— Я не к этому вела! — ахает Кэт, поднося руку ко рту.

— Но это правда, — вздыхает Вивьен. — Это мне следует извиняться. Я ужасно с тобой обращалась последние два года.

— Не нужно извиняться, — говорит Кэт. — Вы многому меня научили. Я просто надеюсь, что скоро найду другую работу.

На лице Кэт появляется такое беспокойство, что Вивьен невольно тянется к ней и касается ее руки.

— Тебе нужна помощь с Чарли?

Вопрос, кажется, запоздал на два года.

Тут в глазах Кэт появляется влага, и происходит нечто странное: Вивьен не чувствует привычных разочарования и гнева при виде ее слез. Ей просто грустно. Она достает из сумки салфетку и протягивает ее Кэт.

— Моя мама умерла незадолго до рождения Чарли. Его отец в Австралии. Одна моя подруга, которая воспитывает маленькую дочку, забирает Чарли к себе, когда я на работе, но и она уже вскоре переезжает, а я задолжала за аренду…

— Вдохни поглубже, — наставляет Вивьен.

— Простите! Я знаю, вы не любите, когда я пла-

чу на работе, — бормочет Кэт.

— Но мы же не на работе, правда? Да и повод поплакать действительно есть. Не то что там закрытие старого, никому не нужного журнала.

Кэт смотрит на Вивьен и улыбается.

* * *

— Она работала у меня два года и ни разу не упомянула, что она мать, — говорит Вивьен, шагая по тротуару.

— Хм, вот так странность, — бормочет Тристан, шагая рядом с ней.

— Есть что сказать по этому поводу? — Вивьен внезапно останавливается и поворачивается к нему лицом.

— Ну… надо признать… Когда мы впервые встретились, ты показалась мне не самым отзывчивым человеком, хотя теперь я знаю, что это не так, — говорит Тристан, глядя себе под ноги. — Кэт, должно быть, не чувствовала, что может тебе довериться, и я ее понимаю.

После похорон Стеллы Вивьен расспросила Тристана о его навыках и о том, разбирается ли он в создании блогов. Он признался, что разбирается, и она уговорила его встретиться с ней в следующее воскресенье в уютном маленьком

кафе недалеко от Ватерлоо. Правда, она всего-то надеялась на консультацию с IT-специалистом, причем бесплатную, но получила даже сверх того.

Когда он в заляпанной футболке, откидывая с лица немытые волосы, ввалился в «Кафе блё», элегантно одетые дамы за соседним столиком так и выкатили глаза, а Вивьен усомнилась в разумности своей затеи. Но едва Вивьен и Тристан заказали напитки и завели беседу, все сомнения тут же отпали. Его инструкции были разумными и четкими; он терпеливо отвечал на все вопросы, без тени снисходительности. Два часа пролетели незаметно, и даже когда Вивьен поняла, что опаздывает домой к очередной серии «Аббатства Даунтон», они еще полчаса болтали о том, какой сезон им нравился больше всего (второй, согласились они, хотя Вивьен питала слабость к шестому, где Эдит наконец обрела счастье). Все кончилось тем, что они теперь видятся каждое воскресенье, и длится это уже три месяца. Тристан даже приехал в гости к Вивьен, чтобы навести «генеральную уборку» в дебрях ее софта, стоило ей пожаловаться на медленную загрузку компьютера. А благодаря навыкам Тристана у Вивьен теперь есть блог, постепенно обретающий

формат.

Вивьен открывает рот, чтобы возразить, но тут же закрывает его, качает головой и продолжает путь.

— Куда мы идем? — спрашивает Тристан, но она все еще думает о Кэт.

— Я нашла ее старый материал. Я разнесла его, думая, что помогаю ей стать лучше, но, вероятно, она восприняла мои намерения совершенно иначе, — признается она.

— Что ж, еще не поздно загладить вину.

Вивьен переходит дорогу перед высоким зданием, затем поворачивает налево, чтобы обойти его солнечную сторону. Она останавливается перед металлической дверью, оглядывается по сторонам и тянется к ручке.

— Вивьен! — кричит Тристан. — Не думаю, что тебе туда можно.

— Тише… И, кажется, ты имеешь в виду, что нам сюда нельзя. Но мы пойдем.

Тристан явно потрясен, однако он все равно следует за ней. Как она и думала, дверь выходит на аварийную лестницу сбоку здания. Она поднимает голову и насчитывает как минимум двадцать лестничных пролетов. Хорошо, что сегодня она в балетках.

— Мы пойдем на самый верх? — шепчет Тристан.

Вивьен не отвечает, просто ведет его все выше и выше. На пятнадцатом этаже у нее уже отваливаются ноги, а в боку колет.

— Минутку, — говорит она Тристану, прислоняясь к перилам.

Его щеки покраснели, по вискам стекают струйки пота.

— Это же офисное здание, где работал Мэттью? — бормочет он, тяжело дыша.

— Я просто должна была увидеть все своими глазами, — кивает она.

— Было бы легче, если бы сегодня я не носил это, — теребит он воротник новой белой рубашки.

— Я заметила, что ты приоделся, — говорит она, имея в виду его темно-синие брюки и коричневые туфли вместо привычных джинсов и кроссовок.

— Ну, не мог же я не заметить твоих не слишком тонких намеков, — закатывает глаза Тристан.

— Думаю, Мэттью одобрил бы твой внешний вид. Он всегда расхаживал в строгих костюмах, — говорит она и вдруг чувствует, как подступают слезы.

* * *

На прошлой неделе Вивьен дремала за своим рабочим столом, когда пришло письмо. Она только что приняла две таблетки парацетамола от пульсирующей мигрени — боль шла вслед за эпизодом фуги, случившимся вчера. На этот раз все продлилось недолго; она выскочила с работы в обеденный перерыв, чтобы занести посылку на почту, а очнулась уже после шести вечера, в поезде по дороге домой. Пришлось позвонить редактору и сказать, что она заболела. По крайней мере, слабый, дрожащий голос звучал убедительно. Вивьен утешала себя рассуждениями, что на сей раз эпизод был относительно безобидным и отнял у нее всего пару часов. Может, это знак, что она постепенно поправляется? Но письмо от Мелвина лишь усилило головную боль.

От: Мелвин Уильямс
Кому: Группа «Серендипити»
Тема: И снова плохие новости

Всем здравствуйте!

Мне очень жаль снова сообщать плохие вести. Но я чувствую себя обязанным поделиться с вами новостью о Мэттью. Пожалуйста, не придавайте этому слишком большого значения. Беднягу явно доконала стрессовая работа. Его компания проводит поминальную службу в эти выходные. Подробности позже. Надеюсь увидеть вас всех там.

Искренне ваш,
Мелвин

В новостной заметке сообщалось, что двадцатидевятилетний банкир покончил с собой, спрыгнув с тридцать второго этажа в Кэнэри-Уорф. Журналист также приложила список трех других молодых банкиров, погибших таким же образом за последние шесть месяцев.

В оцепенении Вивьен перечитала сначала слова Мелвина, а затем и саму новость. Но сколько бы раз она не пробегала текст глазами, результат не менялся. Мэттью был мертв. Красивый, харизматичный, молодой Мэттью. Мертв.

Через полчаса пришел ответ Гордона.

От: Доктор Гордон Макмиллан
Кому: Группа «Серендипити»

Тема: Re: И снова плохие новости

Дорогой Мелвин!

Итак, эта новость полностью опровергает теорию Вивьен о том, что Стелла была убита в отместку за троллинг. Хотя мы не можем утверждать с уверенностью, но следует предположить, что число Мэттью было 29, а это делает его предсказание вторым сбывшимся. Жду вашу новую теорию, Вивьен.

Увидимся на поминках Мэттью.

С уважением,
доктор Гордон

Вивьен скрипнула зубами от легкомысленного отношения Гордона к смерти Мэттью, но отказалась ввязываться в онлайн-дискуссию и просто ответила, что увидится с четырьмя оставшимися гостями на поминках (Джанет покинула группу после похорон Стеллы).

Следующий час она потратила на распечатку всех заметок и репортажей о смерти Стеллы и Мэттью, а вдобавок дурацкой статьи под названием «Самые горячие холостяки Лондона», где писали о Мэттью, и нескольких историй о Стелле. Все это она сложила в пластиковую папку.

Вечером, у себя дома, она отодвинула журнальный столик и кресла к стене своей маленькой гостиной и разложила все статьи на полу. Затем Вивьен, вооружившись маркером, тщательно проштудировала каждую, после чего села на корточки и оглядела свою работу. «Несчастный случай», «самоубийство», настаивал Мелвин, но Вивьен чувствовала, что он что-то упускает. Если бы Мэттью хотел покончить с собой, стал бы он делать это на глазах у коллег, посреди рабочего дня? В статьях сообщалось о «предполагаемом самоубийстве», но ведь его дом — прямо в центре Кэнэри-Уорф — наверняка был усеян камерами видеонаблюдения, в том числе и на крыше. Откуда же у нее возникли сомнения в том, что произошло тем днем? Она решила расследовать это сама.

Записав в блокнот последние подозрения, Вивьен вновь обыскала спальню в поисках конверта. Вытащила все ящики, опустошила дно шкафа — и плюхнулась обратно на кровать, измученная и подавленная. При взгляде на сумочку, висевшую на спинке стула у туалетного столика, ее осенило. Она отыскала маникюрные ножницы и осторожно вспорола подкладку, проделав в ней дырку, чтобы просунуть пальцы и нашарить

завалившийся туда конверт. Но ничего не нашла. От злости сумка полетела на пол. Ну чего Вивьен стоило открыть конверт, пока была возможность?! Сейчас оставалось только направить весь гнев в продуктивное русло.

* * *

Отдышавшись, Вивьен продолжает подъем по лестнице.

— На какой этаж мы идем? — спрашивает следующий за ней Тристан.

— На самый верхний, тридцать второй, — бросает она через плечо и усмехается, слыша хрип Тристана.

Наконец они добираются до крыши, где их встречает еще одна металлическая дверь. Вивьен всем телом, переполненным адреналином, давит на ручку. Она выходит на крышу, и ветер мгновенно поднимает ее волосы дыбом. Неуверенно Вивьен шагает вперед, любуясь невероятным видом на Лондон — изящными изгибами Темзы, небоскребами вдали — забавным «Огурцом» и футуристичным «Шардом». Она чувствует приступ дежавю, но ощущение исчезает прежде, чем она успевает его ухватить.

— Судя по тому, что я почерпнула из статей, он

должен был прыгнуть отсюда.

Она подходит к углу здания, по краю которого тянутся достаточно низкие перила, чтобы легко их перешагнуть. Вивьен достает блокнот и принимается чертить карту места преступления.

— Камеры здесь и здесь, — рисует она крестики. — А ведь здесь камеры нет…

— Вряд ли камеры его засекли. — Тристан все так и топчется в проеме, крепко держа ручку двери.

— Ты в порядке? — спрашивает Вивьен.

— В порядке. Не очень люблю высоту, — бормочет он.

Тут Вивьен замечает что-то под ногами, за перилами рядом с местом, где, по ее мнению, перелезал их Мэттью. Там что-то чернеет.

Она уже готова наклониться, но останавливается, услышав тяжелые шаги за дверью.

— Что вы здесь делаете?!

Сквозь шум ветра прорывается голос, и к ним шагает шкафоподобный дядька с выступающим лбом и одним подбитым глазом.

— Ой, простите-простите! — Прижав руку к груди, Вивьен с ужасом на лице роняет сумочку на пол — изнутри вываливаются очки для чтения и зонтик. — Кажется, мы немного заблудились.

Как хорошо, что вы нас нашли!

— Заблудились, значит? — резко произносит он, но уже не таким враждебным тоном.

— Не покажете, где тут метро? — спрашивает она. — Только вещи в сумочку соберу.

— Сюда идите, — хрипло отвечает он.

Когда мужчина отворачивается, Тристан идет за ним, а Вивьен наклоняется и подбирает свои вещи — вместе с таинственным предметом из-под перил. Она запихивает все в сумку и следует за остальными через дверь. Через несколько минут их без всяких расшаркиваний оставляют одних на тротуаре.

— Как раз вовремя, — говорит Вивьен, взглянув на часы.

— Неужели это было так необходимо? — восклицает Тристан, следуя за ней к мемориалу.

— Да, я так думаю, — отвечает она, наслаждаясь его удивлением.

Они идут молча. Наверное, не стоит рассказывать Тристану о том, как накануне Вивьен ездила на станцию «Слоун-сквер» — туда, где погибла Стелла. Ее поиски принесли плоды. Вивьен обнаружила у входа в метро две лестницы, ведущие к двум концам платформы. Стелла упала с левого края, в то время как большинство пассажиров

садились с правого. Почему она была там совсем одна — где как раз не было камер видеонаблюдения?

Они уже у ресторана. Тристан придерживает дверь, и Вивьен приятно почувствовать новизну: наконец-то она на светском мероприятии не одна, а в чьей-то компании. Не придется тратить время на мучительный поиск хоть одного знакомого лица.

Их проводят сквозь фойе в главный зал ресторана, где выстроился ряд из пятидесяти стульев. Напротив них повесили большую фотографию потрясающе красивого Мэттью. Первый ряд уже занят женщинами, вокруг также расположилось несколько хорошо одетых мужчин, но в остальном посетителей на удивление мало. Мелвин машет им рукой со своего места в конце зала, и они пробираются к нему.

Тристан

— Плачущие вдовушки, — шепчет Мелвин, указывая на женщин в первом ряду. — Как вы думаете, Мэттью встречался с ними всеми?

Тристан окидывает взглядом восемь красавиц в коротких черных платьях и на высоких каблуках. Женщины аккуратно промокают глаза

салфетками, глядя на фотографию Мэттью, хором шмыгают и вздыхают, растерянно перешептываются.

— Я бы не удивился, — бормочет он, сжимая и разжимая правую руку на колене.

— Какая трагедия, — шепчет Вивьен. — У него было все…

«Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?»[8] — приходит в голову Тристану.

— Значит, его числом было двадцать девять, — объявляет Гордон из заднего ряда, сжимая длинными пальцами спинку стула Тристана.

— Здравствуйте, Гордон. Обсудим это позже? — резко бросает Вивьен, и Гордон откидывается назад, фыркая, как недовольный подросток.

Звук захлопнувшейся двери заставляет Тристана обернуться — в глубине зала он видит Джанет. По крайней мере, он думает, что это Джанет. На женщине приталенное черное платье с высоким воротом и каблуки, широкополая черная шляпа, ниспадающая вуаль. Тристан подталкивает Вивьен и кивает в сторону Джанет.

— Чуть-чуть перебор… — бормочет она, и он

---

[8] Примечания: 8
Притч. 6: 28.

еле удерживается от смешка.

Вивьен пробует помахать в сторону Джанет, но та уже нашла себе место в конце зала. Наступает тишина. Невысокий загорелый мужчина с золотым кольцом на мизинце подходит к подиуму и начинает возиться с микрофоном. Заметив на нем безупречно белую рубашку и идеально сидящий костюм, Тристан краснеет. У него самого после утренней прогулки с Вивьен пятна от пота под мышками и еще серое пятно на рубашке спереди (неудачно облокотился на перила лестницы). По сравнению с этим мужчиной Тристан чувствует себя грязным школьником. Он качает головой: зачем только Вивьен вынудила его нарядиться?

— Спасибо всем, что присоединились к нам в этот печальный день, — произносит мужчина. — Как вам всем наверняка известно, меня зовут Кеннет Уайзман. Мэттью работал у меня последние пять лет.

С едва скрываемой завистью он говорит о «непринужденном обаянии» Мэттью в общении как с клиентами, так и с коллегами. Затем — почти с наслаждением — расписывается в своем удивлении от того факта, что Мэттью «скрывал глубокую депрессию».

«Глубокая депрессия, глубокая депрессия,

глубокая депрессия». Слова доносятся до ушей Тристана и оседают на языке. Он ловит себя на том, что снова и снова беззвучно произносит звук «д». Это как поэзия, как барабанная дробь. Сложно остановиться. Поэтому он заставляет себя оглядеть зал, оценить «плачущих вдовушек» в первом ряду. Восемь женщин. Пятьдесят процентов из них — блондинки, тридцать семь с половиной процента — брюнетки, двенадцать с половиной процента — рыжие. Математические вычисления возникают в голове без малейших усилий. С Тристаном такое случается, стоит ему оказаться в помещении, полном людей (что происходит нечасто): он машинально высчитывает процент мужчин или женщин, процент людей в очках и так далее. Простота и неопровержимое постоянство цифр всегда успокаивают его беспорядочные мысли.

— Думаю, прекрасная Робин хотела бы сказать несколько слов, — объявляет начальник Мэттью.

Тристану приходит в голову ведущий ток-шоу, представляющий очередную голливудскую старлетку. Одна из полусотни процентов блондинок встает и, покачиваясь, идет к микрофону.

— Привет всем, и спасибо, что пришли, — шепчет она, прижимая к горлу платок, словно

героиня старого французского фильма. — Я Робин, девушка Мэттью.

При слове «девушка» по первому ряду прокатывается волна недовольства.

— Я просто хочу сказать, что он действительно был внимательным, щедрым, замечательным парнем. Он стал бы фантастическим мужем. — Пауза для преувеличенно скорбного вздоха, а затем — финал: — Мое сердце разбито.

Робин кажется опустошенной, но слова звучат четко, словно отрепетированные. Ее глаза идеально накрашены и не выглядят ни опухшими, ни покрасневшими. Она скромно склоняет голову и возвращается к первому ряду, цокая каблуками. Вот и вся любовь. Начальник Мэттью приглашает угощаться шампанским и канапе, и скорбящие берут свои пальто, покидая ряды стульев. Вся поминальная церемония продлилась не больше десяти минут.

— Ну, значит, шампанское и канапе.

Вивьен встает, и Тристану ничего не остается, кроме как встать и пойти за ней.

Направляясь к барной зоне, они проходят мимо Джанет в заднем ряду. Та сидит, опустив голову и облокотившись на колени. Тристан бросает взгляд на Вивьен: может, поговорить с ней?

— Э-э… Вы в порядке, Джанет? — наклоняется к ней Вивьен, пока мимо, ворча, проходит Гордон.

— Мне нужна минутка, — раздается голос из-под вуали.

— Мы подождем тебя в баре. — Мелвин касается ее плеча и жестом приглашает остальных следовать за ним.

Он выходит за дверь и устремляется к высокому столу, где уже сидит Гордон.

Пока Мелвин занимает один из барных табуретов, Тристан замечает, что тот выглядит иначе. Определенно стройнее; явно моложе; и на нем твидовый костюм-тройка. Тристан, конечно, не эксперт в стиле, но ему кажется, что галстук-бабочка — тоже перебор.

— Надо сказать, выглядите весьма элегантно, — замечает Вивьен, устроившись на табурете.

— Не слишком? — спрашивает Мелвин, положив руку на свой подтянутый живот.

— Очень стильно, — скучающе кивает Гордон.

— Спасибо. Мой коллега, Кристиан, немного меня преобразил.

При упоминании имени Мелвин слегка меняется: грудь выпячивается вперед, а лицо озаряется, словно внутри загорелся свет.

— А как там Мэри? — спрашивает Вивьен.

— О, вообще-то, неважно. Увы, понадобился еще один курс химиотерапии, зато сейчас ей лучше, — бормочет Мелвин, затем извиняется и уходит на поиски уборной.

— Кто-нибудь видит эти канапе? — спрашивает Вивьен.

Тристан наблюдает, как она оглядывает помещение. Сейчас полдень. Она привыкла завтракать в полседьмого утра — миской гранолы с горстью ягод — и конечно, уже нагуляла аппетит (по ее собственному выражению). Вивьен поднимает взгляд и гордо улыбается ему: да, в рубашке и брюках он действительно шикарен. Честно говоря, за последние несколько месяцев Тристан словно обрел вторую маму. Когда Вивьен спросила его о блогах после похорон Стеллы, он был уверен, что ей просто требуется бесплатная консультация. Он уже открыл рот — сослаться на занятость, но тут ее слова «боюсь, я не успеваю за современным миром» заставили его призадуматься. Вивьен была так холодна, когда они впервые встретились на улице. Сплошной лед и острые грани. Но постепенно она на его глазах оттаяла, и он увидел в ней то, что она наверняка усиленно скрывала. Тристан дал ей свою визитку и, не успев опомниться, уже сидел напротив Вивьен в душном

маленьком кафе в Ватерлоо. Встреча вызывала в нем мандраж, но, как только они начали общаться, произошло нечто неожиданное. Он получал удовольствие. Вивьен была усердной, внимательной ученицей, она задавала толковые вопросы и схватывала идеи на лету. И она действительно слушала, когда он говорил, слушала с широко распахнутыми голубыми глазами, впитывая каждое слово. С тех пор они видятся каждое воскресенье, и Тристан с нетерпением ждет новых встреч.

— Не против немного помочь? — резко спрашивает Джанет, протягивая Тристану руку в шелковой перчатке.

Он слезает со своего табурета, а она цепляется ногой за перекладину табурета рядом и пытается подтянуться.

— Ну же! — стонет она, крепче сжимая его руку.

На Тристана приходится большая часть ее веса — а ведь за последние три месяца она изрядно пополнела. Он слышит смешок Гордона, когда рука Джанет начинает выскальзывать из перчатки. Поддерживая женщину изо всех сил, Тристан поднимает взгляд и видит в глазах Вивьен форменное озорство.

Тут Джанет медленно заваливается набок. Ее

шляпа летит на пол, вуаль, колыхнувшись, опускается сверху.

— Ловлю!

Мелвин вдруг возникает сбоку от Джанет, легко помогает ей взгромоздиться на табурет и даже подбирает нелепую шляпу.

— Спасибо, Мелвин, — говорит Джанет. — Эти чертовы перчатки вечно соскальзывают! Хотела надеть кожаные, но нашла только эти.

Она запихивает провинившиеся перчатки в сумку и достает маленькое зеркальце, чтобы поправить прическу.

Услышав слова Джанет, Вивьен резко вскидывает голову и с потрясением вглядывается в Тристана.

— Что? — беззвучно спрашивает он.

Но тут появляется официант с подносом блинчиков с копченым лососем, а за ним подходит еще один, разнося шампанское.

— Не откажусь, — говорит Джанет, беря себе три блина и сразу два бокала. — И еще обеденное меню, будьте любезны.

Гордон откашливается.

— Итак, теперь у нас больше доказательств, — начинает он, поглядывая на официантов: те, к счастью, уже направляются к столику «плачущих

вдовушек».

— Доказательства? Вы имеете в виду трагическое самоубийство Мэттью? — басит Мелвин.

— Точно. Число Стеллы оказалось верным, а теперь подтвердилось и то, что число Мэттью действительно было «двадцать девять»… — говорит Гордон.

— Я думала, Мэттью не открывал конверт, — вмешивается Вивьен.

— Он нам так и сказал в винном баре, но после того, как вы все ушли, он признался мне, что видел число — двадцать девять, — серьезно говорит Мелвин.

— Я так и знала! — плачет Джанет, шатаясь на табурете, как гигантская неваляшка.

— Что он еще сказал? — спрашивает Вивьен.

— Бедный парень был в ужасе, — отвечает Мелвин. — Я пытался его переубедить, но, похоже, он уже страдал от депрессии.

— Должно быть, эта мысль мучила его, — бормочет Тристан, представляя Мэттью на крыше.

Его взгляд скользит к столу с «вдовушками». Восемь! Тристан не уверен, что за всю жизнь хотя бы говорил с восемью красивыми женщинами, не говоря уже о свиданиях. И почему Мэттью не мог быть счастлив хотя бы с одной из них?

Тристан был счастливее всех, когда встречался с Элли, — он обожал ее щербатую улыбку, буйные кудри и хриплый смех. Он отдавал ей всего себя. Но ей оказалось мало.

Тристан часами пытался ответить на вопрос матери: «Чем ты ее отпугнул?» Единственный ответ, который он смог найти, заключался в том, что он слишком сильно любил. Когда они только познакомились, он читал ее любимые книги, слушал ее любимые фолк-группы, даже позволял ей выбирать ему одежду, например льняные рубашки и даже футболку-варенку вырвиглазного цвета.

Когда они были вдвоем, в отношениях царила идиллия. А вот когда вмешивались другие люди, все сразу шло наперекосяк. Сестра Элли хронически болела — то попадала в больницу, то выписывалась из нее. Элли могла в любой момент сорваться из дома после телефонного звонка. Коллеги по школе постоянно тащили ее куда-нибудь выпить после работы. Поначалу та приглашала Тристана присоединиться, но он даже сейчас содрогается, представляя, как ее друзья-учителя смеются над шутками, понятными им и Элли, но не ему. А уж директор школы не переставал жутко пялиться на Элли, хотя рядом были его

гламурная жена и маленький ребенок. Через какое-то время Тристан начал искать отговорки, чтобы не проводить вечер в такой компании.

— Они тебе не по душе? — наконец спросила Элли, когда Тристан сослался на мигрень в день рождения директора.

— Я просто им не доверяю — и думаю, тебе тоже не стоит, — признался он.

— Знаю, ты обо мне заботишься, но иногда это немного угнетает, — сказала она ему. — Ты будто видишь в каждом только худшее.

Тристан пообещал дать ей больше свободы и присмотреться к ее друзьям. Они с Элли поехали в отпуск — последняя попытка спасти отношения. Как ему показалось, отпуск прошел гладко, но через неделю после возвращения Элли порвала с ним.

— Я возьму шарики аранчини для начала — две порции, пожалуйста, — затем бургер с картошкой фри и луковые кольца, — говорит Джанет официанту.

Вивьен и Мелвин заказывают сэндвичи, а Гордон просто нетерпеливо отмахивается.

— Интересно, есть ли здесь кто-нибудь из родных Мэттью? — говорит Вивьен, оглядывая зал.

Тристан ищет глазами какую-нибудь пожилую

пару или людей с такими же темными глазами, как у Мэттью, — брата или сестру. Но повсюду только «плачущие вдовушки» да коллеги в строгих костюмах.

— Возможно, они не были близки… — пожимает плечами Гордон.

— Это не оправдание, чтобы не являться на поминки, — резко говорит Вивьен.

Тристан представляет своих родителей на похоронах единственного ребенка. Он так и видит крепкие плечи отца, втиснутые в старый костюм, который уже много лет был ему не впору. Он не может представить, как тот плачет; нет, он, скорее всего, пойдет в бар и попытается залить горе. А мать купила бы новое платье по случаю — вероятно, с ярким цветочным рисунком, и вот она бы точно плакала. Но Тристан вдруг запрещает себе представлять дальше. После того, что он обнаружил дома в коробке, легко думать, что они вообще не так отреагируют. Может, пожмут плечами, да и заживут как прежде.

А что насчет Элли? Тристан гадает, пошла бы бывшая девушка на его похороны. Возможно, такое потрясение наконец заставит ее понять, что она фатально ошиблась. Что Тристан тоже стал бы фантастическим мужем — так ведь Робин

сказала о Мэттью. Но уже будет слишком поздно. Внезапно сердце Тристана бешено колотится. Адреналин захлестывает. Ему не усидеть на месте.

— Я на минутку, — бормочет он, чуть не падает с табурета и направляется к двери.

На улице он сворачивает направо, едва не врезаясь в большое растение. Колючая листва, похожая на пальмовые листья, цепляет за плечо, но одновременно скрывает его из виду. Присев, Тристан с закрытыми глазами начинает считать.

— Ты в порядке? — спрашивает голос из темноты, и Тристан чувствует руку на своем плече.

— Прочь! — резко произносит он, с силой сбрасывая чужую ладонь.

— Да ладно тебе, приятель, не напрягайся, — говорит мужчина, по-видимому не испугавшись; Тристан улавливает сильный северно-английский акцент, странную смесь джорди и ланкаширского. — Я просто постою здесь, пока тебе не полегчает.

Тристан делает семь глубоких вдохов, потом неохотно открывает глаза и смотрит на мужчину — тот теперь сидит на корточках перед ним. Он смотрит не на Тристана, а сквозь него, явно погруженный в свои мысли. Мужчина — примерно ровесник Мэттью, одет в костюм (слишком

широкий в плечах и пошитый из дешевой, блестящей ткани; Мэттью ужаснулся бы). От того, как его волосы зачесаны назад, все лицо кажется пластмассовым. У Тристана возникает иррациональное желание протянуть руку и потрогать кожу. Брюки мужчины задрались, и Тристан замечает, что один носок на нем черный, другой — темно-синий.

— Спасибо. Я в порядке, правда, — говорит Тристан. — Простите за беспокойство.

— Никакого беспокойства, — отвечает мужчина, сверкнув рядом маленьких, острых зубов. — Гарет Аткинсон.

Он протягивает руку. Тристан пожимает ее, стараясь не отвернуться, когда его обдает резким запахом пива.

— Ты хорошо знал Мэтти? — спрашивает он Тристана.

— Э-э… не слишком, — бормочет Тристан, но Гарет не слушает: он просто ищет повод поговорить о «Мэтти».

— Вообще-то, он ненавидел, когда его так называли, — начинает он, сложив руки, словно в молитве. — Мы вместе учились в школе. Не виделись много лет, но вот несколько месяцев назад случайно столкнулись. Он, конечно, был этому

не рад. Еще бы!

— В смысле? — У Тристана начинают болеть колени, и он слегка переминается с ноги на ногу.

— Я не то чтобы был любезен с ним в школе. Но ты бы его видел: эти толстые очки, постоянно мокрый нос… — продолжает Гарет. — Хотя ничто не оправдывает травлю. Теперь я это знаю.

— Нет, не оправдывает, — кивает Тристан, вспоминая собственное детство.

— Детство Мэтти выпало просто ужасное. Его мать была, не побоюсь этого слова, злом во плоти. Бог знает, через что она заставила его пройти за закрытыми дверями. Но ему удалось сбежать от нее, от всех нас. Очень грустно, что все так закончилось.

— Ты в порядке, Тристан? — раздается голос сверху.

Тристан поднимает взгляд и видит Вивьен, стоящую над ними обоими. Быстро кивнув Гарету на прощание, Тристан встает и следует за ней.

Гордон

Гордон видит, как Тристан возвращается к столу с покрасневшими глазами и более бледным, чем обычно, лицом. Элизабет часто обвиняет Гордона в отсутствии эмпатии, поэтому он рад,

когда определяет, что Тристан опустошен из-за смерти Мэттью. Однако это само по себе озадачивает. Они, кажется, не были близки, и более того: Гордон не помнит, чтобы эти двое вообще разговаривали друг с другом на званом ужине или в винном баре три месяца назад. Гордон хмурится. Сколько бы он ни наблюдал за людьми, многие остаются для него загадкой. Слава богу, он принадлежит миру науки, где все строится на непреложных фактах. И потом, он здесь не для того, чтобы гадать о социальных навыках Тристана или его ориентации. У него, как говорится, есть дела поважнее.

— Все нормально, приятель? — спрашивает Мелвин, протягивая Тристану и Вивьен по бокалу шампанского.

Каждый из их компании уже выпил по пять бокалов. Гордон все еще не отошел от первого. Шампанское не так калорийно, как красное вино, но его легкая, игристая натура позволяет быстро переборщить с ним; сегодня Гордону лучше быть начеку.

А вот Джанет, очевидно, не волнуется по поводу калорий, судя по тому, как она вливает в себя шампанское и вгрызается в бургер. Исподтишка взглянув на ее тело, Гордон замечает, что задница

практически поглощает маленький табурет. За три месяца Джанет набрала стоуна[9] два, а ее кожа приобрела нездоровый цвет, который часто выдает тех, кто употребляет спиртное с завидной регулярностью.

— С ним все в порядке, — отвечает Вивьен Мелвину. — Так что вы говорили?

— Мэттью — четвертый банкир, ушедший вот так за последние полгода. Эти ребята испытывают невероятное давление. Я не должен этого говорить, но мы разузнали, что он принимал антидепрессанты и каждую неделю ходил к психологу, — серьезно говорит Мелвин. — В прошлый раз, когда я с ним общался, он упоминал о проблемах на работе. Просто ужасно.

— Да-да, это очень печально, — кивает Гордон, — но, думаю, главное все же то, что число Мэттью — уже второе сбывшееся. Теперь можно с уверенностью предполагать, что и остальные числа верны.

— Но как кто-то мог знать, что Мэттью умрет именно таким образом? — спрашивает Тристан.

— А может, он не спрыгнул. Может, его столкнули, — говорит Вивьен, доставая из сумки свой

---

[9] Примечания: 9

Стоун составляет примерно 6,35 кг. Таким образом, Джанет набрала около 12,7 кг.

дурацкий блокнот.

— Ты же не думаешь, что Стеллу и Мэттью убили? — спрашивает Мелвин.

— Я размышляла об этом, и да, это может быть одним из объяснений, — отвечает Вивьен и откашливается, по-видимому готовясь пуститься в монолог.

— Кого вообще волнует, как это происходит! — вмешивается Джанет, не отрываясь от бургера. — Это просто происходит. Нам нужно смириться.

— Ну вот я, например, не сдамся без боя, — говорит Гордон.

— Другая теория может заключаться в том, что числа не предупреждали об убийствах, а фактически подталкивали людей к смерти, — предполагает Тристан.

— Имеете в виду самоисполняющееся пророчество? — спрашивает Гордон, наклоняясь ближе к Вивьен, чтобы увидеть рисунки в ее блокноте (что-то вроде карты со множеством крестиков).

Она тут же закрывает рисунок рукой и кивает:

— Интересная мысль, Тристан. Я вполне могу это представить. Учитывая, что Мэттью страдал от депрессии. Узнав, что жить ему осталось совсем недолго, он просто потерял рассудок.

— Взял дело в свои руки, можно сказать, — бормочет Гордон, больше для себя, чем для остальных.

— А как же Стелла? — спрашивает Мелвин. — Нет ни одной улики, доказывающей, что она сама прыгнула под поезд метро.

— Разве нет? У нее явно были психические проблемы… — говорит Тристан.

Гордон вздыхает и нетерпеливо качает головой. Его постоянно поражает интеллектуальная несостоятельность всей этой группы. Но, вероятно, именно на это и рассчитывал таинственный организатор званого ужина.

— Одна из теорий, над которой я работаю, заключается в том, что хозяин званого ужина затеял социальный эксперимент, — произносит он.

— Социальный эксперимент? — переспрашивает Джанет.

— Вы слыхали о Стэнфордском тюремном эксперименте? — Он говорит медленно и четко, чтобы группа поспевала за ним. — В тысяча девятьсот семьдесят первом году была создана имитация тюрьмы. Участникам эксперимента назначили роли надзирателей и заключенных. В итоге все они слишком серьезно отнеслись к своим обязанностям: надзиратели проявляли

жестокость и агрессию, заключенные впали в депрессию, и эксперимент пришлось прервать.

— Какое, черт возьми, отношение это имеет к нам?! — резко бросает Джанет.

— Организаторы эксперимента ставили перед собой вопрос: как определенная ситуация влияет на поведение людей? Возможно, в эксперименте «Серендипити» вопрос звучит иначе: как влияет на людей знание даты их кончины? — предполагает Гордон, но затем закусывает губу: он не планировал рассказывать так много.

— А потом нас всех убивают, одного за другим?! — кричит Вивьен. — Это же неэтично! Никто не одобрит такой эксперимент, Гордон.

— Просто смешно, — поддерживает Джанет.

Гордон делает глубокий вдох. Нет смысла объяснять им дальше свою теорию. Они просто не способны понять. Но Вивьен права насчет этики, такой эксперимент не одобрили бы в научном сообществе. Однако Гордон считает, что он проводится вне их юрисдикции.

— Возможно, с нами поработал экстрасенс, — внезапно произносит Джанет, уже прикончив бургер с картошкой фри.

— Не смешите, — увещевает Гордон.

— Я серьезно! В подростковом возрасте я хо-

дила к экстрасенсу. Она так много знала! Я ей и слова не сказала, а она уже знала, что у меня есть младшая сестра, что моя тетя Маргарет недавно скончалась. Она предсказала, что я выйду замуж за мужчину старше меня, чье имя начинается на Б, и стану успешной бизнесвумен…

— Наверное, она всем это говорила, — хмыкает Вивьен. — Мы писали репортаж об экстрасенсах-мошенниках. Это настолько крупный бизнес, что ради подсказок они готовы на все: роются в ваших записях, ищут информацию в соцсетях, расспрашивают друзей.

— Ну, как я уже сказала, вряд ли это теперь имеет значение, — пыхтит Джанет. — Пошел мой обратный отсчет, и я собираюсь извлечь из остатка жизни максимум пользы.

Все на мгновение замолкают. Но тут Вивьен вздрагивает.

— Мне снятся тревожные сны о званом ужине. Этот стол с виноградными лозами над ним, молчаливые официанты и странные картины на стене… — вспоминает она, розовея щеками, вероятно от шампанского, и затем перелистывает несколько страниц блокнота, к виденным Гордоном наброскам. — Я пыталась вспомнить, что именно изображалось на том необычном рисун-

ке. Там было множество животных, одетых как люди, и они располагались так, как рассадили нас. Моему месту соответствовал орел, а месту Тристана, помню, две дерущиеся собаки, — говорит она, переворачивая блокнот и показывая им рисунки орла с весами и собаки, замахнувшейся кулаком.

— Я совсем забыл об этом, — качает головой Мелвин. — Кажется, на моем месте был кот, курящий трубку.

— А у меня — поросенок. Чертовски очаровательно! — фыркает Джанет и делает большой глоток шампанского.

Вивьен что-то строчит в блокноте, а затем выжидающе смотрит на Гордона.

— Кажется, на моем был изображен павлин в цилиндре, но я уверен, что это не имеет никакого значения… — говорит он.

Но Мелвин уже обсуждает с Джанет стейк, а Вивьен перебирает какие-то бумаги, положив их себе на колени. Гордон никому об этом не болтал, но званый ужин изменил его жизнь. После того как Элизабет узнала маленький секрет мужа, она взяла с него обещание обратиться к психологу. Гордона передергивало от этой мысли. Какой-то зазнайка с дурацким дипломом психолога не

мог быть ничем ему полезен. Но Элизабет не сдавалась, поэтому он сказал, что записался на еженедельный сеанс, назвал имя психолога. Каждое субботнее утро он прощался с женой и проводил восхитительный час на тренировке в спортзале в Ричмонде. Только это ему и нужно было для самосовершенствования. Все шло идеально, пока Элизабет не провела собственное расследование и не обнаружила, что доктор Леонард Маккой на самом деле персонаж «Звездного пути», а не психолог, специализирующийся на расстройствах пищевого поведения. Последние три месяца он спал в гостевой комнате, и его игнорировали как жена, так и дочь; последняя не знала о ссоре, но неизменно считала Гордона виноватым.

Этот остракизм возымел эффект, обратный тому, на который могла бы надеяться Элизабет. Гордон наслаждался свободным временем для размышлений и невмешательством семьи в его привычный распорядок дня. Он всегда стремился к тому самому совершенству, как физическому, так и моральному, и вот теперь начал задумываться, не сдерживают ли его определенные жизненные обстоятельства…

Единственным негативным моментом стало

то, что больше его не звали на телевидение. Похоже, его недавнее маленькое фиаско подорвало доверие продюсеров, и звонки прекратились. Он даже сам позвонил им, чтобы предложить свою версию «ватной диеты», которую в последнее время так усердно использовали некоторые недалекие модели. Ему обещали перезвонить, а уже на следующее утро Гордон с ужасом увидел по телевизору самодовольное лицо доктора Беверли Букер — та объясняла, почему «ватная диета» опасна и неэффективна. Когда его возмущение улеглось, Гордон пришел к выводу, что телешоу, вероятнее всего, лишь добавляло ему стресса и что он мог бы тратить время более разумно.

На прошлой неделе, когда Мелвин прислал электронное письмо с новостями о Мэттью, Гордон сидел на кровати в гостевой комнате с ноутбуком на коленях. Он знал, где расположен офис Мэттью; сам недавно был в этом районе на семинаре «Мультивитамины: величайшая афера в мире». В тот день он проходил мимо многоквартирного дома и вспомнил, как Мэттью на званом ужине с гордостью произнес название своего банка. Губы Гордона расплылись в улыбке, пока он читал письмо; улыбку вызвало воспоминание о том, как самодовольная Вивьен строила неле-

пые теории о смерти Стеллы. Она была так горда собой! Но оказалась досадно далека от истины. После этого Гордон еще добрых полчаса просидел на кровати, в размышлениях, пока не принял решение. Он согласился прийти на панихиду по Мэттью под предлогом того, чтобы почтить его память, но на самом деле это была просто вылазка за информацией. Ему требовались все факты, прежде чем приступить к реализации планов. Гордон был убежден, что званый ужин устроило тайное научное общество. О нем шептались все вокруг еще в университетские времена. Присоединиться к нему можно, только решив интеллектуальную задачку, не похожую ни на одну другую. «Серендипити», числа, конверты — все это и есть вызов, брошенный Гордону. И он его примет. На самом деле он сделает даже больше, чем требуется. Ему просто нужно следить за этой группой, узнать числа участников, оценить их реакцию и собрать всю возможную информацию. А затем он сделает свой ход.

Гордон собирается спросить Вивьен о ее числе, но громкие голоса из-за соседнего стола мешают разговору. Этот стол принадлежал гарему Мэттью — так Гордон теперь называет женщин.

— Что ты там вякнула?! — кричит Робин, на-

звавшаяся девушкой Мэттью.

— Тебе нет до него дела. Ты просто ищешь жалости к себе — и еще одного богатого банкира, — отвечает другая, шатенка, стирая крупную слезу с прыщавого лица.

— И кого же он тогда любил? Думаешь, тебя? — шипит Робин сквозь зубы.

— Да, — хрипло говорит женщина и заливается новым потоком слез.

— А мне он говорил, что любит меня, — печально говорит третья — с кудряшками, — похлопывая Робин по спине.

— Да брось, Наталия, ты вообще познакомилась с ним в «Тиндере». Ты разве не подозревала, что он встречается с другими девушками? — спрашивает Робин, ее слова преисполнены возмущения.

— Ой, заткнись! Ты понятия не имеешь, что было у нас с Мэттью. Мы делали вместе то, чего я никому, кроме него, не позволяла! — резко бросает Наталия, а потом так же резко краснеет и бежит в дамскую комнату.

— Не волнуйся, дорогая! Мы все знаем, какие у него были вкусы! — кричит ей в спину Робин.

Гордон и остальные возвращаются к своей беседе лишь тогда, когда босс Мэттью подходит «утешить» Робин — ее глаза при этом абсолютно

сухие.

— Мне кажется, изображения животных могут быть подсказкой, — говорит Вивьен, просматривая записи в блокноте. — Я почти уверена, что картина была просто приклеена к обоям, а еще такие же животные были на наших сервировочных карточках…

Гордон тяжело вздыхает. Лучше вернуть разговор в нужное русло.

— Итак… Вам интересно, кто следующий? — спрашивает он, оглядывая стол.

— «Кто следующий»? Что вы имеете в виду?! — огрызается Тристан; в его голубых глазах неожиданная угроза.

— Ну, мы знаем, что мое число — пятьдесят три. Мне отмерен минимум год, максимум два. У Джанет — четыре месяца.

Где-то в глубине души Гордон слышит предостерегающий тон Элизабет, но его больше не волнует, что о нем подумают; пора подойти к делу как ученый, взвесив все факты.

— Гордон… — стонет Мелвин, глядя на Джанет. — Я уверен, что Джанет…

— О дорогуша, не стоит меня защищать. И так ясно, что я следующая, и я уже решила использовать оставшееся у меня время с толком, — невнят-

но произносит Джанет, затем встает, хватает недопитую бутылку шампанского и идет к столику молодых банкиров.

Что за нелепая женщина!

— А что по остальным? — Гордон переводит взгляд с Тристана на Вивьен.

— Я открыл свой конверт, — вставляет Тристан. — Мое число — сорок пять, если хотите знать. Сейчас мне тридцать восемь. — Он даже не поднимает взгляд на Гордона.

— Сорок пять? О, да у вас куча времени… — говорит Гордон.

— Ты мне этого не говорил, — восклицает Вивьен. — Я думала, ты тоже потерял…

— Я не хотел тебя волновать, — отвечает Тристан. — У меня впереди еще много лет — почти вдвое больше, чем было у Стеллы, — хотя я все равно не верю в этот фарс.

Вивьен хватает Тристана за руку:

— В сорок пять все равно рано умирать!

— Вы нашли свой конверт, Вивьен? — вмешивается Гордон.

— К сожалению, нет. — Она не сводит глаз с Тристана. — Я снова обыскала дом, но, по всей видимости, придется смириться с тем, что он пропал.

Гордон делает глубокий вдох, сдерживая раздражение.

— Может, тебе лучше не знать. У меня тоже нет конверта, — говорит Мелвин. — Должно быть, оставил в ресторане.

Гордон наблюдает за ним, его рука тянется к нагрудному карману пиджака, к конверту с именем Мелвина. Стоит ли его доставать?

— Лично я предпочитаю руководствоваться всеми фактами, — говорит он, наблюдая за реакцией Мелвина, но тот выглядит таким же безразличным, словно смотрит какое-то реалити-шоу, лишь слегка забавное.

Затем Мелвин лезет за телефоном, глупо улыбается и начинает что-то набирать. Ну что ж, решение принято. Гордон пока что не станет показывать ему конверт.

— Пожалуй, я пойду. Меня ждут насыщенные выходные.

Гордон пожимает руку Тристану и Вивьен и машет Мелвину, который все еще погружен в переписку.

Потом слезает с табурета и идет к дверям.

У него впереди много работы.

Джанет

Памятуя о конфузе с барным табуретом, Джанет не пытается снова на него взобраться. Вместо этого она замирает у стола, поближе к самому высокому банкиру, и ставит перед ним бутылку.

— Не возражаете, если я спрячусь здесь на минутку? — спрашивает она, наклонив голову набок, когда мужчина поворачивается к ней. — Сегодня мне попалась весьма унылая компания.

— Конечно же, мы не против, — отвечает мужчина и поправляет очки, словно чтобы лучше ее разглядеть. — Я Джонатан.

Он представляет остальных троих мужчин за столом. Один — невысок, другой — волосат, третий — начальник Мэттью. Она даже не пробует запоминать их имена. Да и зачем? Ее цель — Джонатан. Ей редко нравятся мужчины ниже шести футов, а в нем, по ее прикидкам, как раз добрых шесть футов и два дюйма[10]. Очки и рябая кожа — это, конечно, минус, но все же…

— Я так понимаю, вы работали с этим красавчиком Мэттью? — спрашивает она мужчин, которые с радостью разливают по бокалам при-

---

[10] Примечания: 10

Фут составляет примерно 30 см, дюйм — около 2,5 см.

несенное шампанское.

— Верно, — отвечает ей невысокий. — Он был в своем деле хорош и знал это. А на фондовом рынке и вовсе не ведал пощады.

— Правда? — мурлычет она. — Расскажите-ка подробнее! Фондовый рынок всегда меня завораживал. — Она изо всех сил пытается кокетничать, но кажется неискренней даже себе самой.

— Давайте лучше не будем говорить о делах, — милостиво вмешивается Джонатан. — И как же вы познакомились с нашим Мэттью? Полагаю, вы не одна из его жертв?

Джанет открывает рот, чтобы ответить, но тут остальные мужчины разражаются смехом. Она стискивает зубы и изо всех сил старается тоже хихикнуть.

— Честно говоря, вы не в его вкусе, — грубо замечает волосатый и косится на стол подружек Мэттью.

— Даже не заглядывайся туда, друг мой. Они тебе не по зубам, — говорит Джонатан.

— Но они так расстроены! Уверен, им нужна жилетка, чтобы поплакать. — С этими словами и бодрым смехом волосатый берет бутылку Джанет и идет к «вдовушкам».

— Будет забавно взглянуть, как они его ото-

шьют, — хихикает босс Мэттью.

У Джанет нет времени на все эти глупости. Так что она решает быть напористее.

— Вы, банкиры, все такие же шалунишки, как Мэттью? — шепчет она Джонатану, положив руку ему на плечо.

— Вы шутите? Только не Джонни, — вмешивается невысокий. — Этот умеет говорить лишь о своей жене и детях. Он среди нас самый воспитанный.

Джанет старается дышать размеренно. Как всегда, выбрала не того… И шампанского лишилась… Оглядываясь, она видит, как банкир наливает Робин игристое и сочувственно кивает в ответ на ее болтовню.

— А вот мои малыши, — говорит Джонатан, показывая ей на телефоне фотографию троих рыжеволосых детей.

— О, они прелесть, — кивает она. — Вы, должно быть, очень ими гордитесь.

— Горжусь! — Он восторженно смотрит на фотографию, видимо не слыша ее дежурного ответа.

— Закажем еще шампанского? — предлагает Джанет, но Джонатан уже листает фотоальбом, показывая новые снимки отпрысков, напомина-

ющих братьев Уизли.

— А у вас есть дети? — спрашивает он.

Вопрос, который Джанет обдумывает уже больше двадцати лет… Какой ответ ей сегодня дать? Легкомысленный, шутливый, серьезный, честный? Может, просто пофлиртовать и сменить тему?

— Нет, — коротко и ясно отвечает она.

— Семья — это лучшее, что может быть у человека, — говорит Джонатан. — Какие ваши годы! Сейчас женщины и в пятьдесят рожают.

Джанет пытается не огрызнуться в ответ на явное оскорбление.

— Моя жена подумывает о четвертом… — говорит начальник Мэттью, и банкиры пускаются обсуждать преимущества четного количества детей.

«У Джанет — четыре месяца…» — проносятся в ее голове слова Гордона. Этого времени не хватит, чтобы родить ребенка. Даже если бы она могла забеременеть. Когда она вышла замуж за Билла, друзья и родственники начали ее донимать — вероятно, из самых лучших побуждений. Они расспрашивали, когда Джанет с мужем планируют беременность; вскидывали брови, когда она просила стакан воды в винном баре… Сначала

она отшучивалась: ей ведь чуть-чуть за двадцать, надо сначала наработаться… У Билла были подросшие дети от первого брака, поэтому на новых он не настаивал. Когда ей исполнилось тридцать пять, стойкого желания иметь детей так и не появилось, просто она поняла: сейчас или никогда. К тридцати шести она забеременела и не слишком обращала внимание на растущий живот — пока на двадцатой неделе не почувствовала, как малышка шевелится. Но всего через несколько дней случилось немыслимое: у нее начались ранние роды, матка разорвалась, все вокруг потемнело… Потом она очнулась. «Джейни, слава богу, ты жива!» — прорыдал Билл, уткнувшись ей в шею. А потом акушерка объяснила, что опасность была столь велика, что Биллу пришлось выбирать между ней и ребенком. «Он выбрал неправильно», — сказала Джанет. Та женщина печально покачала головой, а затем нанесла ей последний удар: чтобы остановить кровотечение, сказала она, хирургу пришлось провести экстренную гистерэктомию. У Джанет больше никогда не будет детей. Следующие три дня она провела между бодрствованием и сном, в поисках той реальности, где выжил ее ребенок. И вот, медленно просыпаясь, она услышала разговор

Билла с врачом:

— Так даже лучше, — сказал он. — Ребенка хотела только она, и вообще, жить вдвоем намного проще.

Джанет вспыхнула от ярости после этих слов. С тех пор ее переполняла ненависть, и не только к Биллу, но и ко всему миру и всем, кто в нем живет. Со временем это чувство только росло.

— Был рад знакомству, Джанет, но мне пора домой, — говорит Джонатан, протягивая ей руку.

— А я, пожалуй, посмотрю, не нужна ли моему коллеге помощь там, — говорит невысокий, снова переводя взгляд на красавиц за соседним столиком.

— Полагаю, мне надо вернуться к друзьям, — отвечает Джанет, но мужчины уже оставили ее одну.

Она оборачивается и смотрит на Мелвина, Вивьен и Тристана: все трое склонились друг к другу, лица — самые серьезные. Лучше отправиться сразу домой, минуя их. Или хотя бы прямиком к Джайлзу. В последнее время их роман действительно набрал обороты. Они видятся теперь три-четыре вечера в неделю. Он называет ее «ненасытной», и именно так она себя сейчас чувствует. Забавно, что Билл на днях использо-

вал то же самое слово, просматривая счета по кредитным картам: «Ты ненасытна, когда дело касается шопинга», — сказал он, хотя даже не видел эшелонов одежных и обувных коробок в их гостевой комнате (все неношеное и с бирками). Секс, еда, вино, одежда — ей всего было мало. Постоянно помня о своем числе, Джанет больше не видит смысла сдерживаться. В конце концов, время почти истекло. Если уж уходить на тот свет, то с блеском.

Возвращаясь к компании со званого ужина, Джанет замечает, что разговор резко обрывается и все трое виновато смотрят на нее.

— Позволь мне! — Мелвин встает, чтобы помочь ей взобраться на табурет.

Она хватается за стол, чтобы удержать равновесие, и вдруг видит свою пропавшую кожаную перчатку.

— Откуда она здесь? — спрашивает Джанет.

Да, судя по мягкой коже и дорогой этикетке, перчатка действительно ее.

Они обмениваются неловкими взглядами, и наконец Вивьен откашливается:

— Я нашла ее у Мэттью на работе.

За столом стоит гулкая тишина, пока слова Вивьен доходят до слушателей. Наконец, транс

прерывается взрывом смеха со стороны «плачущих вдовушек» и сияющих банкиров.

— Мне нечего скрывать, — пожимает плечами Джанет. — У меня была встреча в Кэнэри-Уорф. Я не знала, что он там работает, пока случайно не наткнулась на его кабинет.

Совсем маленькая ложь. Не то чтобы у нее была там встреча, хотя именно так она сказала и своим коллегам. Джанет просто подумала о Мэттью, загуглила адрес компании, а позже зашла к нему в обеденный перерыв в надежде на встречу. У них ведь осталось незаконченное дельце.

— Он спорил с мужчиной в бейсболке. Мэттью выглядел таким расстроенным, все время качал головой… Потом они зашли внутрь, — рассказывает она. — Должно быть, там, у его кабинета, я и уронила перчатку.

— Когда это было? — спрашивает Вивьен уже деловым, журналистским тоном, делая записи в блокноте.

— В прошлый четверг, в день его смерти. — И голос ее обрывается, выдавая эмоции.

— Джанет, я нашла это на крыше, — произносит Вивьен. — На той крыше, с которой, как говорят, спрыгнул Мэттью.

— Ну, такое точно невозможно! — отвечает

Джанет, изо всех сил стараясь сохранить беспечный вид. — Говорю, я осталась снаружи. Он меня даже не видел!

Все трое смотрят на нее и чего-то ждут. Но она твердо решила не сдаваться. Она достает из сумочки помаду и обновляет цвет: это всегда возвращает ей уверенность.

— Хотите что-то сказать? — адресует она вопрос Вивьен.

— У вас есть мотив, — говорит Вивьен. — Той ночью вы, Джанет, ясно дали понять, что вас интересует Мэттью, но он в итоге уехал со Стеллой. Я видела, как вы на нее смотрели. Если бы взглядом можно было убить… А ведь она как раз и умерла, всего через две недели.

— Хватит, Вивьен! — гремит Мелвин.

— Как будто я могу быть убийцей! — смеется Джанет.

— Потом, когда Стелла ушла, вы направились на работу к Мэттью, чтобы еще раз попытаться соблазнить его. Он вам отказал, вы разозлились и столкнули его, — продолжает Вивьен.

— Это просто смешно! — говорит Джанет, все еще посмеиваясь. — И как же вы тогда объясните числа? Неужели я все это спланировала, чтобы соблазнить Мэттью? Я никогда раньше его не

встречала. И теперь даже жалею, что встретила.

— Вы наверняка увидели его в той статье про «горячих холостяков» и нацелились на него, — продолжает Вивьен. — Вот и спланировали всю пиар-акцию. Ваша компания не чурается гнусных трюков. Это объяснило бы, почему вы первая заметили конверт и вскрыли его.

Мелвин стонет, прикрыв глаза, а шокированный Тристан просто прикрывает рот рукой.

— Я не собираюсь торчать здесь, чтобы слушать этот… этот бред. — Джанет спускается с табурета и поворачивается к Вивьен: — Считаешь себя самой умной со своим жалким блокнотиком? Но кто докажет, что ты не убийца? Как удачно ты потеряла собственный конверт!

— Вы серьезно? — ахает Вивьен.

— Так же серьезно, как и ты! — резко огрызается Джанет. — Я бы дважды подумала, прежде чем бросаться обвинениями. Потому что твое число тоже когда-нибудь наступит!

Она берет со стола шляпу и перчатку раздора, засовывает их в сумку и гордо уходит. Какая наглость! Проходя мимо официанта с подносом напитков, она берет два бокала, осушает оба разом и направляется к двери.

Джанет вышла из группы рассылки «Серен-

дипити» сразу после похорон Стеллы, поэтому не видела сообщения Мелвина о Мэттью. Она узнала о его смерти, пока ехала в такси от Джайлза. Она загуглила его имя, и на экране высветилась серия газетных статей: «Уважаемый банкир погиб в результате трагического самоубийства».

Тогда-то Джанет и вспомнила, что его числом было двадцать девять. И что она должна стать следующей. Именно в тот момент она решила жить на всю катушку.

— Джанет, позволь мне проводить тебя. — Мелвин внезапно обнимает ее плечи тяжелой рукой.

— Все в порядке. Я просто поймаю такси.

Они выходят на улицу, и Мелвин останавливается, сунув руки в карманы, с явным желанием что-то сказать.

— То, что ты там говорила… Не сдавайся. Мы не можем знать наверняка… — бормочет он, глядя на свои слишком модные башмаки.

— Нет, Мелвин, я вовсе не сдалась. Я пробую наслаждаться каждой секундой. Вообще-то, я думаю, что такой подход стоит перенять многим людям. Особенно тебе, учитывая то, что ты сказал после ужина… — говорит Джанет, многозначительно приподнимая бровь.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, Джа-

нет, — резко поднимает он взгляд.

Джанет останавливает проезжающее такси. Открыв дверь, она внезапно чувствует боль в локте и ахает.

Мелвин, схватив ее за руку, усаживает Джанет в машину. Он уже собирается закрыть дверцу, как она перехватывает его ладонь и усмехается:

— Значит, все еще шифруемся?

Мелвин быстро выворачивает ей руку, крепко сжимая запястье. Он притягивает Джанет ближе. Хрупкие кости под кожей ноют в его могучей хватке.

— Не твое дело, — шепчет он ей на ухо. — Тебе же лучше, если будешь держать рот на замке.

Наконец он отпускает ее. Она откидывается на спинку сиденья и смотрит на красный отпечаток на своей руке.

Сглотнув, Джанет все же поворачивается к нему. Теперь она ничего не боится. Ничего.

— О, я ничего никому не скажу, дорогой. У меня было столько интрижек, что я за километр их чую. Наслаждайся. Добром это все равно не кончится… — произносит она с улыбкой, а потом, закрыв дверь, отмахивается от него рукой, усеянной драгоценными кольцами. — Встретимся в аду, — улыбается она.

Мелвин

Мелвин не спеша возвращается к столу. Он смотрит на свои руки, ошеломленный тем, что они только что сделали. Что это с ним? Несмотря на свои габариты, он никогда не был драчуном. Напротив, разнимал драки, останавливал споры. И вот так схватить женщину, угрожать ей? О чем он думал? В своем возрасте он уже должен хорошо изучить собственный характер, но в последнее время Мелвин с удивлением обнаруживает, что делает то, чего никогда не мог даже представить. Его руки — хороший пример. Маникюр сделал их совсем незнакомыми. Когда Кристиан заметил, что у него «руки работяги», Мелвин лишь посмеялся. Ведь руки, они предназначены для работы: водят машину, готовят еду, чинят вещи и так далее. Мэри всегда восхищалась тем, как он мастерски владеет руками. Он никогда не считал, что руки обязаны выглядеть красиво. Но Кристиан продолжал намекать на ухоженность и в конце концов записал Мелвина в модный салон, попросив сделать «все как надо». Выйдя после этого на улицу, Мелвин был в восторге от новой короткой стрижки, восковой эпиляции и «маникюра-педикюра» (наименее маскулин-

ные слова из всех, что он слышал за всю жизнь), но в душе он все равно сейчас боялся столкнуться с кем-нибудь из коллег, особенно с полицейскими «старой закалки».

Он не солгал Вивьен, но не сказал ей всей правды. Да, Кристиан был его коллегой и помог ему выбрать стрижку. Да, состояние Мэри снова ухудшилось. Но это была еще не вся история. После похорон Стеллы Мелвин твердо намеревался рассказать Мэри правду. Он быстро приготовил свою фирменную лазанью, в состав которой, как ни странно, входили вареные яйца и бекон, и запасся приличным красным вином (аргентинским, благодаря комментарию Джанет на ужине). Пирог баноффи охлаждался в холодильнике. Едва только они его доедят, он как можно мягче признается Мэри в своих новых отношениях. Так он планировал. Но Мэри смогла съесть всего половину порции и отодвинула тарелку, настаивая, что сыта. Впервые за долгое время Мелвин внимательно посмотрел на жену — и заметил фиолетовые круги под глазами и сильную бледность.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он, ощущая, как его охватывает страх.

— Не совсем, Мелвин, — призналась она. — Я

уже давно не чувствую себя хорошо, поэтому на прошлой неделе пошла к доктору Кершоу. Она сделала несколько анализов. Похоже, рак вернулся.

— Почему ты мне не сказала? Я ведь всегда ходил с тобой на прием! — воскликнул он, протягивая руку через стол, чтобы взять ее маленькую ладонь.

— Не хотела тебя беспокоить: а вдруг это оказалась бы легкая простуда? — вздохнула она, откинув со лба недавно отросшие волосы.

— Что говорит доктор Кершоу?

Пока Мэри рассказывала ему о предстоящей химиотерапии, а затем — о лучевой терапии, мысли Мелвина вернулись к Кристиану. Кристиан ждал звонка о том, что Мелвин все рассказал Мэри и готов назначить первое свидание. Затем Мелвин посмотрел на Мэри, услышал ее ясный голос, рассказывающий о лечении, которое принесет еще больше боли, еще больше тревоги, еще больше неопределенности. Он знал, что не может так поступить с женой. Не может бросить ее, когда она так нуждалась в нем.

— Я знал, что ты не отважишься, — резко бросил Кристиан, когда Мелвин позвонил ему поздно ночью (Мэри уже спала).

— Прости, Кристиан! Как только она поправится, я поговорю с ней. Обещаю, — пробормотал Мелвин, но Кристиан, слишком злой, чтобы слушать, назвал его трусом и повесил трубку.

На этом, казалось, все было кончено. Назавтра Мелвин решил поговорить с начальством на своем участке и попросить о переводе в другой отдел, чтобы полностью сосредоточиться на заботе о больной жене. Но все вышло иначе. У входа в участок его дожидался Кристиан. Он хотел поговорить. После работы они пошли в «Пса и куропатку» — не запрещено ведь быстро пропустить по пинте пива с коллегой? Но одна быстрая пинта превратилась в несколько, а потом Мелвин оказался в Брикстоне, в современно обставленной квартире Кристиана. У них случился первый поцелуй, а затем — лучший секс в жизни Мелвина. Так Мелвин с головой окунулся в роман с Кристианом, в то время как его жена уже второй раз боролась с раком.

Телефон Мелвина звонит. Он видит в этом знак свыше, поэтому вскакивает с табурета и отходит от стола.

— Ты в пути? Я тебя жду уже целый час, — ворчит Кристиан.

— Все еще на поминальной службе, — призна-

ется Мелвин.

Он смотрит на часы, и радость перерастает в ужас. Он планировал встретиться с Кристианом за чашкой чая в городе, а потом вернуться домой, чтобы отвезти Мэри в больницу на занятие с терапевтической группой. Вот уже третий раз он забывает о договоренности с Кристианом.

— Там все очень плохо? — спрашивает Кристиан.

Прежде они обсуждали самоубийство Мэттью и многих молодых людей вроде него, а также делали ставки, насколько печальным будет этот день.

— Вообще-то, здесь скорее празднуют, чем скорбят! — перекрикивает Мелвин хохот совсем развеселившихся «вдовушек» Мэттью.

— Ладно. Надеюсь, сегодня встреча с Мэри пройдет хорошо. Позвони мне вечером, — просит Кристиан.

Мелвин заверяет, что позвонит, чувствуя знакомую волну вины. Сразу же, как его первоначальный гнев утих, Кристиан проявил такое внимание к Мэри, постоянно говоря Мелвину, как он гордится, видя его заботу о жене. Но Мелвин не может не задаться вопросом, как долго Кристиан будет его ждать. Этих счастливых

украденных часов, которые они проводят вместе, Мелвину вполне хватает, но когда Кристиана перестанет это устраивать?

Мелвин заходит в мужской туалет. Моет руки и с изумлением смотрит на свое отражение в зеркале. Он безоговорочно следовал советам Кристиана по стилю (Мэри была слишком больна, чтобы это заметить), и теперь Мелвин иногда задумывается, не выглядит ли полицейский под шестьдесят, с бровями, уложенными воском, как у Криштиану Роналду, — смешным? Не говоря уже о костюмчике мистера Тоуда[11]. В его голову внезапно закрадывается мысль: что бы подумал отец? Конечно, в его возрасте пора бы уже перестать беспокоиться о мнении отца, который умер сорок лет назад, но отчего-то с годами Мелвин думает о нем все чаще. Он помнит отца крупным, но тихим и добродушным мужчиной, чья врожденная способность к починке сделала его настоящим героем сталелитейного завода. Мелвин никогда не видел отца более счастливым, чем в тот день, когда его сын закончил обучение и был принят в службу столичной полиции: это

[11] Примечания: 11

Отсылка к сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах»: «наш достославный мистер Тоуд… одет весь с иголочки, в общем, все новое и сплошная роскошь». Перевод И. П. Токмаковой.

был шанс для всей семьи начать новую жизнь в Лондоне. Всего год спустя Мелвин-старший внезапно скончался от сердечного приступа. Ему было всего пятьдесят четыре. Меньше, чем Мелвину сейчас.

Хмуро глядя в зеркало, Мелвин спрашивает себя, как бы его гордый и верный отец воспринял жизнь, которой сейчас живет единственный сын. Что бы он сказал о лжи, обмане, тайных свиданиях за спиной у больной жены? Он с отвращением смотрит в свои карие глаза и качает головой. Мелвин знает: отец возненавидел бы его. Не о таком сыне он мечтал. Не желая больше возвращаться к столу, Мелвин снова моет руки, пряча их под краном, и гадает, на что еще они способны. Неужто на большее, чем просто изменять? Прошлой ночью, когда он поправлял подушки под головой спящей Мэри, в голову закралась коварная мысль. Если она не переживет очередной рецидив, Мелвин наконец сможет любить Кристиана открыто, без чувства вины. Глядя на умиротворенное лицо жены, он опустил взгляд и понял, что держит подушку в ладонях, впиваясь пальцами в ее мягкое нутро. Он мог бы покончить с этим — ради Мэри. Прямо сейчас положить конец ее страданиям раз и навсегда…

И распрощаться с собственным чувством вины и разочарования. Он склонился ниже. Она спала так неподвижно. Ее невероятно исхудавшее тело под одеялом было таким хрупким, грудь едва вздымалась, словно она уже была мертва. Он поднес подушку к ее лицу — и вдруг она тихо застонала, склонив голову набок. Словно очнувшись, Мелвин отпрыгнул назад, уронил подушку на пол, затем аккуратно положил ее обратно на кровать. Конечно, он никогда бы так не поступил. Никогда.

Он бросает последний взгляд в зеркало, развязывает галстук-бабочку, засовывает его в карман и снимает пиджак. Вернувшись к столу, оглядывается и видит: вон там начальник Мэттью оживленно беседует с Робин, которая, похоже, довольно быстро оправилась от горя. Она опрокидывает бокал шампанского и кладет руку на его плечо в полосатом пиджаке. Плечо на самом деле ниже ее собственного, отчего все это напоминает сцену, где взрослый хвалит милое дитя. Он лучезарно смотрит на нее. Ни дать ни взять гордый сын с пятичасовой щетиной. Мелвин качает головой и снова гадает, как Мэттью мог так поступить. По крайней мере, отец Мелвина к своим пятидесяти четырем прожил неплохую

жизнь, но вряд ли то же самое можно сказать о том, кто умер в двадцать девять. И тут его мысли неизбежно переходят к Мэри — та изо всех сил борется за жизнь.

Мелвин застает Вивьен и Тристана за оживленным разговором. Их светлые головы почти соприкасаются, локти на столе — словно зеркальное отражение.

— Ну, Вивьен, довольна собой? — спрашивает Мелвин. — Джанет была очень расстроена, когда я сажал ее в такси. — Он наливает себе еще бокал шампанского. — Выпью еще один на дорожку.

— На еду денег не жалели, — бормочет Вивьен, когда из кухни появляются еще два официанта с подносами, полными блинов с копченым лососем и нежных волованов.

— Все лучшее для Мэттью, — говорит Тристан, накладывая себе слоеную закуску.

В молчании все трое уходят в собственные мысли.

— Знаешь, до всего этого я никогда не верила в судьбу или всякие там знаки. Я всегда считала, что человек сам управляет своей жизнью, — говорит Вивьен.

— Ох, не знаю, Вивьен, — вздыхает Мелвин, только теперь замечая шум вокруг него. — Ино-

гда мне кажется, что моя жизнь настроена идти по заранее заданному пути, что бы я ни делал.

— Не могу выбросить из головы мой конверт. Я так зла, что потеряла его! Иногда мне кажется, что день моей смерти наступит уже вот-вот, а иногда — что он будет через пять или даже десять лет, — продолжает Вивьен. — Раньше я не задумывалась о возрасте, но в последнее время думаю только о нем.

— Уверен, конверт найдется, и тогда тебе придется решить, стоит ли вообще его открывать, — говорит Мелвин. — Держу пари, Мэттью пожалел, что открыл.

Вдруг его телефон писком оповещает о новом сообщении. Мэри.

> Ты уже в пути? Встреча в шесть. Целую.

— Мне пора. — Мелвин натягивает куртку.

Его галстук-бабочка выпадает из кармана на пол, но он просто переступает через него, направляясь к двери.

Паб
Август 2016 года
Шесть месяцев спустя

Вивьен

Вивьен отпирает входную дверь своего коттеджа, и все органы чувств немедленно подвергаются атаке. В ноздри ударяет смесь жареного лука и чеснока с щепоткой угля. Кэт снова «готовит»… Из кухни гремит музыка в сопровождении фальшивых голосов бэк-вокалисток. В гостиной Вивьен ждет настоящий хаос: детали лего разбросаны, словно конфетти, несколько причудливых неоновых костюмов валяются тут и там, а ми-

ниатюрные машинки всех цветов и размеров раскиданы по всем поверхностям. Несмотря на беспорядок, она улыбается про себя и размышляет о том, как изменилась ее жизнь за последние несколько месяцев. С тех пор, как Кэт и Чарли переехали к ней.

На той же неделе, когда редакция журнала навсегда закрыла свои двери, арендодатель Кэт повысил арендную плату. Годами Вивьен помышляла о том, чтобы сдать свой переоборудованный лофт с большой спальней и ванной. Она даже мечтала о том, как там поселится молодой студент из Италии или Испании, а она будет учить его английскому, станет его гидом по Лондону… В конечном счете исполнение этой мечты оказалось слишком трудоемким, да и жертвовать уединением не хотелось. И вот внезапно Вивьен предлагает лофт Кэт, коллеге, которую она только сейчас узнала по-настоящему. После поминок Мэттью, обсуждения чисел, а также после слов Джанет: «Твое число тоже когда-нибудь наступит», — Вивьен вдруг осознала, что стала смотреть на жизнь иначе. Что, если ее число — шестьдесят? Тогда у нее три месяца. Шестьдесят один — это пятнадцать месяцев. Каким бы ни было число, время все равно утекало, секунда за

секундой. Целые годы она провела одна, тихо, за чтением книг и просмотром детективов. Настало время для нового этапа в жизни. Кэт немедленно ответила: «Нет, спасибо, мы что-нибудь сами найдем…» Но Вивьен настояла, чтобы она хотя бы зашла глянуть на лофт. Как только Кэт поднялась по ступенькам в просторную мансарду и осмотрела жилье, стало ясно, что она покорена. Особенно, когда Вивьен показала, где можно будет поставить кроватку Чарли.

— Вави! — раздается крик.

Из кухни вырывается ярко-оранжевый дракон, бросается на нее, легко перепрыгивая через препятствия, и врезается Вивьен в живот.

Она плюхается обратно на диван, уступая бурным объятиям. Резкая боль пронзает позвоночник и распространяется по плечам, а за ней следует чувство страха. В последнее время спина и бедра болят все чаще. Может, это знак, что ее число приближается? Она кусает губу и ждет, пока боль не пройдет сама.

— Ну, привет, Чарльз, — наконец говорит она. — Я тоже рада тебя видеть.

Чарли прижимается ухом к груди Вивьен. Недавно ему стало интересно, как работает человеческий организм, вот он и «проверяет

сердечко».

— Твое сердечко сегодня быстрое-быстрое, Вави, — шепчет он, а его длинные светлые ресницы трепещут над глазами, такими же блестящими, карими, как конский каштан.

Имя Вивьен оказалось слишком сложным для трехлетнего Чарли, поэтому он с первой встречи называл ее Вави, что ей очень понравилось. Вивьен зарывается носом в его мягкие волосы и вдыхает сочетание детского шампуня, чеснока и яблочно-ирискового аромата. Чувствуя крепкую хватку маленьких ручек, Вивьен снова удивляется, как она могла так долго обходиться без прикосновений. Были редкие рукопожатия на встречах, короткие объятия при встрече со старыми друзьями, но она уже много лет ни с кем не обнималась. Спустя всего пару минут после знакомства Чарли забрался к ней на колени и протянул потрепанную книжку «Это не мой лев». Внезапная близость на мгновение сбила с толку, но беззаботность мальчика помогла собраться, и, когда Вивьен дочитывала историю, его вес уже казался успокаивающим, а маленькая влажная ладошка на ее сухой, старой руке — какой-то правильной. Она даже пожалела, когда малыш слез и вернулся к Кэт.

Живя с Чарли, Вивьен словно проходила ускоренный курс по воспитанию ребенка. Много лет она мечтала о детях, пока они не превратились в раздражающий фон в магазинах, ресторанах, на свадьбах и вечеринках. А тут вдруг воплотились в настоящего, живого, кричащего, все разбрасывающего малыша. Чарли был нетерпеливым учителем: требовал от Вивьен понимать бессвязный лепет, обниматься, когда ему вздумается, и развлекать его чем угодно, что привлекло непостоянное внимание. Все это одновременно истощало и оживляло. Он раскидывал руки и просил «гладить» его по любому пустяку, например, когда она говорила «нет» («нет, нельзя так много печенья»), или когда он видел страшный момент в мультике. Или просто потому, что ему хотелось. Она восхищалась способностью малыша выражать эмоции и доносить до нее буквально все.

— Что готовит мама? — спрашивает она Чарли, трогая его веснушчатый нос.

— Мама сожгла еду, — отвечает он, широко раскрыв глаза от ужаса и веселья. — Пахнет фужасно.

Затем он спрыгивает с ее колен, хватает маленькую красную машинку и мчится обратно на кухню, чтобы официально объявить о прибытии

Вивьен. Та усмехается про себя, снимая пальто и бросая его на диван, тем самым добавляя хаоса. Кэт всегда старается помочь по дому — готовит ужин, стирает, убирается в ванной, — но, надо признать, не так уж она в этом и хороша.

— Может, поедим пиццу? — появляется из кухни довольно смущенная Кэт, а Чарли идет за ней.

— Я сварю зеленые спагетти, — успокаивает ее Вивьен. — Это быстро.

— Вкуснотища! — ликует Чарли и тут же хватает пульт от телевизора.

Двадцать минут спустя они втроем сидят за кухонным столом, уплетая пасту с песто. Чарли с набитым ртом рассказывает об отрывке из «Свинтусов» Роальда Даля, где «мистер Свин ест червей, а не спагетти!» Не в силах закончить фразу, мальчик запрокидывает голову и широко открывает рот, обнажая наполовину пережеванные спагетти и полный рот крошечных, идеально белых зубов.

— Сегодня тебе лучше? — спрашивает Кэт, когда смех Чарли стихает достаточно, чтобы они смогли поговорить.

— Намного, благодарю, — кивает Вивьен. — Нужно просто меньше пить вина.

Помимо болей в спине и бедрах, она перенесла еще одно состояние фуги. В субботу она встретилась со старым другом в Вест-Энде. Они пошли на спектакль, затем — выпить по бокалу вина. Около половины двенадцатого Вивьен поймала такси. В два часа ночи бедная Кэт пережила настоящее потрясение, услышав стук во входную дверь и обнаружив на пороге растерянную Вивьен. Вивьен не хотела наводить переполох и объясняться, поэтому списала все на слишком большое количество спиртного. Но в глубине души она очень обеспокоилась из-за внезапного возвращения фуги. Кажется, все началось с «Серендипити». Снова эти числа. Как семь маленьких бомб замедленного действия, готовящихся взорвать семь разных жизней. Хотя Вивьен отвлекли новые соседи, званый ужин все еще не давал ей покоя. Целых две юных жизни оборвались. Многие ночи она просиживала в постели, листая блокнот и стопки распечаток. Была ли она права насчет Джанет? Если да, то смерти наверняка прекратятся. На поминках Мэттью Мелвин пообещал расследовать ее теорию, но с тех пор от него не было ни слова. В группе «Серендипити» тоже никто давно ничего не писал. Поэтому она отправила письмо Мелвину напрямую: не выяснил ли он чего-нибудь? Но

ответа не получила. Она мысленно сделала себе заметку снова с ним связаться.

— Как Тристан? — спрашивает Кэт, вытирая зеленый подбородок Чарли.

— Кажется, ему лучше, — кивает Вивьен. — Вижу, что психолог ему помогает, и теперь он даже раз в неделю встречается с университетскими друзьями.

После поминок Мэттью Тристан расклеился. Он отменил их воскресную встречу с Вивьен, пробовал отменить и вторую, но Вивьен была непреклонна. «У меня собеседование на должность онлайн-редактора. Мне нужна твоя помощь!» — написала она ему. Вивьен ненавидела восклицательные знаки почти так же сильно, как и мольбы о встрече, но чувствовала, что ситуация чрезвычайная. Она вспомнила его измученное лицо на панихиде. Тристан не стал рассказывать, что произошло, но Вивьен узнала признаки самой настоящей панической атаки. Он не был другом Мэттью, однако его самоубийство, похоже, сильно повлияло на Тристана. Когда он появился в «Кафе блё», то выглядел ужасно. Даже в лучшие времена он не походил на человека с крепким здоровьем, но теперь его кожа приобрела восковой оттенок, и от него исходил едва уловимый

запах немытых волос. Возможно, Тристан, как и она, тоже не мог забыть о своем числе.

— Итак, когда у тебя собеседование? — спросил он, садясь за их обычный столик и щурясь, точно вампир, которого вытащили на солнце.

— Нет никакого собеседования, — прямо сказала ему Вивьен. — Мне нужно было тебя поймать. Что происходит? Ты можешь довериться мне. У тебя была паническая атака?

Тристан глубоко вздохнул, его плечи опустились, а голова склонилась к столу. На ее глазах человек сдулся, как надувной за́мок после шумного дня рождения. Когда он поднял взгляд, его лицо было землистого цвета, отчего шрам на щеке казался ярко-красным, как ожог от кочерги. Затем он заговорил. Слова лились из него потоком, разливаясь по их маленькому круглому столику, заполняя душное кафе. Да, признался Тристан, он еще со школы страдает от панических атак. Эти ужасающие, невыносимые моменты тревоги его мать называла «забавными выходками», поэтому он перестал ей о них рассказывать, — но они не исчезли, лишь участились с возрастом. Два травмирующих события, пережитых им за последний год, усилили его тревогу: речь была о расставании с девушкой Элли прошлым летом

и об ужасном нападении хулиганов в ночном автобусе, в результате чего он получил тяжелые травмы, а полицейский — свидетель — не оказал ему никакой помощи. Он даже разыскать тех негодяев не пытался. А на панихиде приступ спровоцировала мысль о Мэттью, стоящем на крыше того здания.

— Каждый раз, когда у меня паническая атака, мне страшно даже выходить из дома. Прости, что расстроил, — произнес он.

Вивьен немного помолчала, вникая в его слова и делая собственные выводы.

— Ты меня совсем не расстроил. Послушай, Тристан, ты не один, — наконец сказала она и взяла его за руку. — Тебе нужно довериться другим людям, они должны тебе помочь.

Он кивнул и позволил ей составить план действий. Тристан пообещал приходить на их воскресные встречи, несмотря ни на что. В понедельник он собирался пойти к врачу и рассказать о панических атаках, а затем позвонить Вивьен и сообщить о результатах. Врач предложил успокоительные — от них Тристан отказался, и психолога — на него неохотно согласился. В последние несколько месяцев Тристан открыто рассказал о своих сожалениях — касающихся

отношений с Элли или неотвеченных сообщений от университетских приятелей. Поэтому Вивьен поощряла его восстановить с ними связь (так же говорят молодые люди?) и даже приглашала его на шумные ужины с Кэт и Чарли. У Тристана все еще бывали трудные минуты, но в целом казалось, что он стал счастливее. Вивьен хотела обсудить с ним числа, но она не решилась, чтобы не спровоцировать новую паническую атаку.

Несмотря на все, через что он проходил, Тристан продолжал помогать Вивьен с ее блогом, который стал неожиданно успешным и привел к созданию веб-сайта. Там она делилась собственными размышлениями, новостями, ее интересовавшими, и реальными историями о невероятных женщинах за сорок, а также книгами и фильмами, которые ей нравились. Число ее подписчиков резко возросло благодаря регулярным письмам от «женщин в возрасте», вдруг ощутивших, что их поняли. Удивительно, но к Вивьен даже обратились рекламодатели, и она начала понемногу зарабатывать. Впервые за много лет Вивьен видела для себя цель, а ее телефон и электронная почта постоянно разрывались. Она даже заказала стильные визитки основательницы веб-сайта, чтобы раздавать их на сетевых мероприятиях.

Каждое воскресенье она не забывала благодарить Тристана за то, что он ее спас. Она также обязательно обнимала его на прощание, понимая, что человеческое общение — это то, в чем он сейчас нуждается как никогда.

* * *

Позже Кэт удается уложить Чарли спать, и Вивьен наливает два бокала вина — красное себе и розовое Кэт. Она все еще не оправилась от очередного приступа фуги и не отказалась бы лечь спать пораньше, но чувствует, что Кэт хочет поговорить о своей новой работе.

— Присоединишься? — спрашивает она, спустившись к ней.

— Спасибо, — отвечает Кэт, берет вино и занимает диван.

— Ну что, сегодня карга была в настроении? — спрашивает Вивьен, устраиваясь в потрепанном кожаном кресле напротив.

Когда Кэт и Чарли только переехали, Кэт обычно укладывала Чарли спать, а потом пряталась в арендованном лофте, боясь вторгнуться в личное пространство Вивьен. Поэтому в последнее время Вивьен всячески поощряет ее к разговорам. Она обнаружила, что хочет знать больше о Кэт и о ее

новой работе в интернет-журнале, рассчитанном на «умных и бездетных женщин лет тридцати» (Вивьен невольно закатила глаза, впервые это услышав). Главным редактором оказалась давняя оппонентка Вивьен, Салли Дженсон-Белл — ленивая, высокомерная, склонная заводить любимчиков. Можно сказать, Кэт в их число не попала.

— Вроде того, — вздыхает Кэт, печально глядя в свой бокал.

— Я рассказывала тебе, как издатель прислал в редакцию ящик шампанского, чтобы поздравить команду с отличными продажами?

Кэт качает головой.

— Знаешь, что тогда сделала Салли? Она попросила одного из сотрудников отнести коробку к такси и просто заграбастала все себе.

Вивьен решила не говорить Кэт о своей мести Салли. Все прошло немного не так, как планировалось, и ей до сих пор стыдно.

Тут раздается дверной звонок. Вивьен смотрит на часы: чуть больше девяти вечера, поздновато для гостей.

— Пойду проверю Чарли, — говорит Кэт, подхватывая на ходу костюм Человека-паука и горсть кубиков.

Вивьен открывает входную дверь и радуется при виде стоящего на пороге Тристана, пока не замечая выражение его лица.

— Ты уже слышала? — спрашивает он, войдя в дом и держа мобильный перед собой.

— «Внезапно скончалась владелица бренда нижнего белья», — читает Вивьен вслух и падает на диван, едва до нее доходит смысл.

— Похоже, Джанет больше не подозреваемая, — говорит Тристан.

— О Господи! — кричит Вивьен, закрывая лицо руками. — Что случилось?

— Ее сбило такси в Ноттинг-Хилле, — сообщает Тристан. — Всего за три дня до ее сорокапятилетия.

Вивьен смотрит на Тристана и пробует сосредоточиться на дыхании. Но перед глазами — только конверт Джанет: «Ты умрешь в сорок четыре».

* * *

Вскоре после этого Вивьен лежит в постели, не в силах уснуть. Невольно она вспоминает все, что наговорила бедной Джанет на поминках Мэттью: «Он вам отказал, вы разозлились и столкнули его». Джанет тогда отшутилась и, казалось, не восприняла эти слова всерьез, но Вивьен навер-

няка ранила ее этим. А теперь Джанет мертва, в то время как Вивьен ни на шаг не приблизилась к поимке убийцы. Ведь теперь, что бы ни говорил Мелвин, она уверена: устроитель званого ужина — серийный убийца, и он не остановится, пока они все не умрут. Тут ее осеняет: та странная черно-белая картина на стене в «Серендипити», а еще их сервировка… Она хватает блокнот с прикроватной тумбочки, кладет ноутбук на колени и ищет в интернете кота, курящего трубку. Ей приходится пересмотреть сотни кадров из мультфильмов, несколько модных постеров и дизайнов фартуков; наконец она ахает, когда находит то самое изображение. Вновь на нее смотрит это дьявольское лицо, с семью антропоморфными животными вокруг него. А вот и краткое описание.

«Семь смертных грехов», — читает Вивьен.

Она смотрит на изображение свиньи; Джанет же сказала: «А у меня — поросенок. Чертовски очаровательно!» Рядом с картинкой свиньи написано «чревоугодие». Вспоминая, как Джанет набивала рот жирным бургером и осушала один за другим бокалы шампанского, Вивьен понимает, что Джанет была обжорой.

Ухмыляющийся баран, что был перед Мэттью,

изображал похоть. Что ж, тоже логично. Кот с трубкой — Мелвин — символизирует лень. У Гордона был павлин — «гордыня». У Тристана — «гнев», а у Вивьен — «зависть». А у Стеллы, значит, «жадность». Итак, если каждый из них воплощает собой «смертный грех», то кто же «дьявол», который все это устроил? Возможно, Вивьен смотрит не туда. Она пыталась искать виновного среди гостей, но пора обратить взгляд вне их круга.

«Кто такой дьявол?» — записывает она в блокноте.

* * *

Неделю спустя Тристан и Вивьен появляются в пабе «Королевский дуб» на Хай-Холборн. Вивьен морщится, чувствуя, как ее каблуки прилипают к ковру.

— Да уж, не такое я ожидала увидеть на поминках по Джанет, — говорит она о плакатах на стене: «По субботам — два напитка по цене одного!»

В пабе темно. Чуть тянет прокисшим пивом и старыми носками. Два столика заняты людьми разного возраста, включая пожилую женщину в инвалидной коляске и измотанную мать с ребенком на руках. Предположительно, семья

Джанет. Еще несколько столиков, разбросанных вокруг, заняты в основном мужчинами среднего возраста, одинаково краснолицыми и полноватыми, в костюмах. Коллеги Джанет, предполагает Вивьен.

— Я тоже не ожидал. Не думаю, что Джанет бы здесь понравилось, — говорит Тристан.

Они подходят к бару, где сидит, тяжело опираясь на локти, пожилой мужчина. Конец его галстука утопает в лужице пролитого напитка, но он этого явно не замечает.

— Вы пришли на поминки Джанет? — бормочет он, и его дыхание, пропитанное запахом дешевого виски, закупоривает ноздри Вивьен.

— Да, примите наши… — начинает Вивьен, но мужчина перебивает ее:

— Работал с ней много лет. Слегка настырная, но баба что надо, — невнятно говорит он, сует Вивьен в руку какую-то бумажку и, пошатываясь, идет в сторону мужского туалета.

Они оба смотрят на сложенный листок формата А4 с размытой фотографией Джанет и надписью: «Покойся с миром, Джанет Тилсбери, 1971–2016».

Вивьен без энтузиазма просматривает краткую биографию покойной и затасканное стихотворение.

— «Похоронный блюз»?[12] Какая банальность! — говорит она, вздыхая и бросая брошюрку на стойку. — Неужели можно вот так прожить сорок четыре года и не заслужить ничего лучше?

Из-за бара раздается громкий хохот; Вивьен видит, как грузный мужчина в жилете ослепительно улыбается рыжеволосому бармену. Его большой нос неестественно покраснел, а по лицу змеится пот.

— Это Билл? — беззвучно говорит она Тристану, а тот пожимает плечами.

Они заказывают напитки и садятся за столик у окна.

Тристан

Тристан отпивает из бокала «Гиннесс», обозревая паб. Здесь до странного тихо, музыка не играет, все только шепчутся. Затем плачет ребенок, и его мать качает на руках свой «священный сверток». Тристан смотрит на Вивьен, ожидая услышать ее обычную жалобу на детей в местах, предназначенных для взрослых, но она смотрит

---

[12] Примечания: 12

Стихотворение англо-американского поэта У. Х. Одена, часто используемое на траурных церемониях после фильма «Четыре свадьбы и одни похороны».

на ребенка с благожелательной улыбкой.

— Бедная женщина, она так вымотана, — бормочет она, затем роется в сумочке, достает блокнот и кладет его на стол между ними.

— Интересно, не родственница ли она Джанет. Вроде бы немного похожа на нее, — замечает Тристан, глядя, как женщина возвращает теперь затихшего ребенка в коляску.

— Они, должно быть, раздавлены, — говорит Вивьен. — Джанет была молода — и так страстно любила жизнь.

Тристан сдерживает смешок. Ну да, можно и так сказать. За три встречи Тристан и Джанет вряд ли сказали друг другу и пару слов. Ее взгляд так легко скользил по Тристану, словно он был пустым местом. Джанет едва ли замечала его. Он ведь не был ни привлекательным, ни властным; не был для нее конкурентом, добычей или потенциальным коллегой. Для нее он был никем. А теперь Джанет превратилась в ничто. Буквально в ничто. Ее больше нет на этой земле. Прах к праху, и все такое.

— Ну, привет, — раздается глубокий голос, прерывая мысли Тристана.

Сияющий Мелвин целует Вивьен в щеку, а Тристана хлопает по плечу и садится рядом.

— Как дела, Мелвин? — спрашивает Вивьен.

На рукаве рубашки Мелвина с узором пейсли Тристан замечает пятно от красного вина; глаза у него самого налиты кровью и словно остекленели. Мелвин явился на панихиду с какой-то вечеринки?

— Хорошо… Нет, я, конечно, опечален новостью, — говорит Мелвин, но может стереть улыбку не более чем на секунду. — Пойду налью нам еще.

— Да мы только что… — начинает Вивьен, но Мелвин уже мчится к бару, поэтому она пожимает плечами.

— Он выглядит радостным, — замечает Тристан, наблюдая, как Мелвин хихикает о чем-то с барменшей.

— Наверное, пора звонить в полицию, — тихо говорит Вивьен.

— Нет уж, мы договорились подождать и послушать, что узнал Мелвин, — напоминает ей Тристан.

Мелвин возвращается с подносом, на котором расставлены шесть ярких коктейлей с маленькими зонтиками и розовыми трубочками.

— Два по цене одного! Не смог устоять, — ставит он поднос на середину стола — и прямо на

блокнот Вивьен.

— Ну, Джанет, может, и не одобрила бы это место, но эти коктейли ей бы точно понравились, — говорит Вивьен и берет один.

— Когда в участок поступило сообщение и я понял, о ком оно… Честно говоря, я ошалел. — Мелвин делает большой глоток ярко-розового коктейля. — Такая красивая, яркая женщина…

Внезапно по пабу разносится громкий смех, и все оглядываются на Билла у барной стойки.

— Кажется, это муж Джанет, — сообщает Вивьен. — Не сказать, чтобы он был убит горем.

Наблюдая за ним, Тристан думает: а вот догадывался ли Билл о том, как его жена вела себя с другими мужчинами? Возможно, он был даже не против. Может, у них была какая-то взаимная договоренность. Порой в чужих отношениях трудно разобраться.

Тристан о своих-то отношениях знает лишь то, что Элли — его главная любовь. Чем больше времени проходит после их расставания, тем яснее для него этот факт. Им суждено быть вместе. Но они не вместе — отчасти из-за его собственного поведения, но еще из-за ее мстительных друзей, которые, он уверен, подтолкнули ее к разрыву. Он берет ярко-голубой коктейль и делает глоток.

Фу! Сладко, приторно, сахар скрипит на зубах. Тристан отталкивает коктейль и снова тянется к «Гиннессу», думая о неотразимой улыбке Элли с щербатыми зубами и ее буйных кудрях. Но вдруг образ сменяется другим: волосы, собранные в жесткий пучок, широкие брюки и мешковатая рубашка, скрывающие пышные формы. И еще хмурый взгляд.

После похорон Мэттью Тристана мучили сны об Элли, одетой в черное на его похоронах. Так же, как и сны о нем самом, стоящим, как и Мэттью, на вершине той офисной башни, с развевающимися на ветру волосами. С рассветом он не мог больше спать ни секунды, поэтому вставал с постели и без конца проверял соцсети Элли; либо надевал пальто и бродил по улицам Лондона. И вот однажды ночью он наконец увидел… то самое. На странице Элли в «Фейсбуке», где раньше было написано «Без пары», ее статус изменился на «В отношениях». Хоть он и понимал, что так будет, его охватила ярость, и он с ревом метался в темноте по своей маленькой квартире.

Три дня спустя Тристан стоял, прислонившись к автобусной остановке, на тихой улице в Бермондси, натянув кепку на глаза и пряча лицо за газетой «Метро». Автобус притормозил. Тристан

махнул ему, давая знак проехать.

— Ради бога, Дейл, шевелись! — знакомый голос, но звучал резче, чем раньше.

Хотя глаза сосредоточенно уставились в газету, все остальные органы чувств Тристана были устремлены на соседний дом.

— Орешь, как торговка рыбой! — рявкнул мужской голос, а затем кто-то с силой захлопнул входную дверь.

— Мы опоздаем на встречу. После мне нужно на работу, и сегодня еще родительский вечер, — ответила Элли, на этот раз мягче и тише — от усталости.

— Знаешь, не только у тебя много работы, — сказал мужчина по имени Дейл.

Внезапно они появились в конце подъездной дорожки, быстро направляясь к автобусной остановке. Тристан склонил голову за газетой и затаил дыхание. Он бросил быстрый взгляд на Дейла, на его коренастую фигуру и уверенную походку, — тот не оглядывался, зная, что Элли идет вслед за ним.

— Но у меня еще и лишний вес, — услышал он вздох Элли, быстро выглянул из-за газеты и увидел, как ее рука лежит на слегка округлившемся животе.

— Ну так ты ведь этого хотела! — рявкнул Дейл, не останавливаясь и даже не замедляя шага.

Тристан, наверное, вздохнул достаточно громко, чтобы они услышали, но препирающаяся пара продолжила свой неровный марш.

Встречаясь с Тристаном, Элли всегда подчеркивала, что мечтает о детях. Всякий раз, когда она заводила этот разговор, Тристан менял тему; он едва мог прокормить самого себя, не говоря уже о капризном ребенке. Теперь он качал головой, думая о том, каким пренебрежительным был, каким незрелым. Было видно, что Элли, похоже, не так уж радовалась предстоящему материнству, как он думал. Она выглядела совершенно несчастной, и ее парень — тоже. Но они зачали, и этого уже не исправить. Их на всю жизнь соединила связь гораздо более крепкая, чем любой брачный обет. Тристан хотел сам убедиться, действительно ли Элли забыла о нем и двигалась дальше, действительно ли он упустил свой шанс. То, что он увидел, подтвердило: все кончено. Весь путь домой он проделал в ярости и сожалении. На оживленной дороге всего в миле от своей квартиры он с размаху пнул боковое зеркало чудовищно большого «лендровера», и оно разлетелось на куски. Ему стало легче. Он ударил еще, затем

еще. К тому времени, как он добрался домой, нога его болела, а лицо оказалось расцарапано отскочившими осколками зеркала. И все же он испытал чудесное чувство освобождения. Но на следующее утро, едва проснувшись, Тристан был снова полон жгучей ярости. Следующие несколько дней он провел в своей квартире; но Вивьен вырвала его из спячки, втянула в разговор.

— Ты не один, — сказала она ему.

А затем открыла новую страницу в блокноте и начала составлять план действий. Тристан следовал указаниям в точности — ну, почти. Он сходил к терапевту, рассказал о панических атаках и вышел с горстью листовок — от аптечных рецептов до направлений к психологу. Листовки отправились прямиком в мусорную корзину. Вторым требованием Вивьен было восстановить связь со старыми университетскими товарищами. От этой мысли у Тристана сжималось сердце. В восемнадцать лет он сблизился с Дэйвом, Эдди и Фергусом — на фоне общих разочарований в противоположном поле и ночных споров о преимуществах «Сеги» перед «Нинтендо». Дэйв и Фергус после выпуска отправились путешествовать, Эдди устроился на работу в IT-отдел компании из «большой четверки», а Тристан

подписал контракт с агентством по временному трудоустройству. Раз в несколько месяцев они писали друг другу, рассказывая о нынешней работе, или сплетничали о бывших одноклассниках. Дэйв теперь преподает; Эдди — директор бухгалтерской фирмы; а Фергус занимается чем-то неопределенным, связанным с «управлением проектами». Тристан решил отдалиться от них, придумывая оправдания, чтобы не ходить на встречи. Поэтому, когда он в кратком сообщении Дэйву извинился за то, что пропал, и предложил выпить по пинте, он был поражен: ответ появился через несколько минут!

Пятница, 8 вечера, как обычно?

Но когда неделю спустя Тристан направился к пабу «Альберт» в Элефант-энд-Касл, чувство страха поднялось в нем волной, от пяток до макушки. Он уже приблизился к двери паба, но ноги понесли его в другую сторону. Тристан быстро взглянул в окно и увидел Дэйва, сидящего за их обычным столиком, с двумя пинтами пива перед ним. Руки у него были скрещены, длинные ноги расставлены врозь (эх, в наши дни его уже никто не назовет «долговязым»), а еще он наконец-то отрастил бороду. Но Тристан узнал бы его где

угодно. Позже, когда Дэйв написал ему: «Ты куда пропал? Я ждал целый час», Тристан просто удалил сообщение. В следующее воскресенье Вивьен спросила, как все прошло, и он заверил ее: мол, они отлично провели вечер и планируют увидеться с остальными двумя друзьями уже на следующей неделе.

— Таксист сказал, что Джанет сама вышла на дорогу прямо перед его машиной. Он не превышал скорость и не лихачил. Больше он там никого не видел, — говорит Мелвин.

— Были ли камеры поблизости? — спрашивает Вивьен.

— Не на этой дороге, — с легким раздражением отвечает Мелвин. — В Лондоне камеры понатыканы вовсе не на каждый улице, как все думают.

— То есть ты утверждаешь, что это снова случайность? Но разве мы можем быть в этом уверены? — спрашивает Вивьен.

Но Мелвин не слушает, а занимается коктейлями. Допив первый, он не торопясь выбирает второй. Наконец берет ярко-голубой напиток с желтым зонтиком, делает глоток из изогнутой трубочки, кривится и кашляет:

— Слишком сладкий!

— Мелвин? — резко произносит Вивьен. — Ты

же говорил, что изучишь прошлое Джанет после похорон Мэттью. И про камеры наблюдения узнаешь.

— Сейчас в этом уже нет смысла. Разве не так? Джанет все равно мертва, — говорит Мелвин. — Теперь на нее уже не свалишь.

— Мне правда стыдно, что я ее обвиняла, — признается Вивьен. — Она казалась наиболее вероятным кандидатом, но, возможно, я поторопилась, выискивая виновного среди гостей. Наверное, эти числа на меня так действуют.

— Понимаю. — Мелвин берет ее за руку. — Я тоже много думаю о них.

Вдруг мобильный Мелвина издает звук. Он отпускает руку Вивьен, и сочувствие на его лице мгновенно сменяется разочарованием. Он вытаскивает телефон из кармана, быстро читает сообщение и небрежно бросает гаджет на стол.

Вивьен встречается взглядом с Тристаном, затем обращает внимание на окно за его спиной. Ее лицо внезапно застывает, глаза широко распахиваются от шока, и она ахает, указывая на окно.

Мелвин и Тристан оглядываются, но ничего не видят. На улице — обычные воскресные покупатели, спешат себе мимо.

— Что это было? — спрашивает Тристан.

— Там было лицо! Без рта и лба… Только эти страшные глаза, и они смотрели прямо на меня! — объясняет Вивьен, делая большой глоток коктейля.

— Я так и думал, что вы трое будете здесь.

Внезапно над ними возникает мужчина в белом спортивном костюме с надвинутым на лоб капюшоном и шарфом, натянутым до самого носа.

— Это же вы! — вскрикивает Вивьен.

— Гордон? — спрашивает Тристан, узнав эдинбургский акцент.

— Да, это я, — отвечает Гордон, не снимая капюшона, но слегка спуская шарф вниз; становятся заметны красные, потрескавшиеся губы и пугающе острые скулы. — Уже три верных предсказания. Как вы это объясните, Мелвин? А вы, Вивьен?

Прежде чем кто-то из них успевает ответить, к столу подходит Билл.

— Полагаю, вы друзья моей Джейни? — спрашивает он.

И тут Тристан понимает, что его прежняя беззаботность было мнимой. Вблизи Билл весь окутан печалью, она его тяготит. Пожимая им руки, он едва может управлять своим телом. Явно

скорбит.

— Мы совсем недавно познакомились с Джанет… — начинает объяснять Вивьен, приглаживая волосы, но Билл не желает слушать — он желает говорить.

— Семнадцать лет женаты… Почти без единого грубого слова, — начинает он речь, которую, по-видимому, повторял раз за разом весь день. — Ключ к хорошему браку — это помнить о собственных интересах, как я всегда и говорил. Моя Джейни обожала общение. Постоянно бывала то на одной, то на другой корпоративной вечеринке, а я, знаете ли, любитель тихо посидеть дома с виски…

— Значит, в ночь аварии она была на корпоративе? — спрашивает Гордон.

Вивьен громко вздыхает, а Мелвин бросает на него сердитый взгляд, но Гордон явно ничего не замечает.

— Вообще, я так не думаю, — бормочет Билл; внутри него словно сдувается воздушный шар. — Ее коллеги не знали о вечеринке. Она была в Ноттинг-Хилле, но почему, никто точно сказать не может. Наверное, в гостях у новой подруги. У нее их было так много, я со счета сбился!

Когда Гордон оглядывается на остальных, Три-

стан замечает, как меняется его лицо. Правда становится очевидна; крошечный серебряный шарик падает в лунку на автомате для пинбола. Вот как… В ночь своей смерти Джанет была с другим мужчиной.

— Мы очень соболезнуем вашей утрате, мистер Тилсбери. — Мелвин встает, чтобы пожать руку Биллу. — Она была прекрасной женщиной.

Билл хватает предложенную руку и смотрит на Мелвина. Открывает рот, чтобы ответить на соболезнование, но почему-то молчит.

— Не знаю, как я буду без нее, — наконец тихо произносит он.

— Билл, извини, что прерываю, — говорит женщина, держа на руках только что проснувшегося ребенка, — но тетя Морин вдруг засобиралась, и…

Когда она с извиняющимся видом оглядывает собравшихся, Тристан узнает ее глаза. Янтарные, точно такого же оттенка, как у Джанет. Да и вся она такая же, как Джанет, только помятая и иссохшая. Темные корни светлых прядей отросли уже на пару дюймов, а на черном платье с длинными рукавами красуется пятно от молока.

Билл с видимым усилием берет себя в руки и представляет:

— Это Кэролайн, сестра Джанет. И малышка Табита, наша племянница, с которой Джанет, к сожалению, так и не познакомилась.

— Привет всем, — говорит Кэролайн.

Она рассеянно покачивает ворчащую девочку с розовыми щечками и такой же розовой соской, которая ритмично подергивается от яростного сосания.

Тристан слышит тихое цоканье Гордона.

— Девочка прекрасна, — вздыхает Вивьен.

— Спасибо, — улыбается Кэролайн, хотя в ее глазах ни намека на радость. — У нее режутся зубки, и она сегодня не слишком довольна. Пустышка — единственное, что ее успокаивает.

— Дорогая, тете Морин нужно в туалет, — говорит мужчина, кладя руку на плечо Кэролайн.

Та быстро сбрасывает его ладонь и резко отвечает:

— Иду, Джайлз. Познакомьтесь, мой муж.

Гости смотрят, как удаляется эта троица: Билл идет в нескольких шагах впереди, Кэролайн поглощена дочерью (та разражается слезами), а Джайлз спешит следом за женой.

— Ну, как дела, Гордон? — спрашивает Вивьен, многозначительно оглядывая его с ног до головы.

— Я в отличном здравии, Вивьен. — Он засовывает руки в карманы и переминается с ноги на ногу. — Похоже, жизнь с чистого листа идет мне на пользу.

— Вы сюда выпить зашли? — хмурится Мелвин, поскольку Гордон чрезмерно загадочен.

— Не сегодня. Я просто хотел связаться с вами после известия о смерти Джанет. Все словно игнорируют электронную почту! Вивьен, нашли вы наконец свой конверт?

Гордон

Вместо ответа на его вопрос Вивьен поворачивается к остальным и закатывает глаза, а затем делает большой глоток своего отвратительного на вид напитка — несомненно, с сиропом и искусственным красителем. Гордон видит, насколько всех раздражает его присутствие, но ему сейчас не до того. Его внимание отвлекает стопка монет на столе перед Мелвином. Согласно исследованиям, на монетах скапливаются микробы, такие как кишечная палочка и сальмонелла. Из тех предметов, к которым люди прикасаются ежедневно (включая мобильные телефоны, губки для мытья посуды и пульты дистанционного управления), монеты — одни из самых страшных

рассадников инфекции. Он почти может видеть, как маленькие бактерии огуречной формы ползут по монетам, словно сороконожки, и пытаются добраться до него, Гордона. С тяжелым вздохом он поднимает взгляд на Вивьен — та листает свой блокнот.

— Так вы нашли свой конверт? — снова спрашивает он, специально дыша носом и тем самым защищая себя от любых вирусов, которые его спутники могли невольно ему передать.

Вивьен медленно ставит стакан обратно на грязный стол и громко вздыхает. Почему она не может ответить на его вопрос прямо: «да» или «нет»?

— К сожалению, нет, Гордон, — наконец произносит она.

— С вашей стороны было очень неосмотрительно потерять такую важную улику, — замечает Гордон.

— Не разговаривай с ней так! — резко бросает Тристан и обращает на Гордона холодный взгляд голубых глаз.

— Все в порядке, Тристан, — касается его локтя Вивьен. — Я действительно сплоховала.

— Она не студентка, чтобы ее учить, знаете ли, — бормочет Тристан и хватает зеленый кок-

тейль, чтобы шумно отпить через трубочку.

Гордон наблюдает за Тристаном. Вроде возраст уже не такой молодой, и интеллект при нем, а ведет себя, словно дочь-подросток у Гордона дома. Другими словами, он постоянно находится на грани истерики.

Затем он переводит взгляд на полицейского Мелвина, который весело потягивает светящийся напиток; затем на Вивьен — та хмуро листает блокнот. Вздохнув, он думает об Элизабет: она могла бы объяснить ему, как вести себя с этими людьми. Но Гордон не разговаривал с женой целых три недели и не видел ее уже несколько месяцев.

После похорон Мэттью, сидя в поезде, следующем до его дома, Гордон начал продумывать план действий. Он вошел на кухню, где Элизабет и Луиза сидели за кухонным столом друг напротив друга с большими кружками горячего шоколада, в котором плавали бело-розовые маршмеллоу. Они оба виновато посмотрели на него. Между ними лежали еще улики: баллончик крем-брюле и маленькая пластиковая баночка с шоколадным порошком. Он вздрогнул. Всего этого точно не было в кухонных шкафах, когда он утром проводил ревизию. Жена и дочь, должно быть, прятали

от него сладости… Ладно, лучше обсудить дела поважнее. Отправив Луизу в ее комнату (она все еще сжимала кружку так, словно та приросла к ее руке), Гордон сказал Элизабет, что им нужно поговорить, и изложил свои планы просто и лаконично. К сожалению, он не нашел в ней понимания. Жена разрыдалась, прежде чем он успел договорить.

— Так ты меня бросаешь? — пробормотала Элизабет, промокая щеки салфеткой, которую дал ей Гордон.

— Ну… да. Но, думаю, это пойдет на пользу всем нам.

Он пытался успокоить ее, приводил статистику, но Элизабет была не в настроении слушать.

— У тебя другая женщина?

— Конечно нет! — воскликнул он, искренне испуганный этой идеей — добавить в свою жизнь еще один источник бесконечных стрессов.

— Будь со мной честен, Гордон: ты хочешь развода? — спросила Элизабет, когда поток слез иссяк.

— О нет, нам стоит остаться в браке.

И он обнял жену за плечи, зная, что это утешит ее и вселит уверенность. Его исследования говорили, что разведенные мужчины, как правило,

живут меньше.

Итак, на глазах у Элизабет (а глаза ее были в пятнах потекшей туши), он собрал маленький дорожный чемоданчик и покинул дом, который делил с семьей больше десяти лет. Он оглянулся и увидел, как из-под занавесок в спальне выглядывает рыжевато-русая челка Луизы. На секунду он вспомнил дочь пятилетней. Она каждый день махала ему рукой из этого окна, когда он уходил на работу. Но подросшая Луиза лишь бросила сердитый взгляд и исчезла. Уйти из дома Гордону было нелегко, но он намеревался неукоснительно следовать своему плану и чувствовал, что в конечном итоге переезд повысит его шанс на долголетие. Прожив несколько ночей в отеле (с самым высоким рейтингом гигиены, какой только смог найти), Гордон снял меблированную квартиру в пешей доступности от университета. Она находилась в новом доме, построенном всего два года назад. Хозяин заверил, что вся мебель только что куплена. Гордон прибыл в квартиру, вооружившись изобилием чистящих средств, а также новыми белыми простынями, полотенцами и некоторыми необходимыми расходными материалами. Он даже купил одну из тех ультрафиолетовых ламп, чтобы проверять пятна на

матрасе и коврах — к счастью, везде было чисто. Из-за Элизабет их дом был полон ковров, подушек и всяких ярких безделушек. Особенно она любила красные, оранжевые и фиолетовые оттенки — которые, как любил шутить Гордон, напоминали ему о родовспоможении. Сам Гордон всегда любил белый цвет, или, если точнее, конкретный оттенок белого. Белый — это чисто и практично, и всегда хорошо видно, где что испачкалось. Поэтому он окружил себя всем белым и даже стал носить дома белый комбинезон, а также белый спортивный костюм — в тех редких случаях, когда выходил из квартиры. К сожалению, на работе его моду не поняли, ведь дресс-кодом для преподавателей всегда был костюм. Однако после университета он неизменно раздевался в дверях своей квартиры и надевал комбинезон.

Затем Гордон подготовил квартиру к работе, установив две новенькие белые доски и два набора маркеров для белых досок: один полностью черный, другой полностью красный. Черным маркером он вверху одной доски написал «Эксперимент „Серендипити“», а красным вверху другой доски — «Эксперимент 54». На первой доске он нарисовал круг, повторяющий форму обеденного стола, вокруг него написал имена се-

ми участников и их числами рядом с каждым. Не хватало только числа Вивьен. Рядом с именем и числом Стеллы он написал: «непримечательна». Рядом с Мэттью: «самостоятельный». А рядом с Джанет: «избалована». Затем он аккуратно перечеркнул каждое из этих имен.

На второй доске он написал вверху 53, а ниже — три свои заповеди:

«Я буду серьезно относиться к своему числу».

«Я буду бороться со своим числом».

«Я не буду излишествовать».

Вдохновленный результатами эксперимента «Серендипити», Гордон планировал написать собственную работу, используя себя в качестве отправной точки исследования и стремясь превзойти число пятьдесят три. Что значит: дожить до пятидесяти четырех или дольше. Он пришел к выводу, что секретная научная группа выбрала его для своего эксперимента — она-то и задала ему цель. И он не только примет вызов, но и воспользуется их результатами для написания столь выдающейся научной работы, что та сделает его звездой в научном мире. Тогда уже они будут умолять его присоединиться к их группе.

С первой заповедью Гордон уже справился и теперь приступил ко второй: он не должен был

проиграть своему числу. Начав с азов, он продвинулся в своем исследовании, прочитав, что женщины, как правило, живут на пять-десять лет дольше мужчин, при этом восемьдесят пять процентов людей, доживающих до ста, — это женщины. Отчасти это было связано с XX-хромосомой, которая позволяла женщинам реже страдать от заболеваний, связанных с генетическими мутациями (такими, например, как гемофилия), а также с более низким уровнем тестостерона, вызывающего агрессивное поведение у мужчин, что ведет к ДТП, дракам и тому подобному. Эти факторы были вне его контроля. Зато другие факторы он мог контролировать: риск развития сердечно-сосудистых заболеваний он снизит, питаясь полноценно, регулярно занимаясь спортом и сокращая потребление алкоголя. Все это плавно вело его к третьей заповеди. В отличие от жадной Джанет, он ни за что не поддастся перееданию. Гордон сделает ровно наоборот.

Еще в 1935 году некий ученый обнаружил, что крысам с жестко ограниченной диетой удавалось прожить на тридцать три процента дольше, чем считалось ранее. Аналогичные эксперименты на других животных, проведенные позднее, лишь подтвердили эту теорию. Снижая потребление

калорий примерно наполовину, можно добиться увеличения продолжительности жизни втрое — поскольку снижались скорость метаболизма и повреждение органов свободными радикалами. Другими словами, организм становится здоровее, если переваривает меньше пищи. По этическим соображениям, эта теория еще не проверялась на людях, но у Гордона предостаточно научной базы и самоконтроля, чтобы стать идеальным подопытным. Его первым шагом было сокращение потребления калорий на пятьдесят процентов, что, как он надеялся, обеспечит ему ряд преимуществ, включая уменьшение риска раковых заболеваний, диабета и проблем с сердцем. Проще говоря, он будет съедать одни и те же блюда три раза в день, что даст ему в сумме тысячу триста калорий. На завтрак — вареное яйцо и один ломтик тоста; на обед — сыр, ржаные крекеры и нарезанное яблоко; а на ужин у него будет стейк из лосося с брокколи на пару́ и киви.

Его исследования также показали неоспоримую пользу силовых тренировок, поэтому Гордон вложился в несколько гантелей и тренажеров для использования в собственной квартире (он пришел к выводу, что потенциальный риск несчастного случая перевешивается физиче-

ской пользой). Проживая с Элизабет, он каждый день ездил в университет на велосипеде. Теперь мысль о таком опасном путешествии привела его в содрогание. А ведь можно получить все те же преимущества, просто водрузив велосипед на подставку и не покидая квартиру. Чтобы освободить место для своего нового оборудования, он попросил арендодателя вынести обеденный стол.

Теперь Гордон ест, стоя у кухонной стойки. Каждый день после завтрака и после работы приступает к часовой фитнес-программе, чередуя езду на велосипеде и силовые тренировки. После десятиминутного отдыха он три минуты тридцать секунд выполняет идеальную стойку на голове, которая, как известно, снимает стресс, активизирует гипофиз и стимулирует лимфатическую систему.

И пока что все это творит чудеса, уверен он. Его кожа и волосы сияют, вздутий не наблюдается, и он чувствует себя моложе, чем когда-либо. Правда, он, кажется, немного похудел, но ему нравится собственный подтянутый вид, достигнутый благодаря силовым тренировкам. Он уже с волнением ждет того момента, когда сможет представить свои результаты профессору Гуда-

кру; какое же просветление должно отразиться на его лице…

— Должна признаться, я никогда не испытывала теплых чувств к Джанет, — говорит Вивьен, будто эта информация имеет какое-то значение. — Но меня впечатлило то, что я прочла о ее кампании. Она лично требовала нанимать больше моделей с разными типами фигур.

— Да, похоже, в ней было гораздо больше честности, чем на первый взгляд казалось, — кивает Мелвин.

— Вы так думаете? — фыркает Гордон.

Он вспоминает, как Джанет чуть не падала со стула, как масло от бургера стекало по подбородку и как она выставляла напоказ свои прелести перед Мэттью и Мелвином, что вряд ли говорит о порядочности.

И еще ему представляется, как она рано утром покидает квартиру какого-то мужчины в Ноттинг-Хилле, гордо шагает по улице в юбке, едва прикрывающей зад, и не думает ни о чем, кроме удовлетворения собственных низменных потребностей…

Гордон здесь не для пустых разговоров. Он не хочет слушать о достоинствах Джанет, сплетничать в грязных пабах или выслушивать чудаковатые

теории Вивьен. Он здесь, чтобы вести наблюдение за гостями званого ужина, видеть, как они реагируют на свои числа, и фиксировать результаты эксперимента. Гости за ужином выдвигали всевозможные теории — от серийных убийц до экстрасенсов и самоисполняющегося пророчества. Как секретная научная группа организовала все эти смерти, Гордон не знает, но ему это и не важно. Это дело более серьезного масштаба. Во все времена человечество приносило жертвы во имя научного прогресса.

Через три месяца после переезда на новую квартиру в дверь кабинета Гордона постучал его начальник, профессор Лайнус Гудакр.

— Ваши дела идут хорошо, Гордон? — спросил он, без приглашения заняв стул напротив стола.

Гордон вздохнул и отложил статью, которую читал. Профессор Гудакр был ярым сторонником неформального общения и никогда не называл Гордона «доктором», словно тот не проработал пять лет в медицинском институте.

— Неплохо, спасибо, профессор, — кивнул Гордон.

Он-то всегда называл других полным титулом, надеясь, что они последуют его примеру. За последние пять лет это ни разу не сработало, но

Гордон не собирался сдаваться.

— Просто Лайнус, пожалуйста. Я давно не видел вас в утренних передачах. Вы больше не снимаетесь? — спросил профессор Гудакр.

— О нет. Мне показалось, что я больше пригожусь в другом месте, — ответил Гордон, ошеломленный тем, что его начальник вообще смотрел «Утреннее шоу».

Профессор Гудакр понимающе кивнул, поправил бордовый галстук, затем наклонился через стол и взял газету из рук Гордона. Заметив чернила на большом пальце профессора, Гордон спросил себя, когда тот в последний раз мыл руки.

— Проект «Долголетие»… Вроде бы не ваша обычная область знаний.

— Нет, но я давно размышлял о том, как потребление калорий и физические упражнения могут влиять на продолжительность жизни, — на ходу выдумал Гордон.

Его начальник кивнул:

— О, интересно. Я мог бы вынести эту идею на рассмотрение совета директоров, посмотрим, сможем ли мы выделить вам грант.

— Это было бы… очень кстати, — ответил Гордон.

Наблюдая за тем, как профессор Гудакр покидает кабинет, Гордон заподозрил в нем члена той самой секретной группы. Профессор никогда не поощрял исследования Гордона и вообще не проявлял к ним никакого интереса. А теперь он здесь, предлагает финансирование и поддержку. И если так подумать, бордовый галстук мог быть знаком, разве нет? В студенческие годы галстук означал принадлежность к элитной группе, куда доступ открывался только по личному приглашению и только для самых влиятельных, умных студентов. Несмотря на отличную успеваемость и высоко оцененные исследования, Гордон ни разу не получил приглашения. Профессор Гудакр, тогда еще просто Лайнус, был на несколько лет моложе него — но внезапно он начал носить бордовый галстук. Имелась ли связь между секретной научной группой и группой студенческой? Гордону оставалось лишь дождаться от них явного уведомления. Он был уверен, что ждать осталось недолго.

Хотя его эксперимент до сих пор протекал без осечек, случались и промахи. Гордон винил в этом Элизабет. Каждую неделю она звонила ему с вопросами: как он себя чувствует, над чем работает, когда планирует в следующий раз уви-

деть Луизу… Гордон стал обнаруживать, что ее бесконечные вопросы сеют хаос в его чистом и спокойном уме. Как только он вешал трубку, то неизбежно начинал сомневаться в своей новой жизни, даже с нежностью вспоминал теплую двуспальную кровать (с уродливым фиолетовым покрывалом) в их спальне в Уондсворте. Иногда единственное, что помогает стереть из памяти прошлое, — это заказ отвратительной еды навынос в круглосуточной бургерной напротив; или большого фруктового пирога в пекарне, в зависимости от того, сладкого ему хотелось или соленого. Он вставал перед белой кухонной столешницей, упирался ногами в пол и сосредотачивался на том, чтобы съесть все блюдо до крошки. Затем позволял себе десять минут полежать на диване, поглаживая раздувшийся живот и представляя, как блюдо медленно проходит через пищеварительную систему. Затем Гордон шел в туалет, доставал из-под раковины зубную щетку и очищал свое тело от мерзкой грязи. Чувство вины, которое он всегда испытывал сразу после этого, очень мимолетно. Вслед за ним приходит чувство обновления, спокойствия, готовности день за днем продолжать эксперимент.

— Как поживает твоя дочь, Гордон? Луиза, вер-

но? — вдруг спрашивает Мелвин.

На несколько секунд этот вопрос ставит Гордона в тупик. Он не помнит, чтобы называл этому человеку имя дочери…

— С ней все хорошо, спасибо.

На прошлой неделе они с дочерью бок о бок провели особенно неловкий час в кофейне рядом с квартирой Гордона. После почти двенадцати минут молчания Луиза оторвалась от телефона и выдала нечто, удивившее его:

— Так в чем же заключается твой новый проект? Мама говорит, что он нелепый.

— Ну, твоя мама не ученый, — резко бросил он, но затем посмотрел на дочь и заметил, что она ждет ответа.

Возможно, это был первый раз, когда она проявила интерес к его работе. Даже когда он появлялся в «Утреннем шоу», дочь не удосужилась посмотреть ни единого выпуска. Гордон глубоко вздохнул и рассказал ей о своем эксперименте. О снижении калорий, силовых тренировках, медицинских анализах и даже о стойке на голове. После этого у нее над носом появились две морщинки (точно такие же, как у него, понял он). Луиза начала было говорить, но осеклась.

— Ну что? — спросил он.

Признаться, он не планировал посвящать ее в такие подробности. Но Гордон совсем никому об этом не рассказывал, а оказалось, что поделиться было приятно.

— Просто… я подумала: какой смысл жить дольше, когда ты один, вдали от меня и мамы? Для чего ты живешь?

Гордон не сразу нашелся с ответом, однако вспомнил, что его работа — на благо науки, на благо человечества. Казалось, Луизу такой ответ устраивал. По крайней мере, следующие несколько недель ни она, ни Элизабет не станут его доставать.

Он лезет в карман за антибактериальным спреем, но рука находит конверт и сложенный листок бумаги.

— Мелвин, я взял это на званом ужине, — говорит Гордон, кладя конверт на стол. — Наверное, мне следовало отдать его раньше, но вы, похоже, не заинтересовались его содержимым. В любом случае вам решать.

— Большое спасибо, Гордон, — бормочет Мелвин, лишь мельком взглянув на конверт.

— Он все это время был у вас! — восклицает Вивьен.

— Вы лезете не в свое дело, — вторит ей Три-

стан.

— А вот это покажется вам еще интереснее, — говорит Гордон Мелвину, игнорируя возмущение Вивьен и Тристана, и кладет сложенный листок бумаги поверх конверта.

— Что это? — спрашивает Тристан.

— То, над чем я работаю. Теория о том, как уединенное существование в сочетании с малокалорийной диетой и физическими упражнениями помогают обрести долголетие, — отвечает Гордон. — Это действительно творит для меня чудеса. Давно я не чувствовал себя таким здоровым!

Мелвин поднимает листок и хмурится, бегло просматривая информацию, которую Гордон аккуратно записал для него. Затем отбрасывает его и пожимает плечами:

— Ценю заботу, Гордон, но такое не для меня. Если мое число скоро придет, значит так тому и быть.

Гордон смотрит на Мелвина, на мгновение лишившись дара речи. На этом листке — результаты месяцев исследований и тщательных экспериментов. Скоро эта информация окажется на первых полосах всех газет и сделает Гордона известным в своей области. И посмотрите-ка, Мелвин едва ли удосужился взглянуть на нее!

Впервые за сегодня он внимательно рассматривает полицейского. Рукав его рубашки испачкан; в кресле он сидит подбоченясь, запрокинув голову назад, словно ему лень ее держать. Белки его глаз начинают желтеть — верный признак заядлого пьяницы. Этот человек не заслуживает того, чтобы пользоваться плодами труда Гордона. Он отвратителен, как и та Джанет. Слабак Мэттью и грубиянка Стелла тоже были ненамного лучше.

— Разве вы не понимаете? Нам нужно сделать выводы! — кричит Гордон. — Я дал вам шанс, а вы его упустили!

Он поворачивается и выходит, не оглядываясь, из паба.

Мелвин

Мелвин видит, как Гордон в его нелепом спортивном костюме выскакивает из паба, сжимая в руке листок бумаги.

— Что это было? — спрашивает он у Вивьен и Тристана.

— Понятия не имею, — отвечает Вивьен. — Только представь себе, что твой конверт все это время был у него!

— Да и ладно, — пожимает плечами Мелвин.

— Тебе совсем неинтересно, что внутри? —

спрашивает Вивьен.

— Я все ему уже сказал. Пусть жизнь ведет меня туда, куда ей надо. Я просто плыву по течению.

— Знаешь, как говорят: «Зло существует, покуда хорошие люди бездействуют», — бормочет Тристан, но Мелвин едва различает, что он говорит.

— Ну, это для меня новость.

— Похоже, доктор Гордон пытается бороться со своим числом с помощью науки, — говорит Вивьен. — Полагаю, его нельзя винить. Мы уже потеряли троих из группы, и его число не за горами.

— Возможно, тебе стоило его послушать, — обращается Тристан к Мелвину, устремив на него ледяные голубые глаза. — Вдруг он действительно придумал, как обойти злой рок.

Раньше Мелвин не замечал, какого они цвета, ведь глаза Тристана настолько бледные, что радужка почти сливается с белками.

Мелвин пожимает плечами, берет со стола брошюрку — дань уважения Джанет — и листает ее. Ему попадается чудесное стихотворение из фильма «Четыре свадьбы и одни похороны». Пока взгляд скользит по знакомым словам, Мелвин невольно слышит их с восхитительным шотландским акцентом — так, как читал персонаж

Джона Ханны.

Вдруг его телефон пищит. Сообщение. Кристиан.

Мы в бистро. Где ты?

Он смотрит на часы. Уже почти полдень. В десять утра, когда он решил сразу же отправиться в паб, его тело уже гудело от «Егермейстера» и «Ред булла». Но теперь сладкий коктейль ударяет в желудок, и Мелвин думает пообедать, чтобы замаскировать неизбежное похмелье. Однако его вдруг слегка подташнивает. Остается только одно.

— Кто-нибудь хочет выпить чего-нибудь по-настоящему крепкого, в более приятной атмосфере? — спрашивает он Вивьен и Тристана. — Я знаю одно местечко за углом.

— Извини, не могу. У меня дела, — отвечает Тристан, так резко отодвигая стул, что тот сминает ножками ковер.

— До субботы? — тихо спрашивает его Вивьен.

Она и Тристан обмениваются взглядами; интересно, какие у них секреты?

— Ага, в понедельник начинается большой проект. Нужно с ним поторопиться. — Он быстро целует Вивьен в щеку и машет рукой Мелвину,

прежде чем выйти за дверь.

— Ну что, Вивьен? Попрощаемся с Джанет как следует? — спрашивает Мелвин.

— Ну, давай, — кивает она и идет вслед за ним.

* * *

Вивьен сидит на скамейке рядом со столиком у двери, пока Мелвин заказывает им напитки. Бармен приветствует его как дорогого друга. Он ко всем так здесь относится или же помнит Мелвина по какому-то вечернему загулу? Мелвин всматривается в лысую голову бармена, его очки в полукруглой красной оправе, алый костюм и ярко-желтый нагрудный платок и пытается найти в воспоминаниях этот довольно эпатажный образ. Ничего не находит, вежливо кивает и просто делает заказ. В кармане вибрирует мобильный. Снова Кристиан. Он быстро сбрасывает звонок, но бармен успевает это заметить.

— Прячемся от кого-то? — усмехается он. — Шалун, значит?

— О, ничего особенного, — бормочет Мелвин, быстро давая мужчине двадцатифунтовую купюру с целью закончить разговор.

Пока бармен отсчитывает сдачу, Мелвин печатает сообщение Кристиану:

Я еще на поминках Джанет. Все очень расстроены! Позвоню, когда всё закончится.

Ответ появляется почти мгновенно:

Бедный мой! Держись. Увидимся позже. Целую.

Мелвин вздыхает, выключает телефон и убирает его обратно в карман. Он несет напитки к столику. Отчего-то Вивьен с любопытством смотрит на него.

— Твой друг? — спрашивает она, кивая на бармена, который протирает барную стойку, не сводя с него глаз.

— Никогда его не встречал. — И Мелвин поднимает бокал: — За великолепную Джанет! Рай только что обрел очень озорного ангела.

Они чокаются, Мелвин пробует пиво и вздыхает. Сколькими бы дорогими и интересными винами ни потчевал его Кристиан, ничто не сравнится со старой доброй пинтой.

— Это просто трагедия. Билл выглядел опустошенным. Он явно понятия не имел, чем она занималась в ту ночь, — говорит Вивьен. — Для меня браки — настоящая загадка.

Они какое-то время молчат; затем Мелвин вспоминает кое-что:

— Вообще-то, я знаю такое о смерти Джанет, что показалось мне странным.

Вивьен отставляет вино и сосредотачивает все внимание на Мелвине.

— И что же?

— Ну, я был очень удивлен, когда узнал, кто первым появился на месте трагедии… — поддразнивает он.

— Кто?

— Джайлз, — отвечает Мелвин и ждет, пока Вивьен сложит все воедино.

Она откидывается на скамейке, скрещивает руки на груди. И тут ее осеняет. Она снова выпрямляется, восклицает:

— Это же… ее зять? Муж Кэролайн с поминок?

— Он самый, — кивает Мелвин, не сдерживая широкой улыбки.

— Так вот где она все-таки была! О Джанет! Из всех мужчин в Лондоне — этот! — сокрушается Вивьен, затем лезет в объемистую сумку и достает блокнот.

— Он был потрясен, но я бы не сказал, что опустошен, — пытается Мелвин хоть как-то успокоить Вивьен новой крупицей информации.

— Это соответствует теории, над которой я работаю. — Вивьен листает блокнот. — Прозвучит странно, но мне интересно, не служит ли смерть Джанет закономерным следствием ее поведения.

— Все улики и здесь указывают на несчастный случай. Вероятно, она выбежала из его дома после любовной ссоры — и прямо на дорогу.

Вивьен поджимает губы и вздыхает:

— Я все думаю о ее выпивке, еде, флирте… О ее обжорстве.

— Так…

Она открывает блокнот и показывает Мелвину круглый набросок с семью животными, рядом с каждым из которых красным выведены слова.

— Помнишь, мы говорили о черно-белой картине на стене в «Серендипити», с такими же изображениями на столе? Так вот, я узнала, что это очень старое изображение семи смертных грехов.

— Типа, гордыня, похоть, обжорство и все такое?

— Там было семь картинок и семь гостей, — Вивьен указывает на каждый рисунок в своем блокноте. — У Джанет была изображена свинья, набивающая себе рот, и это изображение… Угадай чего?

— Обжорства?

— У Стеллы была ящерица со свитком, символизирующая жадность; у Мэттью — баран, злобно смотрящий на овцу, и это похоть; у Гордона — павлин, символ гордыни; а у Тристана — две дерущиеся собаки, что значит «гнев».

— А у меня? Кот, курящий трубку?

— Вероятно, это лень, Мелвин, — с гримасой отвечает ему Вивьен.

— Ну, я никогда не считал себя ленивым, — качает головой Мелвин.

— Нет, ты совсем не лодырь. Но я сверилась со словарем и узнала, что лень также может означать бездействие. Желание, чтобы все шло своим чередом.

— Ха! Что ж, возможно, хозяин званого ужина знает меня лучше, чем я сам, — говорит Мелвин и трет глаза: он слишком устал для всего этого.

— Не все изображения сходятся, — продолжает Вивьен. — Стелла действительно была жадной или просто гордой? И я бы никогда не назвала Тристана злым.

Мелвин вспоминает многочисленные проблески едва сдерживаемого гнева, которые он видел у Тристана. Сжатые кулаки и челюсть, язвительные комментарии и испепеляющие взгляды. Но

Мелвин не хочет поощрять очередную безумную теорию Вивьен. После похорон Мэттью Вивьен засыпала его просьбами помочь с ее «расследованием». Чтобы успокоить ее, Мелвин ответил, что разговаривал с владельцем «Серендипити»; тот утверждал, что не смог найти контактные данные арендатора ресторана под званый ужин. После этого Вивьен писала ему каждые несколько дней. Спрашивала о записях Джанет, о том, как работает видеонаблюдение, даже запрашивала копии полицейских отчетов о смерти Мэттью и Стеллы. Иногда он просто отвечал, что его начальник запретил делиться информацией, иногда говорил, что ничего не нашел, а иногда просто удалял ее сообщение.

— Если тебе от этого станет легче, то моя — зависть. Ее называют «гнилью костей». — Вивьен вздрагивает. — Возможно, меня ждет худшая из смертей.

Мелвин впервые видит страх на ее лице.

— Ты должна забыть о числах, — тихо говорит он. — Это сведет тебя с ума. Лучше просто живи своей жизнью.

— Знаю, но это меня гложет. Моя жизнь сейчас богаче и насыщеннее, чем когда-либо, и от этого я еще больше боюсь, что ее отнимут, когда я мень-

ше всего этого жду, — признается она.

Мелвин кладет большую руку на маленькую руку Вивьен и улыбается ей.

— Другая часть моей теории семи смертных грехов заключается в том, что хозяин ужина — убийца — и есть тот самый дьявол на картинке, — лепечет Вивьен.

— Давай я тебе подыграю, — вздыхает Мелвин. — Так кто же дьявол?

— Кто-то вне группы, кто-то, кто знает каждого из нас по отдельности, кто-то, кто организовал званый ужин, а теперь убивает нас одного за другим, — отвечает Вивьен. — И, держу пари, он был поблизости во время ужина. Вероятно, наблюдал за нами.

— То есть…

— Может, в домах вокруг «Серендипити» установлены камеры видеонаблюдения, и там кто-то прячется? — предполагает Вивьен. — Или злодеем мог быть кто-то из официантов, шеф-повар?

— Ладно-ладно, Вивьен, — медленно кивает Мелвин. — Я еще раз поговорю с владельцем дома. Посмотрим, что смогу выяснить.

— Я вернусь на Сальвейшн-роуд, пойду по квартирам, поговорю с соседями, — говорит Вивьен.

Мелвин откидывается на спинку стула, его

внезапно накрывает волна усталости.

— Есть шанс, что ты про это забудешь? — спрашивает он.

— Нет, у меня слишком много незаконченных дел. Но, Мелвин, я должна спросить: что происходит? Ты ужасно выглядишь. Ты правда ночью отдыхал? Мэри с тобой, верно, не было.

— Нет, не было, — устало отвечает Мелвин; даже голова его кивает так, словно шея устала держать ее и всю ту ложь, что он в себе накопил.

— Тебе не обязательно мне рассказывать, — сочувственным тоном уверяет его Вивьен. — Люди переносят болезни по-разному. Мэри снова очень плохо?

Мелвин смотрит на нее, взвешивает варианты и решает сказать правду. Это будет для него новым вызовом.

— Нет, на самом деле у нее все хорошо, — признается он, представляя, как ее щеки снова наливаются румянцем, когда она смеется, что в последнее время случалось часто.

Первые месяцы лечения Мэри кажутся давним сном. Мелвин с ностальгией вспоминает двойную жизнь мужа-утешителя Мэри и неопытного любовника Кристиана. Он чувствовал себя желанным и нужным им обоим. Это было изну-

рительно и воодушевляюще в равной степени. А потом случилось нечто удивительное: рак Мэри отреагировал на лечение «как по волшебству», как сказал ее терапевт, чем заставил Мелвина здорово понервничать. Лечение удалило все следы рака, ей больше не требовалась лучевая терапия. Эта новость воодушевила Мэри. Из сгорбленной, болезненно худой женщины она расцвела, заново обретя смысл жизни и силы. Она уговорила его заняться танцами в здании муниципалитета и обсуждала с ним возможность трехмесячного кругосветного круиза после выхода Мелвина на пенсию. Мэри постоянно строила планы, затевала ужины, планировала отпуска, заводила новые увлечения, генерировала новые идеи. Все это радикально отучило его от ранних возвращений домой, и поводы он выдумывал самые разные. А выздоровление Мэри привело к тому, что Кристиан постоянно спрашивал: «Когда же ты расскажешь ей?» Кристиан уже делал перестановки в своей квартире, готовясь к переезду Мелвина. Если Мелвин не был вовлечен в бесконечные планы Мэри, то отбивался от бесконечных вопросов Кристиана. Его мозг постоянно находится под атакой. Все, чего он хочет, — тишина, покой, пространство для размышлений.

Но его жизнь круто повернулась.

— Тогда в чем дело? — спрашивает теперь Вивьен.

— Во мне. Я встречался… с другим, и все вышло из-под контроля, но я просто не знаю, как все это распутать.

— С Кристианом, да?

— Как ты поняла?! — Мелвин в шоке.

— По изменившейся внешности, ночным загулам, твоей улыбке, когда ты говоришь о нем…

И Мелвин понимает, как же был глуп, думая, что ведет себя сдержанно, что годы работы в полиции научили его прятать эмоции. Эмоции все равно нашли выход. Мэри тоже уже заметила? Она просто притворяется, что дружит с Кристианом, выжидая момента, чтобы разоблачить их обоих?

— Я собирался рассказать ей после похорон Мэттью, все спланировал заранее, но в тот вечер она сообщила, что рак вернулся, и я не смог с ней так поступить, — объясняет он, внезапно отчаянно желая, чтобы Вивьен поняла, что он не такой уж плохой человек.

— Ну, молодец, Мелвин, — улыбается Вивьен. — Но теперь, когда худшее позади, возможно, пора признаться. Вдруг она воспримет это лучше, чем

ты думаешь. В конце концов, вы столько лет женаты, она наверняка знает тебя как облупленного.

— Самое худшее, что за последние несколько месяцев Мэри и Кристиан стали друзьями, — признается он.

Под «мы» в сообщении Кристиана на самом деле подразумевались он сам и Мэри. Мелвин с трудом верит, в какую ситуацию он себя втянул. Будто в сюжет какой-то надуманной американской романтической комедии из тех, что любила Мэри. Его жена и любовник подружились. Они стали по-настоящему хорошими друзьями. На самом деле Мелвин порой гадает, не предпочли ли они друг друга самому Мелвину.

Он ждет потрясенного ответа Вивьен. Но вместо этого чувствует, как скамейка начинает трястись. В недоумении он открывает глаза и видит на щеках Вивьен слезы. Она смеется? Она действительно смеется над его жалкой жизнью.

— Ой, прости, Мелвин! Мне не следует смеяться, — задыхается она. — Дело не в тебе — дело в жизни. У кого-то где-то чертовски хорошее чувство юмора!

И тут отчаяние Мелвина сменяется истерикой, и он тоже смеется. Другие посетители косятся

на крупного мужчину и крошечную женщину, покатывающихся от смеха. Их плечи прижаты друг к другу, они поддерживают ослабевшие от смеха тела друг друга, чтобы не упасть. Все это и впрямь до трагичного смешно.

В поисках новых увлечений и в знак возрождения своей социальной жизни Мэри однажды вдруг решила пригласить Кристиана на ужин.

— Хочу познакомиться с коллегой, о котором ты все время говоришь, — сказала она.

Мелвин с тревогой всмотрелся в лицо супруги: она подозревает их? Но увидел лишь милую, невинную улыбку.

Итак, Мэри приготовила лосося с молодым картофелем и яблочный крамбл («Вы, полицейские, те еще едоки»), а Кристиан приехал ровно в половину восьмого, одетый в светлую джинсовую рубашку и овеянный потрясающим ароматом, с бутылкой его любимого красного вина. Мелвин никогда так не потел, как во время этого застолья. Он был удивлен, как ни Мэри, ни Кристиан не заметили, что он каждые несколько минут промокал лоб, прижимая руки к бокам, чтобы скрыть влажные пятна. Но нет — они слишком хорошо проводили время, и им не было дела до мучений Мелвина! Кристиан внимательно

следил, чтобы стакан Мэри всегда был полон; Мэри расспрашивала Кристиана о его детских балетных тренировках («Ты не говорил мне, что твой напарник тоже танцор!»). К концу вечера они вдвоем кружились по гостиной под аккомпанемент «Щелкунчика» из старой стереосистемы, а Мелвин мрачно потягивал пиво. После полуночи Мэри поцеловала Кристиана на прощание и чуть не упала в объятия Мелвина, хихикая: «Будь я на двадцать лет моложе, у тебя появился бы повод для волнения!» Хихикая! Мелвин надеялся, что знакомство состоялось и причин встречаться снова тем же составом больше нет; но, на его удивление, Мэри и Кристиан втихомолку обменялись номерами телефонов и договорились вместе сходить на балет.

— О чем ты думал?! — возмущенно спросил он Кристиана, но тот не разделял опасений Мелвина.

— Она прекрасная женщина, Мелвин. И теперь она не будет возражать, когда ты скажешь, что сходишь выпить со мной и так далее. В конце концов, это всего лишь поход на балет.

Но этим походом все не ограничилось. Последовали выставка истории танца в Музее Виктории и Альберта, затем ланч, дегустация вин на Бо-

ро-маркете и регулярные воскресные ужины у них дома. Иногда они даже не утруждались сообщить Мелвину о своих планах — как, например, сегодня. Он думал, что увидится вечером с Кристианом, а не с ними обоими. В последнее время он замечал, как они шепчутся друг с другом, а потом резко замолкают при его появлении, а на днях случайно услышал разговор Мэри с Кристианом по мобильному: «Кого пригласим из полиции?» У Мелвина скрутило живот, когда он понял: они, наверное, планируют в следующем месяце вечеринку-сюрприз в честь его шестидесятилетия.

— Сказать правду никогда не поздно, Мелвин, — говорит Вивьен.

Но Мелвин знает, что уже слишком поздно. Он опоздал с этим на годы.

— И где же, по ее мнению, ты проводишь эти вечера? — спрашивает Вивьен.

— Пропадаю на корпоративах или тренировках.

— Если твое число и впрямь приближается и мы не сможем вовремя остановить виновного, ты оставишь после себя много боли. Ты ведь не хочешь этого, правда? Тристан прав: иногда бездействие — хуже всего.

— С ним все в порядке? Я про Тристана. Он сегодня выглядел таким несчастным, — спрашивает Мелвин.

— У него свои проблемы. — Вивьен скрещивает руки на груди. — Вот почему я не рассказала ему о теории семи смертных грехов. Вдобавок он наверняка решит, что я окончательно и бесповоротно спятила.

Мелвин вздыхает:

— Может, мы все спятили.

— Почему бы тебе прямо сейчас не открыть конверт вместе со мной? — внезапно предлагает Вивьен.

Мелвин пристально смотрит на нее, видит эти яркие голубые глаза. Пожимает плечами и достает конверт из кармана.

— Похоже, Гордон заглянул внутрь, прежде чем отдать его мне.

Конверт явно был вскрыт и запечатан заново.

— Не удивлена.

— Сделай это сама, — просит Мелвин.

Вивьен берет у него конверт. Переворачивает его и начинает открывать.

— Готов?

Он кивает.

— «Ты умрешь в шестьдесят один».

— Мне почти шестьдесят, — Мелвин смотрит на число: шестьдесят один.

Хотя, честно говоря, еще два года на этой планете прямо сейчас кажутся каторжным сроком. Мелвин не понимает, как можно продолжать так жить, но и альтернативы не видит.

— Не возражаешь, если я оставлю его себе? — спрашивает Вивьен.

— Думаешь, там подсказка?

— Возможно, — отвечает она и засовывает конверт в сумку.

Затем Вивьен извиняется и уходит «припудрить нос», так что Мелвин пользуется случаем и снова включает телефон. У него еще два пропущенных от Кристиана, сообщение от Мэри с перечнем закусок из ресторана. А еще сообщение с несохраненного номера:

> Вчера было весело. Давай повторим как-нибудь? Н.

Мелвин делает быстрый вдох и представляет себе массивные, веснушчатые плечи и очаровательный пивной живот. Н? Натан или, может быть, Ноэль? Чего Мелвин не сказал Вивьен, так это того, что он не был с Кристианом прошлой ночью. Кристиан работал допоздна, а Мэри

навещала друзей, поэтому Мелвин отправился тусоваться один. В одном из неприметных гей-баров он поболтал с Натаном-или-Ноэлем о регби (Кристиана не интересовал спорт). От пива они перешли к «Егермейстеру» и «Ред буллу» и очутились в ирландском пабе, чей владелец — знакомый нового друга Мелвина — угостил их кокаином. Не успел Мелвин опомниться, как на следующее утро проснулся в незнакомом доме где-то недалеко от Финчли, и каждая клеточка его тела источала стыд. Бросив мужчину спящим, Мелвин собрал одежду и поймал такси, чтобы укатить прямиком на поминки по Джанет.

Видя, что Вивьен возвращается к столику, он удаляет сообщение. Возможно, пора наконец задуматься о своем числе. Но хаос в личной жизни и так дает предостаточно поводов для беспокойства…

— Еще вина, Вивьен? — спрашивает он.

Лекция
Май 2017 года
Восемь месяцев спустя

Вивьен

Мужчина сморкается в белый платок и разглядывает меню сквозь очки.

— Что же выбрать, что же выбрать… — бормочет он и дважды шмыгает носом.

— Думаю, я возьму морского окуня, — решает Вивьен, заправляя за ухо прядь блестящих волос.

В то утро Кэт настояла на походе в парикмахерскую, где Вивьен выдержала три долгих часа мелирования, стрижки и различных «проце-

дур», которые, по общему признанию, сделали невозможное и усмирили ее вьющиеся волосы. Вивьен не уверена, что после первого мытья волосы сохранят свой вид, но сейчас она все время их трогает. Взглянув на спутника, она пытается игнорировать внутренний голос, твердящий: все твое преображение впустую. Но она обещала Кэт дать ему шанс.

— Недавно я прочитал интересную статью о содержании ртути в сибасе, — бормочет он, обращаясь скорее к себе, чем к Вивьен. — На всякий случай возьму карри с тофу.

«Безвкусный тофу довольно точно тебя описывает», — думает Вивьен, но просто улыбается и заказывает сибаса с большим бокалом вина. Затем она тихонько усмехается, но тут же маскирует смех под кашель, вспоминая, как Тристан догадался о вегетарианских предпочтениях ее спутника («Судя по тому, что ты о нем говорила, он явно закажет тофу»). Его проницательность не знает границ.

— Я так понимаю, вы журналистка? — спрашивает ее спутник и снова шмыгает носом.

— Да, много лет я работала в женском журнале, но в прошлом году благодаря моему другу Тристану запустила собственный сайт. Он весьма

популярен, на нем я освещаю очень интересные темы… — говорит Вивьен, всегда готовая рассказать о своем детище.

Она размышляет, стоит ли рассказать ему о последних популярных материалах на ее сайте: «Как заниматься знойным сексом в шестьдесят» и о дневнике бабушки-стриптизерши.

— О, а я избегаю интернета как огня, — перебивает ее спутник (Айан, кажется?). — Наш офис-менеджер все пытается записать меня на курсы, но я предпочитаю старую добрую бумагу, ручку и поход в библиотеку.

— Ну что ж, — пожимает плечами Вивьен, разворачивая и складывая салфетку. — А где вы работаете?

Она пытается слушать, правда пытается, но теряет интерес уже через десять минут беседы о тонкостях бухгалтерского учета в страховой компании. Ее взгляд скользит к соседнему столику — там молодая пара, взявшись за руки, возбужденно перешептывается, на безымянном пальце девушки сверкает бриллиант. От них веет молодостью, любовью, уверенностью. Впереди их ждут свадьба, прекрасные дети, счастливая жизнь, и Вивьен чувствует, как в ее животе вздымается злобная волна. Нет! Она не позволит

зависти взять верх. Прочь, зависть, тебе здесь не место! Образ орла с весами часто всплывает в ее памяти. Он заставляет ее задуматься о прошлом. Часто ли она завидовала людям? Ответ напрашивается только один: да, часто. Она завидовала всем этим молодым редакторам-мужчинам, которых продвигали по службе; завидовала Кэт, да и остальным коллегам моложе себя; завидовала друзьям с их семьями и детьми. Вивьен борется с завистью каждый божий день, но надеется, что за два года, прошедшие после «Серендипити», она смогла по большей части избавиться от зависти и изменила жизнь к лучшему. Девушка вдруг смотрит на нее, и Вивьен улыбается ей. Инстинктивно та улыбается в ответ, но затем быстро поворачивается к своему жениху.

«Сосредоточься лучше на собственном ухажере, Вивьен…»

— У вас есть дети? — спрашивает она, когда официант приносит им еду.

Придется пробыть в обществе этого мужчины, пока она не расправится со своим морским окунем.

— Да, у меня дочь. — Улыбка мелькает на его тонких губах. — Она довольно образованная, скоро защищает докторскую по экономике, а еще

изучает японский бизнес. Надеется после учебы переехать в Японию.

— О, наверняка вы будете скучать по ней.

— Да, конечно, но она, без сомнения, станет приезжать на Рождество. Мы не очень сходимся во взглядах. Она тяжело перенесла наш развод, так что, пожалуй, видеться с отцом раз в год ей вполне достаточно, — говорит он, сосредоточенно накалывая тофу на вилку.

Вивьен уже собирается рассказать о Кэт и Чарли — своей приемной дочери и внуке, каковыми она их теперь считает, — но чувствует, что для спутника эта тема интересна даже меньше, чем ее сайт. Возможно, ему так же скучно, как и ей самой. Дома она непременно убьет Кэт. С тех пор как та нашла старую фотографию Джеймса и уговорила Вивьен рассказать ей эту историю, она преисполнилась решимости вернуть Вивьен «на сцену свиданий». Хотя Вивьен не уверена, что когда-либо всходила на эту сцену. Выражение Кэт ассоциировалось у нее с пьесой, где все персонажи загримированы и исполняют короткие танцевальные номера — вот в чем весь смысл свиданий, по ее мнению.

Сначала Кэт предложила Вивьен зарегистрироваться на сайте знакомств, но та тут же отклонила

предложение. Тогда Кэт начала сама искать ей пару. Этого Айана удалось поймать в автобусе. «Он высокий, симпатичный, немного напоминает Роберта Редфорда», — взволнованно описывала она. Два свидания вслепую окончились провалом. Сидни с накладками на лысине и искусственным загаром все время потчевал Вивьен рассказами о турецком отеле, куда он ездит три раза в год; Винсент флиртовал с молодой официанткой и постоянно проверял телефон, громко смеялся над сообщениями и печатал ответы, пока Вивьен пыталась поддержать светскую беседу. Она поклялась, что нынешнее свидание будет последним. И ее, конечно же, не удивило, что этот мужчина похож на Роберта Редфорда так же сильно, как она сама на Деми Мур. Он высокий, и, надо признать, у него приличная шевелюра, но она бы с радостью променяла его на невысокого лысого мужчину с долей харизмы. Вот у Джеймса харизмы было в избытке.

Когда Вивьен в восемнадцать лет устроилась секретаршей (что было и радостно, и удивительно, ведь она печатала и стенографировала со скоростью черепахи), мать повела ее покупать нарядные блузки и юбки-карандаши для офиса. Мать грозила дочери пальцем в зеркале

универмага, наставляя ее «держаться подальше от офисных парней, от них только проблемы». Вивьен закатила глаза: ее мать-француженка жила с мыслью, что английские мужчины лишь немногим лучше пещерных людей. Вивьен предполагала, что этот вывод основывается на ее немногословном отце, который всю жизнь провел в трех позах: стоя у заводского конвейера со свечами зажигания, дома сидя в кресле и лежа в кровати. И за целый день — максимум пара десятков фраз. Но Вивьен хотела лишь подзаработать и накопить опыт, чтобы подать резюме в журнал. Однако она не провела в офисе и четырех дней, как появился Джеймс — его вызвали починить ее заклинившую пишущую машинку. Сильные пальцы за считаные минуты снова завели аппарат.

— Вот так, мисс, — добродушно улыбнулся он, на долю секунды встретившись с ней карими глазами.

У Вивьен вдруг пересохло во рту, и она пожалела, что забыла помыть голову утром.

— Он умелый, но мне жаль его жену. Вот так взял и бросил ее после двух лет брака! — проворчала женщина рядом с Вивьен, когда Джеймс ушел.

Вивьен не обращала внимания на офисные сплетни; она просто была рада, что кто-то спросил, как у нее дела, и выслушал. Женщины в офисе, все гораздо старше ее, обращались к ней только за тем, чтобы указать на ошибки в письмах и снисходительно похвалить за умение заваривать чай. Однажды Джеймс увидел, как она рыдает на задней лестнице, тут же умчался и вернулся с чашкой молочного чая и тарелкой имбирно-орехового печенья. Затем он поцеловал ее. Она была так ошеломлена, что рассмеялась, прежде чем ответить на поцелуй. Ее самый первый поцелуй. Он водил ее в кино, в бар в Сохо, где она пробовала шампанское в изящных бокалах из «ревущих двадцатых», и знакомил со всевозможными экзотическими блюдами. Ее мать ошибалась… пока не оказалась права. Через два месяца после их знакомства Джеймс вошел в офис бледный и потрясенный.

— Она нас подозревает, — прошептал он.

Им удалось улизнуть на прогулку, и он сообщил, что утром уволился с работы, поскольку его жена Сью требовала снова съехаться с ним в Вулвергемптоне. Вивьен не могла во все это поверить. Он говорил ей, что живет отдельно от жены, и она ожидала их скорого развода, но

оказалось, что это было лишь временное соглашение. Все было временным, включая ее саму. Вместо того чтобы разрыдаться и устроить сцену, Вивьен словно оцепенела. Она поймала себя на том, что, следуя просьбе Джеймса, машинально идет обратно в офис и садится за новое письмо. Ей не хотелось выставлять себя восемнадцатилетней дурочкой. В глубине души она надеялась, что он передумает, но на следующий день его стул остался пустым. И на следующий день, и на следующий… Вот и все, о чем она рассказала Кэт. Вивьен все еще не была готова делиться травмирующим, душераздирающим, перевернувшим ее жизнь финалом этой истории.

— Какой гад! — воскликнула Кэт. — Женатый мужчина — и так приударить за невинной девочкой-подростком!

— Знаю, все выглядит именно так, но на самом деле нет. Он был всего на несколько лет старше, и мы провели вместе много радостных дней. Более того, я чувствовала… что он меня берег. — Вивьен пожала плечами, не в силах описать по-другому это ощущение.

— И с тех пор ты ни с кем не встречалась? Все эти годы? — поинтересовалась Кэт.

Вивьен тихо возгордилась: хороший журна-

лист всегда знает, что нужно продолжать копать, пока не обнажится истина.

— Ну, я, конечно, не была монахиней…

Она покраснела, вспомнив те затерянные выходные на Корфу, блестящую загорелую спину и сколотый передний зуб; затем — строителя из Истборна с удивительно нежными руками.

— Но никого похожего на Джеймса я так и не встретила, — добавила Вивьен. — А я искала, поверь. Годами искала, но в конце концов решила, что у каждого в жизни бывает всего одна настоящая любовь, и ею был Джеймс. Тристан, кстати, согласен. Он говорит то же самое о своей Элли.

— Тристан просто не хочет, чтобы ты посвящала время кому-то еще, — поддразнила Кэт, а Вивьен закатила глаза.

С тех пор как Вивьен и Тристан просидели весь ее день рождения, склонив головы друг к другу и погрузившись в разговор, Кэт постоянно шутит, что Тристан — ее «мальчик-игрушка». Помимо воскресных встреч они часто виделись и в середине недели — ужинали в Сохо или ходили в кино. У них оказались удивительно схожие вкусы в кино. И в сериалах. И в книгах.

Кажется, Вивьен и Тристану постоянно есть о чем поговорить, и он всегда с нетерпением ждет

ее мнения. Вивьен давно не чувствовала себя так. Тристан рассказывал ей и о своей жизни. У него талант превращать даже самый неприятный момент в забавный, например, когда он процитировал друзьям Элли фразу «кто не умеет, тот учит», или когда он волонтерил на модном блогерском мероприятии, а его назвали «IT-троллем». Теперь, когда в ее жизни есть Тристан, Кэт и Чарли, Вивьен больше никто не нужен. Но Кэт не хочет с этим мириться.

— Я не сдамся! — твердит она. — Я найду тебе мужчину. К тому же никто из нас не молодеет.

Вивьен только вздыхает:

— Ладно-ладно, вряд ли это сильно повредит.

* * *

Вивьен вся отдавалась новой светской жизни, но она не могла полностью изгнать страх перед своим числом. Более того, постепенно это число начало отдаваться звоном в ушах. Вот почему два месяца назад она договорилась с Тристаном о встрече в кафе недалеко от «Серендипити».

«Мне нужна твоя помощь кое с чем», — написала она ему.

Он приехал с ноутбуком, очевидно полагая, что она имела в виду помощь с сайтом.

Когда они заказали чай и торт на двоих, Вивьен достала свой блокнот.

— Что это? — спросил Тристан, указывая на список имен внизу страницы.

— Дьяволы, — покраснела она.

— Что ты имеешь в виду?

— Я все думала о возможных подозреваемых, связанных с гостями на званом ужине, — сказала она.

— «Сэр Кук, Гарет, Билл, Джайлз…» — прочитал Тристан. — «Отец Стеллы, хулиган, задиравший Мэттью, муж Джанет… и ее любовник?»

— Это пока только предположения. Я не смогла связать ни одного из них с другими гостями, — призналась Вивьен.

Поначалу Вивьен осторожничала, заговаривая с Тристаном о «Серендипити», но в последнее время эта тема все чаще проскальзывала в их разговорах. Тристан верил в свою самую первую теорию о самоисполняющемся пророчестве; якобы Джанет выскочила перед такси, зациклившись на своем числе. Но Вивьен не была так уверена.

— Поэтому я надеялась, что ты поможешь мне сегодня с расследованием.

Тристан был ошеломлен, когда она рассказала

ему о своем плане.

— Ты собираешься постучать во все двери на Сальвейшн-роуд?! — воскликнул он.

— Нет, *мы* собираемся постучать во все двери, — поправила она его. — Я только этим и занималась, когда начинала путь в журналистике.

— Что ты надеешься найти?

— Узнать, видел ли кто-нибудь «дьявола», шныряющего поблизости. Или, может, кто-нибудь снимал здесь в ночь званого ужина?

Вивьен послала Тристана на сторону улицы с четными номерами домов, а сама взяла на себя нечетные, включая здание, где располагался «Серендипити».

— Меня трясет от одного возвращения сюда, — вздрогнул Тристан, прежде чем побрел к дому номер два.

Спустя час никто из них не продвинулся. Большинство дверей захлопывались перед их лицами, часто звучала ненормативная лексика. Те из соседей, кто все же прислушивались, не помнили той зимней ночи двухлетней давности. Что касается камер, то записи с функционирующих обычно хранились всего пару недель.

Наконец Вивьен остался всего один дом. Номер

тринадцать.

Постучав в тяжелую деревянную дверь, она представила себя стоящей там с Тристаном два года назад. Всего два года прошло, а как много изменилось. Она вспомнила людей, которые вошли в ее жизнь и изменили ее до неузнаваемости: Кэт, Чарли, Тристан… И людей, которых она встретила в этом доме, а теперь их нет: Стеллу, Мэттью и Джанет.

К ее удивлению, дверь скрипнула.

На нее смотрел невысокий, коренастый мужчина с взъерошенными седыми волосами и в очках с толстыми стеклами, одетый в потертый твидовый блейзер.

— Чего надо?! — рявкнул он.

— Простите за беспокойство, — начала Вивьен. — Кажется, с вами общался полицейский по имени Мелвин Уильямс. Я была здесь на званом ужине два года назад и просто пытаюсь связаться с его организатором, чтобы… поблагодарить его. Вы, случайно, не знаете, о ком речь и как его найти?

— Не было тут никаких полицейских, — ответил мужчина. — Раньше мы сдавали это место в аренду, теперь нет. Всем этим занималась компания, а хозяином был некий Брукбэнкс или

Брукхэм, как-то так.

С этими словами он захлопнул дверь. Внезапно рядом с ней появился Тристан:

— Что он сказал?

— Здесь не было полиции, хотя Мелвин сказал, что разговаривал с ним, — ответила Вивьен, направляясь к станции метро. — Он назвал мне фамилию Брукбэнкс или Брукхэм.

Они шли молча, оба погруженные в свои мысли.

— Зачем Мелвину говорить, что он общался с владельцем здешних квартир, если на самом деле этого не было? — вслух спросил Тристан.

— Не знаю. Честно говоря, Мелвин меня разочаровал. Он совсем не помог мне в расследовании. На самом деле он даже препятствовал ему… — сказала Вивьен.

— Он, конечно… странно себя ведет, — подтвердил Тристан. — Знаешь что, я сам поищу эту фамилию. Посмотрим, что найду.

* * *

Спустя месяц после поездки на Сальвейшн-роуд Вивьен внезапно очнулась, сидя на низкой ограде возле своего дома. Правая рука пульсировала. Посмотрев вниз, она увидела кровь, льющую-

ся из глубокой раны на ладони. Последнее, что она помнила, — то как утром выходила из дома, чтобы забрать бумаги. Сейчас на ее часах было четыре часа дня. Она потянулась за сумочкой, где всегда лежала свежая пачка салфеток, но сумки не было. Еще одно состояние фуги. На этот раз оно заняло шесть часов, и ее сумку украли, а сама она истекает кровью. Она попыталась встать, но голова так сильно кружилась, что пришлось снова опуститься на изгородь и попытаться остановить кровь рукавом. Наконец она, шатаясь, добралась до входной двери, нашла запасной ключ под растением в горшке на подоконнике и, спотыкаясь, добралась до дивана, на который и рухнула. К счастью, Кэт в этот день повела Чарли в зоопарк, и Вивьен могла выспаться, а не отвечать на нелегкие вопросы.

Но на следующее утро Кэт заметила рану на руке Вивьен и настояла на том, чтобы поехать в больницу и наложить швы. Вивьен выдумала историю о разбитом стакане и неловких руках. Кэт хлопотала над ней еще несколько дней, постоянно угождая то чаем с молоком, то печеньем и болтовней. Но этот инцидент на несколько дней погрузил душу Вивьен во мрак и заставил ее задуматься, не предвещают ли участивши-

еся эпизоды фуги, что ее число приближается. Эта мысль придала ей еще больше решимости разгадать тайну «Серендипити», пока не стало слишком поздно.

* * *

Кэт пялится на Вивьен у школьных ворот и, даже не поздоровавшись, кричит:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказала, что сама заберу Чарли сегодня, чтобы ты могла расслабиться и насладиться свиданием!

— Роберт Редфорд? Тебе стоит проверить зрение, — огрызается Вивьен, и они обе разражаются смехом.

Лицо Чарли расплывается в широкой улыбке, когда он видит Вивьен, и ее решение завершить свидание пораньше кажется еще более оправданным.

— Знаешь, Кэт, тебе лучше перестать обо мне беспокоиться и самой зарегистрироваться на сайте знакомств, — замечает Вивьен по дороге домой.

— Я же тебе говорила, Чарли — мой единственный мужчина на данный момент. Может быть, когда он подрастет, я подумаю об этом. — Кэт не отрывает взгляда от дороги.

Дома все идет своим чередом. Вивьен готовит ужин, Кэт разбирает белье.

— Это на завтра? — спрашивает она, вытаскивая из корзины для белья бледно-голубую блузку.

— Да, пожалуй. Я раньше не бывала на университетских лекциях, но с блузкой и элегантными брюками не прогадаешь.

— Да уж, не прогадаешь, — кивает Кэт, поправляя утюг, чтобы нежная блузка Вивьен не сгорела.

Пускай она плохо готовит и неаккуратна в быту, но к глажке Кэт просто не придраться.

— Жена и дочь Гордона, должно быть, рады, что люди чтят его труды, учитывая все, что случилось потом, — говорит Вивьен, бросая пенне в кастрюлю с кипящей водой.

— Да, до сих пор помню те отвратительные заметки в газетах, — вздыхает Кэт.

Спустя два дня после поминок по Джанет Вивьен заглянула в магазинчик на углу и скупила стопку бульварных газет. Конечно, большинство новостей теперь выходит онлайн, но она так и не избавилась от привычки покупать газеты охапками, наслаждаясь запахом краски и тем, как чернеют пальцы после перелистывания.

Раскрыв газету, она увидела фотографию, заставившую ее резко вдохнуть. Это был Гордон! Его голубые глаза смотрели из-под белого капюшона поверх туго обмотанного шарфа. Должно быть, его застали врасплох, поскольку на лице его было выражение загнанного белого кролика. Заголовок кричал: «Падение теледоктора!», а фото сопровождалось стоп-кадром из «Утреннего шоу»: стройный Гордон в идеальном темно-синем костюме, сидящий на оранжевом диване с уверенностью, граничащей с высокомерием. Вивьен представила, как он в своей типичной покровительственной манере объясняет ведущему, почему детское питание нужно предать забвению. Далее говорилось о «тревожном» (да кого это тревожило, усмехалась Вивьен, — уж точно не автора материала) выступлении по ТВ, после которого Гордон исчез из виду и оставил жену, чтобы вести «отшельническую жизнь» в маленькой квартире-студии близ университета. «Мы все беспокоимся о докторе Макмиллане, — цитировался неназванный студент. — В последнее время он выглядит больным; ходят слухи, что он проводит над собой странные эксперименты». Небольшая пометка в конце сообщала, что Гордон отказался от комментариев. Содержание

статьи Вивьен не убедило, но зато объяснилось странное поведение Гордона в день поминок Джанет. А позже — на прошлой неделе — имя доктора всплыло в той же газете: «Доктор Гордон скончался от аллергической реакции».

В статье перечислялись все его достижения в сфере диетологии, его «проницательные» телевыступления, и лишь в одной строке упоминалось его «спорное новое исследование». Как он вообще мог съесть что-то, содержащее семена кунжута? В статье лишь говорилось, что доктор был найден мертвым в своей квартире и, по предварительным данным, пал жертвой аллергии.

С тяжелым сердцем Вивьен снова открыла блокнот с колибри. Она просматривала статьи о смерти Гордона, попутно делая заметки. Он съел яблочный пирог с кунжутом, но откуда взялся пирог, оставалось неясно. Поиск в интернете показал, что кунжут — нечастый ингредиент в этом блюде. Итак, Вивьен отправилась на улицу, где жил Гордон, миновав новостройки и встретив по пути множество студентов в мешковатых штанах. Она не была уверена, что именно ищет, пока не заметила одного студента с картонной коробкой с надписью «Пекарня „Счастливый день“». Она проследовала за студентом и обна-

ружила торговые ряды, где нашлась и пекарня. В статьях о смерти Гордона не упоминалось, где был изготовлен пирог, но Вивьен по наитию зашла в оживленную лавку. Работавшая там женщина быстро и резко отмахнулась: она «уже сообщила полиции», что в ее яблочных пирогах нет кунжута, и «Бог его знает, почему он оказался в одной из моих картонок».

По пути домой Вивьен все размышляла над словами женщины. Теория Тристана о самоисполняющемся пророчестве в данном случае не работала. Гордон наверняка не знал, что в пироге был кунжут, ведь если бы знал, то попросту не стал бы его есть. Кто-то, знавший об аллергии Гордона, испек пирог нарочно, чтобы убить доктора, и подложил угощение в коробку с выпечкой. Она набрала сообщение Мелвину: правда ли то, что сказала хозяйка пекарни? И уже хотела нажать «Отправить», но остановилась. От Мелвина не было вестей с поминок по Джанет.

Затем Вивьен пролистала свои записи от начала до конца. Ее каракули, перемежаемые рисунками, складывались в единую историю. После смерти Стеллы она была уверена, что во всем виновата жертва троллинга. После смерти Мэттью — винила Джанет. Затем она переклю-

чилась на поиски восьмого персонажа, этого всеведущего дьявола, который каким-то образом связан со всеми гостями. Даже ее почерк был показательным: сперва аккуратный, с правильными предложениями и пунктуацией, почерк постепенно становился все неряшливее, появлялось все больше зачеркиваний и случайных слов. По нему легко читалось отчаяние Вивьен. Ее отчаянное желание жить. И вот она впервые заметила что-то. Цепочку улик, указывающих на убийцу. На одного конкретного человека.

* * *

У черных чугунных ворот университета Вивьен замечает сгорбленную фигуру Тристана. Она сделала несколько телефонных звонков и узнала, что в университете проходит памятная лекция в честь доктора Гордона.

— Всегда было интересно, сложилась бы моя жизнь иначе, если бы я поступила в университет, — говорит она Тристану, проходя мимо студентов в огромных наушниках и еще больших кроссовках.

— Там все вовсе не так, как принято считать, — бормочет Тристан, настороженно оглядывая студентов, словно те могли в любой момент на-

броситься на него и потребовать кошелек.

— Тебе не нравилась учеба? Зато ты встретил хороших друзей.

Тристан лишь пожимает плечами. Вивьен он сказал, что вот уже почти год раз в месяц видится со старыми университетскими друзьями. Они даже поговаривают о совместной поездке по Европе на поезде, совсем как в юности. Рассказывая ей все это, Тристан лучезарно улыбался, но сегодня он был в мрачном настроении.

— Уверен, тебя не удивит, что я был не самым популярным парнем в кампусе, — говорит он, засовывая руки в карманы и шагая впереди нее.

Его пришлось уговаривать сюда пойти.

— Он держал нас за сущих идиотов, — резко бросил Тристан, когда Вивьен предложила ему посетить памятную лекцию.

— Знаю, — ответила она, — у него был трудный период, и, похоже, он успел узнать что-то важное. Мы пойдем.

У Вивьен была еще одна причина прийти на лекцию, но она решила не посвящать в нее Тристана.

В конце концов он согласился сопроводить ее. Вивьен гадала, не звенит ли число в его голове. Скоро ему исполнится сорок. У него останется

всего пять лет.

На широкой мраморной лестнице у входа в здание Вивьен видит Мелвина. Тот, откинувшись на ступеньках, курит сигарету, по-видимому не обращая внимания на взгляды студентов, вынужденных обходить его внушительное тело.

— Не знала, что ты куришь, Мелвин, — качает головой Вивьен.

— Новая привычка. — Он встает и тушит сигарету под ботинком. — Похоже, формула великого доктора ему совсем не помогла.

— По крайней мере, он пытался, — бурчит Тристан, обходя Мелвина и поднимаясь по лестнице.

Вивьен пожимает плечами, и они с Мелвином следуют за Тристаном внутрь.

Тристан

«Ты сможешь, ты сможешь…» Тристан глядит на свои старые, потертые кроссовки и заставляет ноги шагать дальше, одну за другой, и так до самой аудитории. Он опустил голову, стараясь не смотреть на знакомую изогнутую лестницу, облупившиеся шкафы для бумаг и пыльные портреты давно умерших преподавателей. Но запаха этого места — смеси подростковых гормонов,

карандашной стружки и лимонной полироли — не избежать. Последние несколько недель и так были ужасными, чтобы еще возвращаться сюда, однако он снова поддался на уговоры Вивьен. Он идет вдоль бумажных объявлений о памятной лекции в честь доктора Гордона. За спиной Тристан слышит дружелюбную болтовню Вивьен и Мелвина. Он подходит к аудитории — там молодой студент протягивает ему листок бумаги с указанием: «Занимайте свободные места». Он выбирает место в конце третьего ряда, шаркающей походкой идет туда, затем снимает джинсовую куртку, кладет ее на колени и, наклонив голову, читает листок. Не поднимая глаз, видит, как Вивьен и Мелвин усаживаются рядом с ним.

— Все нормально, Тристан? — спрашивает Вивьен, снимая куртку и аккуратно накидывая ее себе на колени.

Он перенял этот жест у нее или наоборот? Тристан не помнит этого и пытается не обращать внимания на нарастающее раздражение.

— Просто не люблю опаздывать, — шепчет он, делая вид, что полностью погружен в листовку.

Когда Вивьен поворачивается к Мелвину, чтобы спросить о его предстоящем уходе на пенсию, Тристан смотрит в низ аудитории, где на доску

проецируется изображение доктора Гордона. Доктор улыбается в камеру с покровительственным выражением самодовольного лица.

— Мы вовремя подошли. Глядите, как заполнен зал, — говорит Вивьен, и Тристан наконец поднимает взгляд.

Она права: все места в аудитории уже заняты, и даже в конце ее выстроилась очередь студентов. Люди идут и идут. Тристан быстро оглядывает аудиторию и прикидывает: пятьсот студентов, около семидесяти трех процентов — мужчины, сорок три процента — в очках, средний возраст — двадцать один год.

— Кто бы думал, что он был так популярен? — спрашивает Мелвин, выдыхая пары виски в сторону Тристана, который морщит нос и отворачивается.

— Может, он обрел эту «славу» незадолго до смерти, — говорит Вивьен, показывая двумя пальцами кавычки.

Тристан невольно вспоминает песенку, которую пела ему мать: «Палец второй — указчик старательный, не зря называют его Указательный…»

В зале наступает тишина. За кафедру выходит крупный мужчина со светлой челкой. Его тело

словно плывет, с грацией, непривычной для человека его комплекции. Он кладет на кафедру небольшой красный блокнот, застегивает полосатый пиджак поверх жилета и оглядывает стоящих перед ним людей. Тристан готов поспорить, что никогда еще не видел этот зал, заполненным до отказа, и все же профессор совершенно невозмутим.

— Доброе утро. Я профессор Лайнус Гудакр. Спасибо всем за то, что пришли сегодня, — медленно и отчетливо произносит он.

Тристан закрывает глаза — и вдруг переносится на двадцать лет раньше, на то же место, где сейчас стоит профессор. Готовясь выступить перед однокурсниками, он поднимает взгляд от вспомогательных карточек и видит лицо Дэйва, показывающего ему два больших пальца. Тристан всегда был лучшим в группе. Он усердно работал над выпускным проектом, зная, что однокурсникам с ним не потягаться. И конечно же, как только Тристан начинает говорить, в аудитории все замолкают — либо под впечатлением от смелости его проекта, либо от растерянности. Проект он назвал «Моралия», и название ему подарили они сами, даже не подозревая об этом. Он был уверен, что проект способен преобразить

рынок рабочих мест, предоставив работодателям уникальную информацию о соискателях. Более того, к Тристану уже обратились несколько IT-компаний, ведь вдохновившийся идей преподаватель разослал всюду образцы его работы. Его ждала блестящая карьера, даже всемирная слава… Как вдруг он слышит это. Смех с заднего ряда. Презрительный смех. Тристан мгновенно понимает, кому он принадлежит: Малкольму Харди, его ближайшему сопернику. Он никогда не получал таких же высоких баллов, как Тристан, но компенсировал это уверенным поведением на занятиях и популярностью среди однокурсников. Высокий, широкоплечий регбист с густыми золотистыми локонами, словно у поэта, он воплощал собой все то, чего не было у Тристана. При любой возможности он старался схватить Тристана за язык, унизить его, заставить усомниться в себе.

Сделав глубокий вдох, Тристан начал считать: два, три, пять семь, — пытаясь сдержать жар, разгорающийся внутри него. Одиннадцать, тринадцать, семнадцать, девятнадцать. Он продолжает выступать, но слышит новый смех. И на этот раз Тристан не в силах сдержать захлестнувшую его раскаленную ярость. Он бездумно мчит вверх по лестнице и вдоль заднего ряда, хватает

Малкольма за воротник рубашки и… Хоть и будучи намного ниже ростом, Тристан пользуется эффектом неожиданности и сбрасывает однокурсника с лестницы. Тот катится вниз. Лодыжка Малкольма вывернута под неестественным углом, кровь льется из рассеченной брови. Гнев рассеивается, и Тристан уже готов извиняться. Но Малкольм больше никогда не сможет играть в регби. Этот инцидент знаменует собой конец университетской жизни Тристана всего за пару месяцев до его выпуска. Но, что еще важнее, это еще и конец его не начавшейся карьеры.

Внезапно его резко толкают в бок, и он с трудом открывает глаза. Тристан почти удивлен, снова увидев профессора, который вовсю разглагольствует перед тихой, внимательной аудиторией.

— Я думала, ты уснул, — шепчет Вивьен. — Тут все интереснее и интереснее.

— Вчера работал допоздна, — бормочет Тристан и пытается снова вслушаться в слова профессора.

— Доктор Макмиллан в свои последние дни много обращался к теме долголетия. Сейчас наукой принято считать, что за одну четвертую продолжительности жизни человека отвечает генетика. Если ваши родители доживут до вось-

мидесяти — хорошая новость: вероятно, вам тоже это удастся, — говорит он.

По аудитории гуляют шепотки. Для этих студентов с молодыми лицами смерть — это все еще что-то далекое, что случается лишь с очень старыми людьми. Даже их родителям, вероятно, нет и пятидесяти. Обоим родителям Тристана за шестьдесят, и, если не считать побежденного рака простаты у отца, они чувствуют себя хорошо. И все же этот факт никак не влияет на долголетие самого Тристана, ведь на самом деле они не его родители. Мысли Тристана возвращаются в тот день. После расставания с Элли он решил покинуть их общую квартиру и приехал в дом своего детства со старым чемоданом и двумя черными мусорными мешками. Ему открыла мать. Она обнимала его, слезы катились по ее щекам, как будто это с ней жизнь обошлась немилосердно (впрочем, есть старая поговорка: «Мать счастлива лишь настолько, насколько счастлив самый несчастный из ее детей»; у бедной мамы Тристана не было шансов). В ту ночь, лежа в своей старой односпальной кровати и глядя на выцветший постер с ежиком Соником, он все думал: «И вот я снова здесь». Он быстро вернулся к подростковому образу жизни: спал почти до полудня,

пока мама не раздвигала шторы; съедал тарелку яичницы с беконом, а потом возвращался к себе и работал допоздна. Так, довольно легко, протекали его будни, а вот выходные оказывались очень тоскливыми. По субботам он засиживался в постели до вечера, пока это позволяла мама, потом неторопливо обедал (в три часа дня это уже не считалось бранчем), долго лежал в ванне. Мама все уговаривала выбраться с ней в город, но он отказывался и проводил вечера на диване, смотря одно из тех глупых телешоу, которым засоряли себе мозги его родители. Каждое воскресенье, независимо от погоды, мама влезала в колготки и каблуки; отец брился и душился запахом из детства Тристана; и затем родители шли в церковь. Тристан, оставаясь один, потихоньку исследовал все уголки и щели, так манившие его в детстве.

Однажды он залез под кровать родителей и вытащил старую коробку из-под обуви. Под крышкой обнаружились его фотографии, которых он никогда раньше не видел. По какой-то причине они не попали в десятки фотоальбомов на книжной полке. Вот крошечный Тристан, лежащий на уродливом оранжевом покрывале, голый, если не считать тканевого подгузника; еще снимок мамы, гордо держащей его на руках в

старом кресле-качалке; вот оба родителя вместе, одетые в лучшие праздничные наряды, при этом отец неловко держит Тристана на вытянутых руках. Тристан вынимал фотографии одну за другой и аккуратно складывал их на ковре. Пока внезапно не обнаружил листок бумаги. Слова были напечатаны на старой пишущей машинке, буквы не совсем выровнены, а «с» и «т» искажены. Это была явно одна страница более длинного документа, но содержание оказалось понятно и так: «настоящим отказываюсь от полной опеки над ребенком и соглашаюсь на отсутствие дальнейших контактов». Документы об усыновлении. Документы об усыновлении Тристана. Он бросил письмо и порылся в коробке, но больше никаких бумаг не нашел. Затем снова взглянул на детские фотографии. Живот матери в желтом костюме-двойке на удивление плоский, хотя она родила совсем недавно. Отец держит его неестественно, словно Тристан не младенец, а неожиданная посылка, которую он только что обнаружил на пороге. Подарок…

Тристан стиснул зубы и повторил свою мантру.

«Ты сможешь, ты сможешь».

— Второй фактор, влияющий на продолжи-

тельность жизни, — это среда, в которой живет человек. Под этим я подразумеваю доступ к чистой воде и достаточному количеству пищи, хорошее здравоохранение, хорошие условия. Мне хотелось бы думать, что в две тысячи семнадцатом году мы все увидим изменения к лучшему в нашей среде. — И профессор Гудакр дружелюбно кивает сотням восторженных лиц, улыбающихся ему в ответ. — Доктор Макмиллан обратил внимание на этот фактор окружающей среды. В частности — на питание и физические упражнения…

Затем Тристан заметил среди фотографий рукописное письмо. Оно было адресовано отцу, написанное уверенным, четким почерком. Местами слова были размыты и смазаны, но Тристан смог разобрать большую часть. Некая женщина писала его отцу, что беременна от него. Это было в феврале 1974 года, через два года после свадьбы его родителей. В этом же году родился Тристан.

— Доктор Макмиллан представил мне результаты своего исследования. Некоторые выводы я, приверженец традиций, нашел довольно радикальными, но он, безусловно, поднял ряд интересных вопросов. Какую роль в долголетии играют калории, физические упражнения и

социальные контакты? Уверен, мой опытный коллега непременно опубликовал бы свои выводы. К несчастью, его исследование прервала сама жизнь…

Из первого ряда слышны рыдания. Тристан видит там двух женщин, сидящих рядом и держащихся за руки. Невольно он вспоминает «плачущих вдовушек» с поминальной службы по Мэттью. Однако в горе этих женщин нет фальши, это ясно хотя бы по их затылкам. У одной женщины каштановые волосы с проседью, плечи узкие и хрупкие, ее фигурка прижимается к женщине помоложе. Более высокая и плотная дочь доктора Гордона высоко держит рыжевато-русую голову, слушая профессора Гудакра и не отпуская левую руку матери. Тристан бросает взгляд на Вивьен: та с видом почуявшего дичь терьера тоже изучает этих женщин, а затем печально смотрит на него. Он усердно сохраняет бесстрастное выражение лица. Ему приходится уставиться в листовку, ведь он не в силах представить себе печаль, которой сам не испытывает.

— Повезло ей, — слышит Тристан бормотание Мелвина, далее следует тихий смешок Вивьен, а затем шиканье.

Тристан заставляет себя сосредоточиться на

каждом слове в листовке: «У доктора Макмиллана остались жена Элизабет и дочь Луиза». Тристана поражает, насколько странным выглядит это выражение — «остались». Как будто они втроем цеплялись за перевернутую лодку, Гордон тонул, а Элизабет и Луиза сумели добраться до берега без него. В мысли Тристана вмешались слова профессора:

— Оставлю вам поразмышлять над этим. В результате самого продолжительного исследования стадий развития человека, которые проводили мои коллеги из Гарвардского университета, мы узнали следующее: на продолжительность и качество жизни влияет лишь один фактор, при этом не связанный с физическими упражнениями, диетой или набором хромосом… — Он замедляется, делает большие паузы между словами; в аудитории полная тишина, все ждут откровения. — Это общение, — наконец произносит он.

По аудитории прокатывается волна приторного «ах!».

Все это совсем как те невыносимые шоу талантов, которые так любит его мама. Те, где на сцену выходят маленькие дети с душераздирающими историями, призванными растрогать публику. Тристан закатывает глаза, увидев самодовольное

выражение лица профессора. У Гудакра с Гордоном больше общего, чем он, вероятно, осознает.

— Если трагическая кончина доктора Макмиллана нас чему-то и учит, так это тому, что мы должны держаться за близких. В них — истинный секрет долгой и счастливой жизни. — Он смотрит на жену и дочь доктора Гордона с выражением, от которого Тристану не по себе, но обе женщины дружно кивают.

Очевидно, доктор Гордон не был согласен с этим утверждением, раз он покинул семью.

На белом экране появляются обложки книг Гордона, а затем и его фото. Губы сжаты, словно рот полон меда. Профессор подходит к Элизабет и Луизе, на лице — идеальная смесь сочувствия и печали, будто говорящая: «Я на тридцать процентов опечален своей потерей и на семьдесят процентов — вашей». Тристан замечает, что профессор держит руку Элизабет примерно на три секунды дольше, чем нужно. Ее бледное лицо заливает румянец, на губах появляется искренняя улыбка. Мужчина что-то говорит ей. Тристан встает так быстро, что не успевает схватиться за куртку, и та падает на пол.

— Закуски в холле, — сообщает Мелвин Вивьен, а Тристан наклоняется, чтобы достать джинсо-

вую куртку из-под стула.

Он успешно добирается до лестницы, но между ним и Вивьен уже протискивается несколько студентов. Ее кудрявая голова исчезает в море одинаковых стрижек с выбритыми висками. Ноги кажутся неподъемными, взбираясь по ступенькам в просторное фойе. Куда пропала Вивьен? Остановившись, Тристан встает на цыпочки и пробует выглянуть из-за толпы, но тут кто-то толкает его сзади и смеется прямо в ухо. Сердце колотится в груди, словно кулак долбит по грудной клетке. Еще шаг — и его ослепляет солнечный свет, что струится в фойе из больших окон, образуя идеальный тупоугольный треугольник. Он спотыкается и еще через несколько шагов случайно наступает на задник чьих-то шлепанцев.

— Осторожнее! — рявкает мужчина, едва не упав, но Тристан уже прячется от солнечного света.

Он несколько раз моргает и вдруг видит ее. Ее. Светлые волосы, густая челка над кошачьими глазами, запрокинутая голова. Красные губы приоткрыты, исторгая тот самый характерный смех. Не может быть. Джанет? Теперь в грудь колотят два кулака. Он не может отвести глаз от

женщины за барной стойкой, пока та смакует бокал красного вина.

— Что ты здесь делаешь, Тристан? — спрашивает голос, и в поле зрения вдруг возникает Дэйв.

Он переводит взгляд с блондинки на старого друга и борется с желанием бежать. Бежать прочь, никогда больше не встречаться с Дэйвом, Вивьен и Мелвином.

— О, привет, Дэйв. Как дела? — Он протягивает руку, и длинная ладонь недоумевающего Дэйва жмет ее.

Только тут Тристан вспоминает, что Дэйв — преподаватель. В их короткой переписке он ни разу не спросил, где тот преподает. Вполне логично, что он нашел работу в их старом университете.

— Все в порядке, спасибо. Просто не ожидал увидеть тебя здесь. Ты знал доктора Макмиллана?

— Не очень хорошо, но я хотел… э-э… выразить почтение, — бормочет Тристан и снова бросает взгляд на барную стойку: женщина исчезла.

Он оглядывает фойе. Нигде ни следа той светлой укладки.

— Трагично, правда? — хмурится Дэйв, проводя пальцами по своим коротким волосам, — привычка, которую Тристан помнит еще с юности,

когда Дэйв носил волосы до плеч.

— Да, — кивает Тристан и замечает макушку Вивьен, которая пытается его найти.

Он отворачивается, слегка сутулится, надеясь, что она его не заметит. Пот начинает капать по лбу. В фойе вдруг становится невыносимо душно: современный дизайн и яркий солнечный свет невольно создают парниковый эффект.

— Так что с тобой тогда случилось? Я час прождал тебя в «Альберте», — спрашивает Дэйв.

Прежде чем Тристан успевает ответить, рядом появляется улыбающаяся Вивьен.

— Я Вивьен. — Она протягивает руку. — Вы друг Тристана?

— Приятно познакомиться, — отвечает Дэйв. — Я Дэйв. Мы вместе учились в университете.

— О! Я слышала о вас и о ваших планах поехать в…

— Дэйв как раз уходит, — перебивает ее Тристан. — Дэйв, давай я провожу тебя.

Он ведет Дэйва сквозь уже рассеивающуюся толпу, бормоча что-то про «запутавшуюся старушенцию» и про то, как она «любит выпить бокал-другой».

— Так почему ты не пришел на встречу, Тристан?

Дэйв останавливается перед большими стеклянными дверями. Тристан замечает морщинки вокруг его глаз, небольшое брюшко, хотя Дэйв все равно не сильно изменился. В нем все та же подростковая неловкость.

— Прости. На работе кое-что случилось, — говорит он. — Давай назначим еще одну встречу, и я обязательно приду. Выпивка за мой счет.

Наблюдая, как Дэйв вприпрыжку пересекает кампус, Тристан размышляет, что делать дальше. Он оглядывается через фойе. Вивьен и Мелвин заняли стулья у барной стойки. Вивьен сжимает ладонь Мелвина обеими руками, кивает, поддерживая разговор. Тристан знает, что они будут обсуждать числа. Собственное загадочное число все больше и больше занимает мысли Вивьен, ведь, кажется, ее здоровье ухудшается (правда, она не признавалась ему в этом). С тех пор как он сказал ей, что его число — сорок пять, она постоянно бросает на него слезливые взгляды и повторяет: «В сорок пять еще рано умирать». Он не может больше видеть и слышать это. Убедившись, что Дэйв скрылся из виду, Тристан толкает дверь и убегает.

Мелвин

Сухие руки Вивьен в его руках — непривычные. Ее пальцы длиннее, чем у Мэри, и ногти не накрашены, как у той, а просто аккуратно подстрижены. Руки практичной деловой женщины.

— Относись к этому серьезно, Мелвин. — Ее голубые глаза бледнее, чем когда-либо, смотрят пристально, взгляд не отвести. — Ты сказал, что тебе все равно, но мы потеряли уже четверых из нас, и твое число следующее.

— Насколько нам известно, следующей можешь быть ты.

Вивьен вырывает руки. Когда она тянется за блокнотом в сумке, он видит, как они дрожат.

— Вот как? — огрызается она.

— Если только ты не нашла свой конверт с тех пор, как мы виделись в последний раз… — говорит Мелвин, сбитый с толку ее внезапной враждебностью.

— Позволь мне спросить тебя, Мелвин. — Она заглядывает в блокнот. — Правда ли, что пирог, убивший Гордона, изготовили не в той пекарне, откуда была коробка?

— Как ты узнала? — спрашивает он.

— Продолжаю играть в мисс Марпл, — отвечает

Вивьен. — Значит, это правда?

— Да, как я слышал, — пожимает плечами он. — А какая разница?

— Какая разница?! Ты же полицейский, Мелвин. Какая разница между убийством и смертью по неосторожности?

— Не говори мне, что ты все еще веришь в какого-то там убийцу!

— А чем еще это объяснить? — резко произносит она. — Четыре смерти, разные способы, но все замаскированы под несчастные случаи. И все предсказаны два года назад!

— Успокойся, Вивьен, — вздыхает Мелвин. — Ты права. Я не могу это объяснить.

— Так почему ты не хочешь помочь мне в расследовании? Попытаться остановить это?! — кричит она. — Сперва я думала: ты искренне считаешь, что все эти смерти произошли по случайности; потом я думала, что тебе все равно. Но теперь я начинаю сомневаться. А вдруг…

— Вдруг что? — внезапно осеняет Мелвина. — Вдруг я убийца? Ты об этом?

— А что, нет?! — кричит она. — Может, раскрытие серии убийств — идеальный способ завершить полицейскую карьеру!

Мелвин не может сдержать смеха. Что за неле-

пая мысль…

— Нет, Вивьен, — наконец говорит он. — И я не могу поверить, что ты так думаешь. Я думал, мы друзья… К тому же в ту неделю, когда погиб Гордон, я был в Барселоне, с Кристианом. У меня даже есть фотографии на телефоне — смотри.

Он протягивает ей телефон, и та быстро пролистывает галерею: ухмыляющийся Мелвин позирует возле Саграда Фамилия, Кристиан в футболке с видом Барселоны ест на пляже гигантских креветок… Вивьен вздыхает.

— Прости, Мелвин. Эта загадка явно сводит меня с ума.

— Ничего. Признаюсь, комментарий Джанет о том, что ты единственная, кто не знает свое число, в какой-то момент заставил меня задуматься…

— Ты думал на меня?! — ахает Вивьен, но замечает, как Мелвин снова смеется.

— Если честно, я не смог этого представить.

— Когда я нашла перчатку Джанет на крыше, то была уверена, что это она. Позже я начала искать убийцу за пределами группы, но у нас просто нет общих знакомых. А теперь нас осталось трое… — объясняет она. — Я не верю в экстрасенсов, про которых говорила Джанет, но каждое число сбывалось, и каждая смерть была разной. Все это

кажется таким… неизбежным.

— Может, тебе стоит относиться к этому, как я? Я прожил хорошую жизнь, скоро ухожу на пенсию… Мне не на что жаловаться.

Вивьен качает головой:

— А мне есть что терять. Я еще не готова уйти.

Они слышат всхлипывания из дальнего конца бара и смотрят на тихо беседующих жену и дочь Гордона.

— Хотя я все же гадаю, не были ли числа предостережением. Может, еще есть время отсрочить смерть — если мы исправим свои ошибки, — говорит Вивьен уже тише. — Помнишь, Гордон сказал, что нам следует извлечь из них уроки? Возможно, он говорил именно об этом.

— Вив, вот честно: наплевать, сколько мне осталось. Год, десять лет или тридцать, — пожимает он плечами.

— Мне хотелось бы думать, что нам все еще подвластны наши решения, вся наша жизнь, что бы ни сулили нам числа.

Вдруг Мелвин чувствует вибрацию телефона в кармане узких брюк (Кристиан назвал их «джинсы скинни»; Мелвин в жизни не думал, что подобными словами можно будет описать его одежду). Радуясь поводу прекратить напря-

женный разговор, Мелвин встает с табурета и достает телефон. Вдруг это Мэри с напоминанием об ужине? Прямо сейчас он бы все отдал за порцию ее жареного ягненка. Высветившееся имя заставляет его вздохнуть.

— Мелвин! Где тебя носит? — спрашивает Кристиан, не дав ему поздороваться.

Эти три слова ясно говорят: Кристиан сердится; он немного пьян; и он в компании людей, которых отчаянно хочет впечатлить. Ничего нового.

— Я все еще на лекции.

Мелвин направляется к стеклянным дверям и может поклясться, что видит худую спину уносящегося вдаль Тристана. Странно…

— Просто общаюсь с Вивьен. Она очень расстроена из-за смерти доктора, — продолжает Мелвин, бросая взгляд на Вивьен, которая улыбается ему в ответ.

— Правда? Я уж думал, она терпеть не может этого зануду, — резко говорит Кристиан.

Мелвин не может вспомнить, что именно знает Кристиан: в последнее время они так много пьют, что он мог рассказать про числа и званый ужин, а потом забыть.

— Хм, вряд ли, — бормочет Мелвин, уставившись на свои ярко-красные слипоны «Томс» —

подарок Кристиана.

Кто вообще решил, что парусина — хороший материал для обуви? Бред.

— Я с Горацио и Бобом в «Буго». Мы ждем тебя уже битый час, — Кристиан явно силится сбавить тон.

А, так он в Ричмонде со старыми добрыми Горацио и Бобом. Их имена так же плохо сочетаются, как и они сами.

— Прости, не уследил за временем, — отвечает Мелвин, взглянув на часы. — Сидите, ребята, угощайтесь. Я к вам позже присоединюсь.

Его накрывает новая волна вины, ведь он понимает, что просит прощения неискренне, и совсем не хочет распивать чересчур дорогое вино в «Буго» с самой претенциозной парой Лондона.

— О Мел, я так соскучился. В последнее время мы словно корабли в ночи… — шепчет Кристиан.

Мелвин знает: Кристиану ненавистна сама мысль о том, что Горацио и Боб посчитают их отношения чем-то далеким от идеала. «Мы с Мелвином — как картошка с мясной подливкой», — любит говорить Кристиан, хотя вряд ли он когда-нибудь пробовал этот хит дешевых закусочных. Но он прав, последние несколько недель

Мелвин каждый раз сбегал, стоило Кристиану пригласить его в компанию.

— У нас впереди все выходные вместе, — успокаивает его Мелвин, пытаясь не обращать внимания на спазм в желудке при мысли об очередных выходных с Кристианом в его квартире.

Ведь квартира правда Кристиана и всегда будет квартирой Кристиана. Но проблема не в этом. Если бы проблема заключалась только в этом…

Пообещав Кристиану завтра же пообедать с ним «каком-нибудь чудесном» (в смысле дорогом) заведении, Мелвин вешает трубку и возвращается к Вивьен. Несмотря на ее напористость, с ней легко общаться, ей легко довериться. Она смотрит на него с приподнятой бровью, явно ждет новостей о драме, которая кроется в жизни Мелвина.

— Это был Кристиан, — говорит он, чувствуя, как джинсы сдавливают бедра (и все остальное в этой области), едва он садится на стул. — Мы теперь живем вместе. В конце концов все выплыло наружу. Мэри знает.

Если Вивьен и потрясена, то виду не подает. Она медленно кивает, приглашая Мелвина продолжить рассказ. Перед этим он делает глубокий вдох: в этой истории он представлен не с лучшей

стороны.

— Помнишь, я говорил, что Мэри и Кристиан подружились? В итоге в прошлом сентябре они устроили вечеринку-сюрприз на мое шестидесятилетие. Я не любитель шумных гулянок, так что они переборщили. Арендовали верхний этаж бара в Баттерси, заполнили его воздушными шарами и выставили кучу праздничных угощений. Пригласили половину Лондона; там были почти все мои коллеги, семья Мэри, друзья по регби, которых я не видел много лет…

Мелвин помнит, как Кристиан вел его вверх по лестнице бара, с обещанием тихо выпить в честь праздника, — и тут их встретил оглушительный рев и жуткие ухмылки, в том числе на лице Мэри. Голова закружилась, и он едва устоял на ногах, взгляд метался с одного старого друга на другого. Содержимое желудка подкатило к горлу, и все, на что его хватило, — это обреченная улыбка и повторяющиеся восклицания: «Я понятия не имел!» Вечер стал испытанием, но Мелвин вроде бы хорошо держался почти до самого конца. Большинство гостей разошлись, почти вся еда была съедена; отставной полицейский со слезящимися глазами рассказывал Мелвину о давно погибших коллегах, и вдруг донеслись два очень знакомых

голоса — люди явно спорили. Он поспешно извинился и бросился к банкетному столу. Мэри и Кристиан орали друг на друга, у каждого в руках была тарелка недоеденного сыра.

— Они оба были в стельку пьяны, и ты не поверишь, о чем они спорили, — говорит Мелвин Вивьен.

— О чем? — Ее глаза распахнуты так широко, словно она смотрит специальную рождественскую серию любимой мыльной оперы.

— Ну, Мэри свято верила, что я всегда ем только нежный чеддер и даже не притрагиваюсь ни к чему с более насыщенным вкусом. А Кристиан был так же убежден, что мое правило «чем сильнее пахнет, тем лучше» и мой номер один — камамбер…

— Так кто же был прав? Ты предпочитаешь нежный чеддер или пахучий камамбер? — интересуется Вивьен с настолько серьезным видом, будто задает острый вопрос министру в прямом эфире.

— Самое забавное, Вив, что оба были правы. Я всегда ел чеддер с Мэри, а камамбер — с Кристианом, поэтому я даже не знал, как их разнять, — говорит Мелвин, вспоминая выражение лица Кристиана, когда он замялся с ответом; выраже-

ние, словно его предали.

— Что случилось потом?

— Ну, разумеется, Кристиан не удержался от саркастического замечания, мол, мои вкусы изменились с его появлением, а потом Мэри расплакалась. Оказалось, она подозревала что-то еще с тех пор, как я впервые заговорил о Кристиане и подсел на «нелепую восковую эпиляцию», но не знала, как поговорить со мной об этом.

Мелвин натягивает кожу на висках, вспоминая тот вечер: к счастью, гостей на вечеринке почти не осталось и вопиющая сцена разыгралась без свидетелей.

— О бедная Мэри… — вздыхает Вивьен, и в ее голосе, к счастью, нет ни капли осуждения.

— Знаю. Мы все обсудили и в конце концов решили, что мне пора съезжать. Какое-то время я жил в мрачной мини-гостинице. А теперь — у Кристиана. — Руки Мелвина касаются серебряного феникса на шее — еще одного подарка Кристиана («Ты восстал из пепла своего брака; теперь мы будем летать вместе»).

— Так вы с Мэри разводитесь? — спрашивает Вивьен. — Вы с Кристианом могли бы пожениться.

Мелвин вздыхает. Конечно, он видел статьи в

газетах, фотографии счастливых однополых пар, да и Кристиан не переставал об этом говорить. Но Мелвин не был готов к бракоразводному процессу, не говоря уже о втором браке. С кем угодно.

— Не буду врать, Вив, я еще об этом не думал, — говорит Мелвин и молится про себя, чтобы его число настало прямо сейчас и не пришлось продолжать этот разговор.

Он заказывает еще два бокала красного вина. Бар — студенческий, напитки не самые лучшие, но Мелвин не привередлив. Это одна из (многих) претензий к нему Кристиана.

Пока Мелвин ждет, когда ему нальют напитки, он снова поражается тому, как всем людям хочется видеть в каждой истории счастливый конец, будто бы затянуть на ней аккуратный бантик. Он с трудом, но представлял свою жизнь почти как сказку с невозможно счастливым концом. Где Мэри подозревала все с первых дней. Да, она расстроена, но спокойно продолжает жить дальше, а Кристиан с Мелвином живут долго и счастливо в их квартире в Брикстоне. Конец. Но фантазия, конечно же, далека от истины. На реальную жизнь не нацепишь глянцевый бантик. Глядя на бледную полоску на пальце, где раньше было обручальное кольцо, Мелвин вспоминает ту

ночь, ужасную ночь. Думать об этом сейчас — все равно что прикасаться к свежей ране, настолько свежей, что она все еще ноет и зудит, пока кожа привыкает к швам, скрепляющим ее.

Люди часто говорят, что в самые важные моменты время словно останавливается. Например, когда совершается преступление, когда происходит несчастный случай, когда рождается ребенок. Что ж, в ту ночь время не просто остановилось — оно словно исчезло; они застряли в вакууме, где, кроме них, существовали только их воспоминания. Словно в темном кинотеатре прокручивали отрывки из их жизни, и за пультом сидела именно Мэри. Показывала один «клип», замедляла его, перематывала взад-вперед, выискивая на фоне некие знаки.

— А наша свадьба? Вы с шафером вышли покурить, вас не было больше часа… А эти поездки на Кубок шести наций. С друзьями? Ты всегда возвращался таким виноватым… А когда мы жили в спа-отеле на Крите, ты постоянно болтал с тем парнем у бассейна, как его звали… У вас с ним что-то было?

Мэри бросала в него обвинения, словно отравленные дротики. Сидя за их старым, запятнанным обеденным столом и подперев крошечными лок-

тями лунообразное лицо, она заливалась слезами и даже не пыталась их смахнуть. Она хотела, чтобы Мелвин увидел эти слезы, принял на себя ответственность за них.

— Конечно нет. Я любил тебя! Я все еще люблю тебя. Я был так счастлив стать твоим мужем…

Сколько бы раз он ни повторял, что у него не было других мужчин и других измен, ее гнев и боль только росли.

— Ты остался со мной только из-за рака? — спросила она его около пяти утра, глядя, как свет восходящего солнца пробивается сквозь щель в шторах.

Мелвин встал, подошел к окну, задернул шторы и ничего не сказал.

— Ты собирался рассказать мне все той ночью, да?! — закричала она в такой ярости, что Мелвин был потрясен. — Приготовил лазанью, купил хорошее вино, словно пытался меня задобрить! Я думала, ты заботился обо мне, а ты собирался рассказать о Кристиане, так ведь? Что ж, прости, что мой рак помешал тебе и дальше веселиться!

Горькие слова звучали из уст Мэри так странно.

Наконец, в семь утра усталость взяла верх, и Мэри поплелась спать, словно лунатик. Мел-

вин закрыл глаза, сидя на диване. Очнувшись, он взглянул на часы: одиннадцать утра. На столе стояла кружка горячего кофе. Он поднял глаза и увидел стоящую у окна Мэри в старом пушистом и фиолетовом халате.

— Тебе стоит съехать, — холодно произнесла она. — Уверена, у Кристиана найдется для тебя место. У него всего одна спальня, но это ведь не проблема.

— Мэри, пожалуйста… — вырвалось у Мелвина.

Он даже не знал, о чем умолял, что хотел услышать, но точно не хотел слышать этого: холодности и отстраненности.

* * *

— Держите! — Студент предлагает ему сдачу, но Мелвин качает головой и протягивает Вивьен ее бокал.

— Ну как там Мэри? — спрашивает Вивьен, принимая вино.

— Без меня ей живется просто прекрасно, — признается он. — Она все еще танцует, планирует отпуск с подружками на Ибице, а еще она сделала потрясающую новую стрижку.

Несмотря на все, что случилось, Мелвин гор-

дится тем, что им с Мэри удалось наладить непрочную дружбу. Они созваниваются раз в неделю и примерно раз в месяц встречаются на воскресном пикнике, иногда даже ужинают в их старом доме.

— Может, новая стрижка для нового мужчины? — спрашивает Вивьен.

Мелвин вздрагивает. Да, конечно, дело именно в этом! У Мэри новый мужчина. А он-то все никак не мог сообразить, что изменилось. Ее искра вернулась.

— Что ж, поздравляю, — поднимает бокал Вивьен.

— С чем?

— Ты сделал это. Ты открыл правду и нашел мужчину мечты, — улыбается она. — Если кому из нас и удалось изменить свою судьбу, так это тебе.

Мелвин тоже улыбается и делает большой глоток из бокала. Когда он был с Мэри и боролся с страстью к Кристиану, он представлял себе совсем другую жизнь. В ней Мелвин был наконец-то свободен от оков гетеросексуального брака и жизни в пригороде. Он парил в небесах рядом с Кристианом, и каждый их день был полон новых впечатлений, пока они исследовали мир,

которого он и представить себе не мог. Но на деле он будто бы променял один брак на другой. Их с Мэри двухквартирный дом тридцатых годов — на классную квартиру Кристиана в Брикстоне, на верхнем этаже таунхауса. Ростбиф за семейным столом — на воскресные суши с конвейерной ленты. «Чисто английские убийства» — на иностранные ленты в «Эвримене». И при этом, всего три дня назад, когда они с Кристианом были в клубе и тот вышел покурить, Мелвин вдруг бросился заниматься сексом с незнакомцем в туалетной кабинке. Причем без презерватива. Позже, все еще чувствуя на коже цветочный аромат мужского лосьона после бритья, он терзался виной и спрашивал себя: ну зачем? Затем, что незнакомец предложил себя, а Мелвину нужно было почувствовать огонь страсти и биение сердца? Или он просто не смог сказать «нет»? И это был не единственный случай. Все чаще и чаще он предавал Кристиана.

— Знаешь, я точно видел, как Тристан только что сбежал из кампуса, — говорит Мелвин, стремясь перевести разговор с себя и со своего «долго и счастливо».

— Сбежал? Нет, он просто провожает друга и наверняка вернется через минуту. Мы хотели

пойти поужинать. — Вивьен хмурится и косится в сторону стеклянных дверей.

— Странно, — вздыхает Мелвин.

Отвлекшись, Вивьен достает телефон из сумки и начинает набирать сообщение. Мелвин допивает напиток и уже собирается откланяться, но его вынуждают обернуться чьи-то крики из бара.

— Мама, нет! — кричит девушка, а женщина рядом лихорадочно пытается ее утихомирить.

Вивьен отрывается от телефона, оглядывается и встречается взглядом с Мелвином. Там жена и дочь доктора Гордона! Заплаканное лицо матери раскраснелось, голова трясется, руки дрожат.

— Луиза, прошу. Ты не можешь так говорить об отце! — рыдает она тихим, но отчаянным голосом.

— Но это правда! Он был эгоистичным занудой, лицемером, он позорил нас, в конце концов! Теперь его нет — и хорошо, — кипит она.

Гневный голос разносится по бару, и все разговоры затихают — слышно каждое слово.

— Это несправедливо, Луиза! Он был твоим отцом, и он любил тебя. Он просто сбился с пути, к тому же имел проблемы со здоровьем…

— Это он виноват, что я так отношусь к своему телу! Без конца твердил о вреде калорий и

целлюлите! А стоило ему съехать, как он вообще слетел с катушек. Будто получил официальное разрешение стать полным идиотом!

— Луиза, я правда думаю, что нам лучше поговорить об этом дома, — слабо бормочет Элизабет.

— Не волнуйся, я все равно уже ухожу, — говорит Луиза.

Она спрыгивает с барного стула и уходит от матери, не оглядываясь. Около десяти человек, собравшихся у бара, смотрят, как Луиза проталкивается сквозь стеклянные двери и идет в том же направлении, куда сбежал Тристан. Стройная фигура Элизабет горбится еще сильнее, ее плечи вздрагивают в такт безмолвным рыданиям.

— О дорогая моя, не берите это в голову. — Мелвин подходит к ней и касается ее худого плеча. — У девочки только что умер отец, и ей больно. Уверен, она одумается!

— Спасибо вам, — шмыгает носом Элизабет, поднимая голову; по щекам бегут черные от туши дорожки слез. — Но нет, я не думаю. Они никогда не ладили. Луиза винит отца в том, что не принимает свое тело. Гордон считал своим священным долгом поучать нас, и дома не всегда была тишь да гладь…

— Да, он был тем еще проповедником, — бор-

мочет Вивьен, и Мелвин бросает на нее хмурый взгляд.

— Но он боролся с собственными демонами! — говорит Элизабет, инстинктивно защищая мужа. — У него было расстройство пищевого поведения, понимаете? Булимия. Именно из-за нее мы расстались. Он отказывался от помощи. Будто бы даже считал, что все в норме.

— Никто не идеален, — мягко говорит Мелвин, заметив три пустых бокала перед этой исхудавшей женщиной.

— Миссис Макмиллан, — окликает уверенный голос, и они видят профессора Гудакра, летящего к ним как на крыльях. — Позвольте мне проводить вас в университетский бар. Перекусим?

Мужчина кивает Мелвину и Вивьен, а затем уводит Элизабет, которая промокает лицо салфеткой и смотрит на профессора так, будто тот только что спас ей жизнь. Возможно, так и есть, размышляет Мелвин, глядя, как они уходят. Идут с идеальной синхронностью, точно в гонке на трех ногах[13].

— Доктор Гордон страдал булимией? — шепчет

---

[13] Примечания: 13

Гонка на трех ногах (бег парами) — соревнование по бегу, в котором участвуют пары: левая нога одного бегуна привязана к правой ноге другого.

Вивьен.

— Помнишь, как он схватился за фуа-гра в «Серендипити»? — спрашивает Мелвин, вспоминая, что доктор не поделился с Джанет своей порцией.

— Ты прав. А заодно это объясняет, как он съел целый пирог за один присест.

Мелвин вздыхает. Ему надоели теории Вивьен, ее настойчивые просьбы и обвинения, ее отчаянное желание узнать правду. Он так устал от всего этого.

— Я, наверное, пойду. И так опаздываю на встречу с Кристианом, — говорит Мелвин, прежде чем допить красное вино, встать и театрально поклониться Вивьен.

— Эх, быть бы и мне молодой и влюбленной, — смеется Вивьен, соскальзывая с табурета; на ее лице мимолетно мелькает гримаса боли. — Думаю, я останусь и посмотрю, не появится ли Тристан. Только пообещай подумать над моими словами. Нас осталось всего трое, и мы должны заботиться друг о друге.

Мелвин кивает и уходит от Вивьен. Ее слова о молодости и любви эхом отдаются в его голове. Он лезет в карман и достает мобильный, чтобы проверить, когда идет следующий поезд в город.

Затем выключает телефон. Интересно, что принесет ему сегодняшний день?

Мост
Ноябрь 2018 года
Восемнадцать месяцев спустя

Вивьен

Вивьен слышится звон колоколов из далекого далека. Воскресное утро, она идет в церковь. Мать сжимает ее руку, идет слишком быстро. Она злится, что Вивьен слишком долго застегивала крошечные золотые пряжки на своих «воскресных туфлях». Под нетерпеливым взглядом матери пухлые пальчики стали еще более неуклюжими. Вивьен пытается не отставать от мамы и одновременно не наступать в лужи…

Она моргает, оглядывается. Нет, она больше не ребенок и не бежит рядом с матерью в церковь. Колокола звучат рядом — они доносятся из церкви, у которой она сидит. Вивьен вдруг становится холодно, она дрожит. Смотрит на часы. Половина шестого утра. Где она? Как она сюда попала? Похлопав себя по рукам, животу и бедрам, она не находит никаких травм. Сумка все еще висит на плече — уже облегчение. Порывшись в ней в поисках подсказок, нащупывает мобильный. Пальцы онемели. Вивьен снимает экран с блокировки, открывает сообщения. Последнее пришло в 23:02 прошлым вечером, от подруги, с которой они вместе ужинали ровно в восемь.

> Спасибо за прекрасный вечер, Вивьен, возвращайся домой целой и невредимой! Обнимаю.

Она снова роется в сумке. Расческа, помада, старый кошелек, салфетки. Скомканный листок бумаги. Это чек из бара «Юнит», пробит в 02:32. Чек на 12,62 фунта стерлингов. Дороговато за один коктейль. С кем она была? Других подсказок в сумке нет.

Убедившись, что ноги ее выдержат, Вивьен бредет к табличке на церковном дворе. С каждым

шагом ноги словно тяжелеют. Надпись гласит: «Церковь Успения Пресвятой Богородицы и Святого Григория». Знакомая церковь. Она недалеко от Риджент-стрит. Ее бывшая редакция в двух шагах отсюда. Раньше Вивьен иногда приходила сюда, прогуливалась вдоль трассы, любовалась зданием. Она неуверенным шагом направляется к ближайшей станции метро.

* * *

Взяв ноутбук на колени, Вивьен вводит в строку поиска «состояние фуги». Делает глубокий вдох и представляет, как внутри ее старой рабочей машины крутятся и жужжат шестеренки, собирая нужную информацию. Тристан однажды пытался объяснить, как работают поисковые системы, но она потеряда нить, когда он перешел на термины вроде «унифицированный локатор ресурсов». Наконец на экране вспыхивают определения. Вивьен переходит по одной из ссылок: «Редкое явление, характеризующееся временной амнезией в сочетании с неконтролируемыми перемещениями». Вивьен нажимает на заголовок «Причины». «Может быть вызвано физической травмой, заболеванием или деменцией». Затем она ищет способы лечения состояний фуги. «В

рамках терапии человеку необходимо заново пережить травму, вызвавшую это состояние», и это все, что она находит.

Вздыхающая Вивьен откладывает ноутбук в сторону. Ее беспокоят не только состояния фуги. Стреляющие боли в спине и бедрах заметно усилились в последние месяцы и уже не давали ей спать по ночам. Неужели конец? Неужели ее время пришло? Ее час недалек? А она так и не приблизилась к разгадке.

После памятной лекции в память Гордона и разговора с Мелвином Вивьен зашла в тупик. Несмотря на все ее мольбы о помощи, Мелвин последние полтора года, говоря молодежным языком, «сливался с общения». Возможно, она оскорбила его своими подозрениями, хотя в тот самый момент он, как всегда, казался невозмутимым. Вивьен снова и снова перечитывала свои записи, даже возвращалась на Сальвейшн-роуд, снова стучалась в двери «Серендипити», но на этот раз никто ей не открыл. Тристан тоже ничего не нашел ни о каком мистере Брукбэнксе или Брукхэме… Затем, спустя месяцы без плохих новостей, она наконец-то выбросила из головы мысль о пропавшем конверте и принялась искать счастья в настоящем моменте, наслаждаясь

отведенным ей временем.

— Вави, смотри! — кричит Чарли, запрыгнув рядом на диван и протягивая ей сложное на вид транспортное средство с крыльями, большими колесами и бивнями, собранное им из лего.

— Ого, это просто нечто! — говорит она, и Чарли радостно улыбается ей.

Вивьен слышит скрип ключей во входной двери и тут же закрывает ноутбук.

— Мамочка! — вскакивая, восклицает Чарли.

К счастью, когда Вивьен прокралась в дом этим утром, Кэт и Чарли еще спали. За завтраком Кэт попросила присмотреть за Чарли, пока та съездит по делам. Вивьен все еще была измотана после ночного приключения, но никогда не отказалась бы от утра с Чарли и его любимым конструктором.

— Привет! — кричит Кэт поверх кучи коробок, шатающихся у нее на руках и возвышающихся над головой.

— Давай я помогу. — Вивьен откладывает в сторону ноутбук и встает так быстро, как только может, чтобы взять у Кэт две пустые коробки и поставить их на пол в гостиной.

— Спасибо! — Кэт без раздумий швыряет остальные коробки на ковер и мчится прямиком

в туалет на первом этаже.

Через несколько минут она возвращается с раскрасневшимися щеками и облегчением на лице.

— Ребенок все еще танцует чечетку на мочевом пузыре? — улыбается Вивьен. — В твоем положении правда не стоит таскать тяжести.

— О, всего лишь пара пустых коробок! Мне нужно успеть все распаковать на новом месте, иначе ребенка из роддома придется везти сюда.

— Я же говорила, что не стану возражать, — отвечает Вивьен.

Она идет на кухню ставить чайник, а Кэт усаживается в кресле по-турецки, колени приподнимаются, и живот словно оказывается в гнезде.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда она будет просыпаться каждый час и кричать на весь дом, — замечает Кэт. — Что ты там строишь, Чарли?

Вивьен ждет, пока закипит чайник, и вполуха слушает разговор Кэт и Чарли. Не пора ли ей признаться в своих проблемах со здоровьем? Она уже рассказала Кэт о «Серендипити», о числах и смертных грехах. Видит бог, Кэт много раз обыскивала с ней дом в поисках пропавшего конверта. Кэт окончательно отринула идею найти для Вивьен нового мужчину («Ты слишком при-

вередлива, вот в чем твоя беда!»), чему Вивьен несказанно рада. С тех пор как Кэт встретила Зигги, выступавшего у станции метро рядом с ее работой, она стала заложницей собственного счастья. Такого поворота она уж точно не ожидала, когда каждую пятницу бросала фунт в открытый гитарный футляр перед мужчиной с всклокоченными волосами и большими карими глазами — он напоминал дружелюбного шоколадного лабрадора. Однажды Кэт немного задержалась на работе, а он как раз собирал вещи, когда она проходила мимо. «Сыграть для вас что-нибудь особенное? — спросил он. — На этот раз бесплатно!»

— Я подумала: «Какая слащавая фраза!», поэтому решила бросить ему вызов и попросила «К Элизе» Бетховена. А он, представляешь, не сбился с ритма и исполнил все идеально! Играл добрых десять минут. К концу мои щеки, должно быть, пылали; я была под таким впечатлением, — сказала Кэт Вивьен тем вечером.

Музыкант уговорил ее выпить с ним на следующий день, а три месяца спустя она забеременела.

— Знаю, я клялась, что не буду торопиться, но… — покраснев, сказала она Вивьен, которая смогла лишь улыбнуться и крепко обнять Кэт.

Вивьен сомневалась — как и любая приемная мать, — но когда она встретила Зигги и взглянула на то, как легко они общаются — тот трусил за Кэт, словно преданный щенок, — она поняла, что Кэт все-таки исполнила свою мечту. Нашла того, кто искал именно ее.

Переводя взгляд с открытой кухонной двери на Кэт в старом кресле, к груди которой прижимался ухом Чарли, Вивьен улыбается про себя. Беременность протекала своим чередом, Кэт сходила с ума от того, как быстро это дало о себе знать и как скоро ей пришлось отказаться от старых узких джинсов и перелезть в «родильные палатки» (по ее словам). Но сама Вивьен наслаждалась, наблюдая, как меняется тело Кэт; улыбалась до боли в щеках, когда клала ладонь на ее живот в ожидании, когда ребенок шевельнется. Эта чудесная искорка жизни, надежно убаюканная в теле матери, не имела ни малейшего представления о той любви, которая ее ждет. Вивьен, словно гордая бабушка, летала по магазинам, скупала маленькие комбинезоны и непрактичные деревянные игрушки, отмахиваясь от жалоб Кэт из-за «самого избалованного из еще нерожденных детей в мире».

Однажды вечером, пока Кэт с восторгом рас-

сматривала плюшевого осьминога из шикарного сувенирного магазинчика в Ричмонде, история Вивьен вдруг вырвалась наружу. Она не планировала рассказывать Кэт, даже не думала о нем в тот момент, но просто открыла рот — и…

— Мне было восемнадцать. Я забеременела от Джеймса. Я не понимала, что происходит, пока не подошел примерно шестой месяц. В ужасе мама отвезла меня в больницу для незамужних матерей…

— О Вивьен! — выдохнула Кэт, прижимая осьминога к животу. — И что же случилось?

— Роды начались раньше срока. Родился мальчик, но он не выжил, — сказала Вивьен, вспоминая, как ей удалось в первый и последний раз обнять сына, прежде чем мать сообщила ужасную новость и все погрузилось в темноту.

Слезы текли по щекам, ведь в этот раз Вивьен не стала сдерживаться.

— Бедная, — заплакала в ответ Кэт. — Пройти через такое, когда сама еще совсем ребенок…

Было приятно выпустить эти слова в мир, дать волю печали, которую она копила столько лет. После этого они пили горячий шоколад и смотрели «Уж кто бы говорил» на «Нетфликсе», и Кэт просто выла, когда Джон Траволта и Кёрсти Элли

отмечали достижения сына песенкой «Майки сходил в туалет!».

В ту ночь, лежа в постели, Вивьен представляла, как держит на руках малыша Кэт. Представляла то первое сжатие крошечных пальчиков, первую улыбку, первое слово. Ей хотелось увидеть столько всего. Она скрестила пальцы: «Пожалуйста, пусть мое число не наступит раньше, чем я дождусь этой малышки…» Молча Вивьен дала себе обещание, что после рождения ребенка запишется к врачу по поводу своих болей, даже расскажет терапевту о фуге, а потом, если у нее не найдут ничего серьезного, она, конечно же, расскажет обо всем Кэт. Но до тех пор она не видела причин омрачать счастье Кэт — или собственное. Врач, несомненно, сочтет ее симптомы обычными старческими болями. Вивьен задремала, но так и не избавилась от нарастающего страха, что ее число уже близко.

Появление Зигги в жизни Кэт означало неизбежную потерю для Вивьен. На шестом месяце беременности Кэт мягко сообщила ей, что они с Чарли переезжают к нему в Блэкхит (оказалось, у Зигги очень успешный логистический бизнес, а уличные выступления всего лишь хобби, весь доход от которого идет на благотворительность).

Несколько недель Кэт постепенно вывозила вещи из коттеджа Вивьен. Красочные коробки с игрушками Чарли и бесконечные запасы обуви, косметика и различные аксессуары с анималистичным принтом Кэт были собраны по всему дому Вивьен и выставлены за дверь. Сегодня последние вещи Кэт и Чарли лягут в коробки, и они попрощаются. Не навсегда, конечно. Они уже договорились сводить Чарли в кино на следующих выходных и запланировали поездку в оздоровительный спа-центр через месяц. Но все-таки… Вивьен никогда больше не проснется от того, как Чарли забирается к ней в постель, прижимается к ней спиной и рассказывает свои сны о волках, темных лесах и Свинке Пеппе. Или от запаха кофе из ее кружки, которую проворная Кэт вечно ставит на тумбочку, несмотря на заверения Вивьен, что ей не так уж и хочется пить. Она больше не проснется в два часа ночи на диване, лицом к лицу с Кэт, после того как они задремали, выпив «точно последнюю». Но отказать Кэт в неожиданном, заработанном таким трудом счастье, что вдруг постучалось в ее дверь? Никогда. И потом, Вивьен больше не та одинокая леди, какой была до их переезда к ней, и не собирается возвращаться к тем временам.

Теперь у нее есть семья, пусть и на другом конце Лондона. И у нее есть Тристан.

Разливая молоко по кружкам, Вивьен чувствует укол печали прямо в сердце при мысли о ее друге. После побега с лекции, посвященной Гордону, Тристан неделю не отвечал на телефон. Наконец ей удалось вернуть его к жизни, и он рассказал о трудностях на работе и о полосе профессиональных неудач. Начальство отказывалось платить ему, а стартап, куда он вложил все, был продан вопреки его желанию. Затем она вывела его на разговор о студенчестве, — и тут его глаза засияли, ведь он вспомнил какую-то программу, которую разрабатывал в то время. Программа носила замысловатое название «Моралия», и она помогала работодателям вести профили сотрудников. Вивьен убедила его вернуться к разработке. А потом «Моралией» заинтересовалась одна из компаний Кремниевой долины, что они с Тристаном скромно отпраздновали за коктейлями с шампанским в Ковент-Гардене. Но в последние несколько месяцев он снова редко выходил на связь. Например, на прошлой неделе проигнорировал обед в честь дня рождения Вивьен. Кэт была в ярости. Вивьен — в панике.

— Знаешь, я волнуюсь за Тристана, — говорит

она, осторожно передавая Кэт чай. — Этот его софт делал его по-настоящему счастливым. Когда компания из Кремниевой долины в конце концов отказалась от контракта, он вроде бы воспринял это спокойно, а теперь снова замолчал. Я не вижу его неделями. И он не ответил ни на три последних звонка, ни на бесчисленные электронные письма.

— Наверное, он просто зализывает раны, — пожимает плечами Кэт. — Ты же знаешь, какой он, когда не в духе.

Вивьен медленно опускается обратно на диван и размышляет о том, что Кэт никогда по-настоящему не нравился Тристан. Его тихую задумчивость она воспринимала как капризность, а его на редкость смелую прямоту — как «чертовски хамскую манеру». Она просто его не понимает, а Вивьен больше и не пытается их сдружить. В ее представлении они стали ее вечно ссорящимися детьми.

— Ну, я все равно не сдамся. Без советов Тристана у меня не было бы ни тебя, ни Чарли, ни моего сайта! Мы должны отпраздновать его сорокалетие, — настаивает Вивьен, и голос ее звучит увереннее, чем ей самой казалось.

— Тристану повезло с тобой, как и всем нам. —

Кэт улыбается, и Вивьен вдруг чувствует, как на глаза наворачиваются слезы.

— Так ты все еще ждешь ответа от кейтеринговой компании? — спрашивает она.

Ах да, Кэт же помолвлена. Через полгода после рождения ребенка они с Зигги свяжут себя узами брака в Ричмонд-парке. Кэт открывает рот, чтобы ответить, но неожиданно звонит мобильный Вивьен.

— Кто бы это мог быть? — вопрошает Вивьен, заметив на экране неизвестный номер.

— Вивьен?

— Да, слушаю.

Голос незнакомый.

— Мне очень жаль звонить по такому поводу! Это Мэри, жена Мелвина… Бывшая. Я нашла вашу визитку и вспомнила, что Мелвин часто говорил о вас. Не знаю, кому еще позвонить…

— Мэри, здравствуйте! Так приятно вас слышать. Мелвин тоже много рассказывал о вас.

— Мелвин… — начинает та, но останавливается и вздыхает: — Он в больнице. Говорят, он принял какие-то лекарства, во что я с трудом верю. Он подключен к аппарату искусственного дыхания.

Ноги Вивьен подкашиваются, и она падает на диван. Знакомые пальцы смерти снова сжимают

ее нутро. Вот и число Мелвина настало. Как она и предполагала.

— О Мэри! Сочувствую, — наконец выдавливает она из себя, пока Кэт наблюдает за ней с чашкой, застывшей на полпути ко рту.

— Мелвин? — беззвучно произносит она, и Вивьен кивает.

— Вчера ему исполнилось шестьдесят один, и я привезла ему подарок, — объясняет Мэри. — Он был так воодушевлен… Собирался отпраздновать с Кристианом и всей компанией. — Вивьен слышит, как она выплевывает это имя, словно оно имеет привкус гнили.

— В какой вы больнице? — спрашивает Вивьен.

— В больнице Святого Георгия, — отвечает Мэри. — Но вам не нужно…

— Буду через тридцать минут. — Вивьен вешает трубку.

* * *

Спустя двадцать восемь минут Вивьен проходит сквозь вращающиеся двери больницы Святого Георгия. Она спешно распрощалась с Кэт и Чарли (и это было совсем не то душераздирающее и затянутое прощание, которое она себе

представляла), понимая, что ей срочно нужно быть в больнице.

— Ты с ней даже не знакома, — пробормотала Кэт, но Вивьен лишь покачала головой, словно утка, стряхивающая с перьев капли дождя. Она не была знакома с Мэри, но знала ее.

— Увидимся на выходных. Передай привет Зигги! — крикнула она, быстро направляясь к вокзалу.

Кэт предложила вызвать такси, но Вивьен знала, что поезд метро — самый быстрый и удобный транспорт в субботу вечером. Ей нужно было быть на месте как можно скорее. Прежде чем спуститься в метро, она набрала сообщение Тристану:

> Мэри звонила. Мелвин в больнице Святого Георгия. Еду туда.

Поднявшись по эскалатору на «Тутинг-Бродвей», Вивьен достала телефон из сумки, чтобы проверить, ответил ли он. Телефон обнаружил сеть. Ответа не было. Вивьен не удивилась: с тех пор как она рассказала Тристану о романе Мелвина с Кристианом и о реакции Мэри, он сильно охладел к Мелвину, особенно когда она упоминала о нем, бормоча что-то вроде «ложь ведет к

всеобщему упадку».

Вивьен заходит в вестибюль больницы и останавливается перед большим указателем с перечнем отделений. Рядом она замечает миниатюрную женщину со стрижкой пикси и самыми тонкими запястьями, которые она когда-либо видела. Розовые балетки открывают узкие щиколотки. «Какая изящная», — сказала бы ее мать, или, скорее, выразилась бы по-французски: gracieuse. И как Вивьен еще помнит все эти французские словечки спустя столько лет после смерти матери? А вообще, с возрастом она все чаще думает о маме. Даже тоскует по ней.

— Мэри, — произносит Вивьен, и женщина оборачивается к ней.

Вивьен, сама низенькая, не привыкла смотреть на кого-то свысока, разве что на Чарли. Мэри же на фоне мужа ростом шесть футов пять дюймов, должно быть, выглядела крошечной. И все же в ее взгляде таится сила.

— Вам не обязательно было сюда приезжать, но спасибо, — говорит Мэри. — После расставания у нас больше нет общих друзей, а у моих друзей и семьи, боюсь, теперь нет времени на Мелвина.

— Давайте выпьем чаю? — предлагает Вивьен.

Через несколько минут обе женщины сидят

друг напротив друга в больничном кафе, помешивая сахар в чашках.

— Что случилось? — спрашивает Вивьен.

— Я знаю немногое. Кристиан почти ничего не рассказал, что неудивительно. Они были в ночном клубе в Челси, потом поехали к нему домой. Там он вскоре обнаружил Мелвина на полу и вызвал «скорую». Бог знает, сколько он там пролежал. Кристиан признал, что они принимали экстази, но клянется, что не представляет, откуда таблетки.

— Наверное, из какой-то сомнительной партии, — говорит Вивьен. — Врачи нашли в них пара-метоксиамфетамин?

Мэри странно на нее смотрит и подтверждает:

— Да, врач сказала что-то такое.

— Иногда ПМА продают под видом экстази, но оно гораздо опаснее. В последнее время в новостях говорили о нескольких случаях смерти из-за ПМА… — Вивьен вдруг понимает, что бормочет себе под нос. — С ним все будет в порядке? — спрашивает она, опасаясь, что уже знает ответ.

— Не думаю. Говорят, его организм не реагирует. Если в ближайшие дни ничего не изменится, наверное, предложат отключить его от аппарата.

Вивьен смотрит на бледное лицо Мэри, и ее

осеняет: раз она все еще замужем за Мелвином, именно она должна подписать документы и согласиться позволить мужу умереть. Эта женщина, которая победила рак, приняла измену мужа и нашла в себе силы сохранить с ним дружбу и поддерживать его, несмотря ни на что… И вдруг Вивьен приходит в ярость. В ярости на этого Кристиана за то, что он дал Мелвину смертоносный препарат; в ярости на самого Мелвина за его безразличное отношение к своему числу; в ярости на того, кто — или что — вообще привел их в «Серендипити» и вынес каждому из них смертный приговор.

— Мне так жаль, — только и приходит на ум Вивьен, и это звучит фальшиво.

— Простите, что вытащила вас сюда. — Мэри смотрит прямо в глаза Вивьен. — Но я подумала, что вы сумеете ответить на мой вопрос.

Вивьен не отрывает взгляда от Мэри, стараясь дышать ровно, чтобы ничего не выдать. Но поскольку Мелвин вряд ли выживет, Мэри, безусловно, заслуживает честного ответа — особенно после всего, что она пережила.

— Что-то такое случилось около трех лет назад, что изменило его, — говорит она. — Он пошел на корпоративный ужин, а вернулся другим. Я

не могла понять, в чем дело. Сначала перемены почти не ощущались, потом стали очевидны, и в конце концов все развалилось. Внезапно в его жизни — в нашей жизни — появился Кристиан, и Мелвин наконец признался, что он гей. Но даже расставшись со мной и зажив с Кристианом, он, по-моему, все еще не знал, куда себя деть. Хотя я и представить не могла, что Мелвин когда-нибудь даже прикоснется к наркотикам. В его-то возрасте и после стольких лет работы в полиции!

Значит, Мелвин не рассказал Мэри о числах. Насколько честной должна быть с ней Вивьен? Она только что познакомилась с Мэри и не знает, как та отреагирует и поверит ли вообще. Но она права: после званого ужина Вивьен наблюдала, как Мелвин постепенно теряет контроль над своей жизнью. Предательство по отношению к жене, роман с Кристианом, ночные загулы. Каждую встречу с ним Вивьен видела, как его уносит все дальше в море, навстречу бушующим волнам. В последний раз, когда они разговаривали, а было это на лекции в память о Гордоне, Мелвин рассказал ей про свое «долго и счастливо» — и все-таки казался неуверенным. Он пытался делать вид, что число не тревожит его, но Вивьен подозревала, что все было ровно наоборот. Она

пыталась предупредить Мелвина, чтобы он успел все исправить, но этого оказалось недостаточно. Он продолжал убегать от своего числа. И прибежал прямо в капкан.

Глубоко вздохнув, Вивьен рассказывает Мэри о числах, грехах и смертях.

— Теперь из тех, кто был на званом ужине, в живых остались только трое, — заканчивает она, поднимает чашку и делает глоток внезапно пересохшим ртом.

Мэри обхватывает свою чашку обеими руками, которые сильно дрожат.

— Значит, число Мелвина — шестьдесят один? — спрашивает она.

— Знаю, это звучит так неправдоподобно… — кивает Вивьен, но обрывает саму себя.

Мэри молча пьет чай и смотрит в окно на оживленную парковку. В субботний вечер она забита машинами пациентов, врачей и посетителей.

— Если бы я не знала наверняка, что это Кристиан виноват в случившемся с Мелвином, я бы искала убийцу среди гостей, — задумчиво говорит Мэри. — Ресторан, что вы описали, он словно со страниц романа Агаты Кристи, который я читала во время химиотерапии.

— Да, здесь все как в моей любимой книге «Де-

сять негритят». У меня мелькала та же мысль.

— Не возражаете, если я спрошу, какое число у вас?

— Ох, я не знаю. Потеряла конверт вскоре после званого ужина, — бормочет Вивьен отчего-то очень нервным тоном.

Мэри вскидывает брови и дует на чай:

— Это… странно.

— Мне не кажется… — начинает Вивьен, толком не понимая, что именно ей не кажется.

Тут звонит мобильный Мэри. Она берет трубку. Ее лицо бледнеет. Ну вот и все.

— Мне нужно идти. — Она резко встает.

— Да, понимаю. Позвоните, если нужно будет еще поговорить, — предлагает Вивьен, но Мэри уже не слышит: ее крошечные, изящные ножки почти беззвучно спешат по коридору к умирающему мужу.

Вивьен знает, к чему все идет. Она выдыхает и продолжает пить чай, обдумывая слова Мэри: убийца среди гостей… Вивьен вспоминает свои расследования, ложные следы, тупики. Перчатку, найденную на крыше офиса Мэттью — и Джанет, красящую губы в тот момент, когда Вивьен обвинила ее в убийстве. Затем — озарение: она нашла связь с семью смертными грехами. Вот ее список

дьяволов, вот возвращение на Сальвейшн-роуд с Тристаном, вот пекарня «Счастливый день». Прощальные слова Гордона: «Нам нужно у них поучиться». Теория Тристана о самоисполняющемся пророчестве. Отказ Мелвина помочь и его смех, когда она обвинила его.

И тут звонит ее телефон.

— Ну привет, потеряшка, — говорит она. — Где пропадал?

— Извини, просто был занят по работе, — отвечает Тристан. — Как Мелвин?

— Плохо. Я говорила с Мэри. Он принял какую-то сомнительную таблетку на свидании с Кристианом. Сейчас он на аппарате жизнеобеспечения и организм уже не реагирует.

Она слышит выдох Тристана:

— Бедная Мэри.

— «И вдвоем остались»[14], — говорит Вивьен.

* * *

Вивьен разбирает большую черную сумку, прежде чем пойти с ней в полицейский участок на панихиду по Мелвину. На ее кровать падает черный листок бумаги, и она ахает. На секунду

---

[14] Примечания: 14

Строчка из считалки «Десять негритят». Перевод Л. Г. Беспаловой.

ей кажется, что она наконец нашла свой пропавший конверт. Но затем она видит имя Мелвина на лицевой стороне и вспоминает, как взяла его пустой конверт после лекции в память о Гордоне. Еще тогда она приметила маленький символ на обороте, в уголке. Теперь, наконец, она надевает очки для чтения и внимательно смотрит: символ слегка тисненый и, кажется, представляет собой буквы «ЕМБ» с декоративными завитками. Она берет ноутбук и гуглит эти буквы, но результатов тысячи — от страховых компаний до организации европейских молочников. Поэтому она добавляет в поиск «печать» и «Лондон». Это здорово сужает список. Один из адресов в центре Лондона привлекает ее внимание. Она заходит на сайт — и кровь стынет у нее в жилах.

Двадцать минут спустя Вивьен встает на эскалатор метро и попадает на слишком знакомую улицу. Ее обгоняет девушка, которая явно куда-то спешит, задевая объемной сумкой бок ахнувшей Вивьен. Раньше это Вивьен была из тех, кто спешит и вполголоса ругается на слишком медлительных прохожих. «Когда я успела стать одной из этих черепах?»

Она останавливается у входа в типографию и переводит дыхание, прежде чем войти.

— Вивьен! Так приятно тебя видеть! — приветствуют ее внутри.

* * *

«Да где же он?» Вивьен озирается и снова смотрит на часы. Опаздывать не в его стиле. Обычно он вообще приходит минут на шесть раньше, и его ужасно раздражают чужие опоздания. «С каких это пор весь мир начал опаздывать на десять минут?» — говорил он, после чего пускался в обсуждение их друзей и коллег, которые регулярно появлялись на десять-пятнадцать минут позже — без извинений, без объяснений. Больше семи минут заслуживали извинений. Больше десяти — объяснений. А всякие там «и куда время так спешит», по мнению Вивьен, было крайне нелепой отговоркой, ведь время — одна из немногих констант в их жизни. Каждая минута и каждый час всегда одинаковой длины; слава богу, что время прочно привязано к самому себе. Тристан всегда полностью разделяет мысли Вивьен по этому поводу… Так почему же он теперь сам опаздывает на шесть минут? Он обещал приехать и поддержать Вивьен и Мэри. Недавно Вивьен прочла медицинскую статью о связи панических атак с суицидальными намерениями, и теперь

она беспокоится о Тристане всякий раз, когда он не отвечает.

— Тристан скоро приедет, — говорит она Мэри уже в третий раз.

Мэри кивает и продолжает наблюдать за полицейскими, ходящими по рабочему клубу. Каждые несколько минут кто-то выражает соболезнования. Эти мужчины (здесь в основном мужчины) — настоящие профессионалы в общении с убитыми горем. От них не услышишь привычного «Сожалею о вашей утрате». О нет, их слова взвешены, проникновенны — можно сказать, искренни. «Он был фантастическим полицейским, одним из лучших»; «Он научил меня всему, что я знаю»; и, что несколько неожиданно: «Клянусь, я чувствовал его присутствие сегодня утром, когда брился». И все же Вивьен видит, что они держатся отстраненно. В воздухе повисла некая недосказанность. Возможно, дело в неожиданной смерти Мелвина, а может, в чем-то другом. Интересно, Мэри тоже это чувствует?

— Знаете, мои друзья всегда завидовали нашему браку, — вдруг говорит она, опуская взгляд на свои идеально розовые ногти.

— Правда? — произносит Вивьен.

Вивьен уверена, что брак сродни некой загад-

ке, каждый разгадывает ее для себя сам. У нее есть подруги, которые вышли замуж за самых неподходящих мужчин, и их браки постоянно трещали по швам, но все равно не распадались. Однажды Вивьен по глупости сказала подруге, Селии, — та как раз разглагольствовала о своем мерзком муже Гарри, — такую фразу: «Может, пора обратиться к адвокату по разводам?» Селия была так напугана, так оскорблена, что Вивьен провела остаток обеда, извиняясь, а на следующий день послала ей букет из «Интерфлоры». Даже сейчас, годы спустя, она не уверена, что Селия до конца простила ее. Хотя, возможно, это нормально только для ее поколения. Вот Кэт постоянно рассказывает про своих друзей, которые разводятся всего через пару лет после того, как она танцевала на их свадьбе.

— Они говорили: «Мелвин так предан тебе». Он всегда держал меня за руку, всегда помнил все дни рождения и годовщины; он содержал сад в идеальном порядке, был потрясающим поваром, не пил и не устраивал беспорядок, как некоторые мужья.

— Он любил тебя, Мэри.

— Да, пожалуй, по-своему, — кивает она, а затем шепчет: — Я думала о том, что ты говорила

о грехах, о лени Мелвина. Наверное, порой он и правда смотрел на жизнь сквозь пальцы. Помню, как-то раз он вернулся с ночного патруля. Он помешал каким-то хулиганам избить человека. Сам отвез беднягу в больницу, чтобы подлатать рану, и пообещал составить рапорт в участке. А когда неделю спустя я вспомнила тот случай, он лишь пожал плечами: забыл про рапорт. Сказал, что тем парням все равно не предъявили бы обвинений.

Вивьен вслушивается в слова Мэри и смотрит в окно на лондонцев, торопливо шагающих по Бишопсгейт. Она еще помнит свой последний разговор с Мелвином. О том, как они с Кристианом съехались, раз их тайна была так эффектно раскрыта, и Вивьен поздравила его со «счастливой жизнью», впечатленная тем, что он больше не живет во лжи. Но теперь она видит, что он просто снова плыл по течению. На этот раз — в объятия Кристиана. В объятия, из которых его в любой момент могло унести еще куда-то.

Тут она видит Тристана, который переходит дорогу и медленно идет к клубу. Голова его опущена, лоб хмурится, правая рука сжимает кожаную сумку на груди, будто защищая сердце. Вивьен дрожит: тяжело видеть друга таким печальным.

— А вот и Тристан, — говорит Вивьен, когда он толкает дверь и идет к их маленькому столику.

Он быстро целует Вивьен в щеку, а затем садится на корточки рядом с Мэри, берет ее за руку и говорит шепотом, так, чтобы Вивьен не слышала.

Вскоре Тристан занимает табурет рядом с ней, а Мэри — она сияет, кивает, слезы катятся по ее лицу… «Жаль, что Кэт не видит Тристана в такие моменты, — думает Вивьен, — когда он точно знает, что сказать и что хочет слышать другой человек». Он настаивает на заказе еще пары бокалов и направляется к бару как раз в тот момент, когда к их столику подходит другой полицейский. Он кажется знакомым.

— Мэри, я так рад, что ты пришла!

Он высокий и стройный, с острыми скулами на фоне безупречной кожи, а его сложение, как у марафонца. Ни грамма жира. Он объективно красив, но сама Вивьен предпочитает мужчин покрупнее, ей претит мысль о том, что она будет чувствовать себя клячей в сравнении со второй половинкой.

— О, и тебе привет, Кристиан! — огрызается Мэри.

Тут Вивьен вспоминает, где видела его раньше

— на фотографиях с отдыха, которые Мелвин с гордостью показывал ей полтора года назад.

Температура за столиком внезапно падает градусов на десять. Мэри берет пустой бокал и делает вид, что пьет.

— Я знаю, что мы никогда уже не будем друзьями после всего, что случилось. Но я хочу, чтобы ты знала, что я тоже убит горем. Как я уже говорил коллегам, я понятия не имею, откуда взялась та таблетка, но я беру на себя полную ответственность за… за смерть Мелвина. — Кристиан произносит это, глядя в стол, и наконец с глубоким вздохом поднимает глаза на Мэри.

В его глазах тревога; это единственное слово, которое приходит на ум Вивьен, чтобы описать увиденное. Он говорит правду, его сердце разбито, и, что еще хуже, он считает, что сам во всем виноват. У Вивьен сжимается сердце.

— Спасибо, Кристиан. Уверена, Мелвин был бы тронут, услышав это, — бросает Мэри в ответ.

Ее голос тихий, но Вивьен уверена, что каждое слово — словно пуля в бок Кристиана. Раненный ею, мужчина отшатывается и чуть не сбивает с ног Тристана, который несет им напитки.

— Мэри… — Вивьен протягивает ей руку.

Тристан быстро садится и, приподняв брови,

смотрит на Вивьен.

— Какой же он наглый, — бормочет Мэри сквозь зубы. — Он притворялся моим другом, хотя все это время спал с моим мужем… А теперь это. Я не могу… Я не… Я никогда его не прощу.

Когда-то Мелвин рассказывал Вивьен, как прекрасно ладили Кристиан и Мэри до того, как правда всплыла наружу. Как они с удовольствием ходили в театр и на художественные выставки, как без конца говорили об общей страсти к танцам. Все это разбилось вдребезги, стоило Кристиану рассказать ей о своем романе с Мелвином. И вот к чему пришло: Мелвин мертв, Кристиан и Мэри горюют по нему, их сердца разбиты, но им не найти утешения вместе. «Вот так своим бездействием, Мелвин, ты устроил хаос», — думает Вивьен.

— О Мэри, — вздыхает она.

— Знаешь, Мелвин ведь собирался мне все рассказать. Но потом рак вернулся, и у него не осталось выбора, кроме как остаться со мной.

— У него был выбор, — мягко говорит Тристан. — У человека всегда есть выбор. Просто сделать его некоторым сложнее, чем другим.

— Вы правы, и я выбираю уйти прямо сейчас. — Мэри встает, берет сумочку и идет к двери,

полная негодования.

Вивьен хочет окликнуть ее, но тут же закрывает рот. Она не может винить Мэри за нежелание здесь находиться. Да и за что угодно, если честно.

— Стоит пойти за ней? — спрашивает она Тристана.

— Я услышал не все, зато видел лицо Кристиана. Кажется, Мэри больше нечего ему сказать и ей явно нужно побыть одной, — отвечает Тристан. — Давай пойдем куда-нибудь.

Вивьен кивает. Они быстро допивают и выходят на улицу. Не советуясь с Тристаном, Вивьен ловит черное такси, и уже через десять минут они сидят в их любимом итальянском ресторане на Стрэнде. Они молчат, пока перед Тристаном не оказывается «Перони», а перед Вивьен — красное вино.

Наконец Вивьен смотрит на друга, пробует вино и говорит:

— Мне кажется, я — убийца.

Тристан

Только когда Тристан делает глоток пива, до него доходит, что только что сказала Вивьен.

— Что?! — кричит он и резко опускает бутылку,

отчего по ресторану разносится звон.

Туристы за соседним столиком оглядываются и дергают бровями, вероятно, надеясь на любовную перепалку.

— Я — убийца, мне кажется, — шепчет она, дождавшись, когда все потеряют к ним интерес.

— По-моему, ты совсем запуталась в своем расследовании, — бормочет он. — Почему ты так решила?

— У меня бывают проявления фуги, — объясняет она.

— А что это? — спрашивает Тристан.

— Периоды времени, когда я бодрствую и что-то делаю, но мой мозг как будто отключается. Я теряю часы, а потом прихожу в себя, не имея ни малейшего понятия о том, где я была и что делала, — лепечет она, держась за голову.

— Ты мне об этом не рассказывала, — качает головой Тристан и хочет взять ее за руку.

Вивьен впервые резко отдергивает руку, опустив взгляд. Тристан понимает, что ее гложет стыд.

— Я никому не рассказывала. Я не хотела, чтобы ты или Кэт волновались. Первый эпизод случился много лет назад. Мне было восемнадцать, и я… была беременна. Все это очень больно вспоми-

нать. После родов я впервые впала в состояние фуги. А когда очнулась, моя мама сообщила, что ребенок не выжил.

Тристан внимательно смотрит на нее, впитывая каждое слово.

— У меня не было рецидивов много лет. Но они начались снова — через две недели после «Серендипити», и дальше они происходили перед каждой смертью.

— Это, должно быть, совпадение, — собираясь с мыслями, произносит Тристан. — Просто реакция на стресс.

— Я тоже так думала, но потом поговорила с Мэри в больнице. Она спросила про мое число, и я вдруг почувствовала себя ужасно виноватой. Это заставило меня задуматься, что я вполне могу быть подозреваемой. Я обожаю криминальные романы и детективные сериалы, могла почерпнуть из них идеи. И Джанет, и Мелвин заметили, что я единственная, кто не знает свое число. И эти провалы в памяти! Кто знает, что я делала в эти часы! У меня был провал незадолго до Мелвина, и я нашла чек из бара неподалеку от того места, где он был той ночью… — рыдает она. — В другой раз, когда я пришла в себя, моя рука была сильно поранена. Если я могу пораниться сама и не пом-

нить об этом, значит я и других ранить могу.

— Вивьен, в этом просто нет смысла, — мягко говорит Тристан. — Возьмем, к примеру, Мелвина: ты не могла где-то раздобыть сомнительную таблетку, а потом каким-то образом уговорить его принять ее за пару часов фуги.

Вивьен делает глубокий вдох и выдох:

— Полагаю, ты прав… А в случае с Гордоном мне пришлось бы испечь пирог с кунжутом и подкинуть его ему, не будучи замеченной.

Тристан кивает и передает ей салфетку:

— Кроме того, ты не способна на убийство. Тебе просто не хватило бы духу.

— Ты так думаешь? — Наконец она поднимает на него взгляд.

— Я так думаю.

Вивьен делает еще один большой глоток вина. Тристан замечает, что рука ее все еще дрожит, но, кажется, она немного успокоилась.

— Меня беспокоит еще одно, — говорит Вивьен.

— Что именно?

— Я изучила приглашения на званый ужин. Оказывается, их напечатали в типографии рядом с моей старой редакцией, — сообщает она.

— Так…

— Я довольно часто ходила туда с заказами для журнала. Там меня хорошо знают. Я не была там много лет, но они сразу вспомнили мое лицо, когда я зашла к ним на днях… — объясняет она, снова начиная паниковать.

— Это ничего не значит. Это же центр Лондона! В эту типографию полгорода ходит.

— Ты прав, Тристан, — бормочет Вивьен и допивает бокал. — Извини, что я так расстраиваюсь — особенно в твой день рождения.

— Признаться, я надеялся обойтись без празднования в этот день.

Вивьен достает из сумки салфетку, громко в нее сморкается, а затем снова опускает руку в сумку и достает черный подарочный пакетик.

— С сорокалетием. — Она кладет пакетик на стол между ними.

— Не стоило… — Тристан краснеет.

Родители уже много лет не покупали ему подарки, вместо этого просто отправляя сертификаты по электронной почте, чтобы он мог выбрать то, что хочет. Тристан даже забыл, что у других людей, вообще-то, принято дарить реальные подарки в красивой упаковке.

В пакетике оказывается коричневый кожаный футляр с потертыми уголками. А в футляре

— часы с перламутровым циферблатом и двумя тонкими золотыми стрелками, показывающими десять минут девятого.

— О… — бормочет он.

— Это часы моего отца, — тихо говорит Вивьен, глядя на руки Тристана. — Я заметила, ты все носишь эти старые пластиковые, поэтому решила, что они тебе понравятся.

Он открывает маленькую открытку из пакетика и читает: «Моему дорогому другу Тристану. Время на твоей стороне».

— Спасибо, — только и может сказать Тристан.

В ресторане тихо, но в ушах у него отчего-то звенит, словно в черепе разыгрался шторм.

— Не за что. — Вивьен переключает внимание на меню. — Они просто пылились в моем ящике.

Вивьен заказывает себе спагетти карбонара и пиццу пепперони для Тристана, пока он молча смотрит на циферблат. Борясь с желанием закрыть коробку и отодвинуть ее, Тристан медленно достает свои «Касио», кладет их в карман и аккуратно надевает на запястье новые часы. Отец Вивьен явно был крупнее: пряжка минует девственно чистое отверстие на две дырочки выше того, где ремешок станет ему впору. Этот коричневый кожаный ремешок часов выгля-

дит до нелепого большим. Он чувствует себя школьником в гардеробной родителей. Тристан смотрит на часы и вдыхает носом — «два, три, пять…» — выдыхает ртом — «семь, одиннадцать, тринадцать…» Ничего не помогает; он никак не может избавиться от ощущения, будто наручники стягивают запястье. Вивьен начинает говорить, а Тристан заставляет себя слушать:

— Мэри, конечно, не церемонилась. Не могу сказать, что я ее виню. То, как Кристиан подружился с ней, водил ее на балеты и в театр, а сам все время крутил роман с ее мужем…

Слова Вивьен звучат где-то на периферии сознания; Тристан смотрит на часы на запястье. Кожа вокруг отверстия, куда вставлял пряжку отец Вивьен, слегка потрескалась. Интересно, каким он был?..

— До твоего прихода она рассказывала о Мелвине, о том, как в юности на матчах по регби его травили расисты, — лепечет она.

— Правда, что ли? — бормочет Тристан, едва прислушиваясь.

— Она думает, что именно поэтому он был таким беззаботным. Жил тихо, не устраивал шума, не желал привлекать внимание…

Появляется официант с заказами и небрежно

ставит их на стол. Тристан испускает долгий, усталый вздох.

— Так что с тобой происходит? Ты молчишь последние несколько недель. Трудности с твоей программой, «Моралией»? — спрашивает Вивьен.

— Дело не в этом, — качает головой Тристан и берется за столовые приборы.

Стоило в самых общих чертах рассказать Вивьен о «Моралии», как она с энтузиазмом ухватилась за эту идею и уговорила его вернуться к доработке программы. Он потратил пару недель на ее написание, затем связался с Реймондом (выпускником с его же курса), который позже устроился в успешную компанию в Калифорнии. Тристан ожидал, что его проигнорируют или быстро откажут ему в общении, — и был поражен, когда Реймонд с энтузиазмом ответил спустя пару часов. В те выходные Вивьен настояла на шампанском и поднятии тоста за его успех, несмотря на протесты Тристана.

— Так что же тебя беспокоит? — спрашивает Вивьен, кладя салфетку на колени, не отрывая от него глаз.

— Я… виделся с Элли в прошлом месяце, — признается он, разрезая пиццу на десять ровных

кусков.

— Правда? — Ошарашенная, она не замечает, что спагетти с ее вилки плюхаются обратно в тарелку.

Он рассказал ей об Элли, о том, как она разбила ему сердце, внезапно разорвав их отношения. Вивьен часто предлагала ему связаться с ней, чтобы попытаться «войти в контакт» — ее любимая американская фраза, которая вечно заставляет его вздрагивать.

Тристан откусывает большой кусок пиццы и медленно жует, стараясь не выдать лицом изжоги при одном упоминании того вечера. Тогда они с Вивьен распили две бутылки шампанского, и Тристан, опьяненный игристым — и надеждами — снова заглянул на страницу Элли в «Фейсбуке». В сотый раз открыл сообщения. Но на этот раз — написал:

> Привет, Элли, это Тристан. Я все думал о тебе в последнее время и хотел бы узнать, не хочешь ли ты встретиться и поболтать?

Потом он удалил: «Я все думал о тебе в последнее время» (звучало слишком жутко). Его сердце забилось быстрее, когда стрелка зависла над

кнопкой «Отправить». Он сглотнул и кликнул ее. Каким-то образом ему удалось довольно быстро уснуть, и, включив компьютер на следующее утро, он вспомнил о сообщении, только когда увидел уведомление от Элли.

> Привет, Тристан! Давай поболтаем! Как насчет следующей среды в городе, часиков в семь?

Тристан невольно усмехнулся. Знакомый стиль Элли: восклицательные знаки, «город» вместо «центр Лондона» и «часики», как она любила говорить. Время для Элли всегда было расплывчатым понятием. Когда они были вместе, Тристана бесила ее детская уверенность: весь мир так и живет, с опозданием на пятнадцать минут. Возможно, она не столь сильно изменилась, как он думал.

Верная себе, в выбранный Тристаном паб она пришла на семнадцать минут позже, запнулась о порог, вся такая очаровательная с кудрявыми каштановыми волосами до плеч, беременным животом, выглядывающим из-под расстегнутого пальто, и темными кругами под глазами. Элли увидела Тристана, и на ее губах появилась знакомая милая улыбка.

— Трис, как дела?

Она обняла Тристана, ее локоны пощекотали его нос, и они столкнулись животами.

Следующие двадцать минут Элли без умолку говорила о муже Дейле, сыне Альфи, которому почти два года, и о том, что скоро у нее будет второй сын. Она даже хвасталась их фото на телефоне, а Тристан кивал и улыбался в нужных моментах. Ко второму стакану лимонада она стала рассказывать о своей работе учителем: о пасхальном спектакле, последней классной выставке и о маленьком мальчике из ее класса по имени Генри, что не отходил от нее ни на шаг.

— Ну же, Тристан, не заставляй меня ждать. Как все прошло? — спрашивает Вивьен.

Он пожимает плечами:

— Было приятно ее увидеть. Она все еще работает учителем, у нее маленький сын, и она беременна вторым. Счастлива замужем.

Вивьен фыркает. Ей всегда было трудно поверить, что кто-то может быть счастлив в браке («Это просто оксюморон», — любит повторять она).

— Ну и молодец же она, — говорит Вивьен, даже не притворяясь, что ест. — Ты рассказал ей, чего достиг?

— А чего я достиг, Вивьен? — Это прозвучало резче, чем он намеревался.

— У тебя свой софт, своя квартира…

Тристан допивает бутылку и машет официанту, чтобы тот принес новую. Когда Элли выдохлась, она спросила Тристана о его жизни — точнее, спросила, познакомился ли он с кем-нибудь. Ему даже показалась (лживая надежда!), что она нервничала в ожидании его ответа и расслабилась, лишь когда он сказал, что холост. Затем наступила тишина. Мир словно куда-то исчез. Возможно, так оно и было. Из глубины паба доносилось тиканье старинных часов, сопровождаемое болтовней двух тихих стариков за барной стойкой. Тристан думал только о том, насколько пустой стала его жизнь, насколько ничтожной. А Элли все еще выжидающе смотрела на него, поэтому он пробормотал что-то о своей работе и квартире в Мэнор-хаусе.

— Похоже, у тебя все хорошо, — сказала она. А потом последовал ее вопрос: — Ты вспоминаешь тот день, когда мы расстались?

И сердце Тристана замерло. Он кивнул, уже готовый сказать, как много он о ней думает, как сильно сожалеет.

— Я просто хотела сказать, что прощаю тебя, —

добавила Элли и обняла его.

— Спасибо, — пробормотал он, уткнувшись в ее кудри.

Она наклонилась поднять с пола свою большую сумку, и он заметил, что Элли вся дрожит. Последний взмах руки — и она ушла. В тот же момент Тристан понял, что это была их последнее встреча.

Затем он уставился на едва отпитую пинту пива и вспомнил день их расставания, день, когда у него в сердце появилась незаживающая рана. После решающего отпуска ему казалось, что все вернулось на круги своя. Было воскресное утро. Он приготовил ей завтрак в постель, спросил о планах на день, а Элли просто выпалила: «Тристан, я съезжаю! У нас ничего не выходит». Она дрожала. Все произошло так внезапно, что у него земля ушла из-под ног. А Элли как ни в чем не бывало начала собирать вещи. Да, он вышел из себя при виде ее одежды, книг и украшений, сваленных в коробки у входной двери. Но у кого язык повернется его осуждать?

Вскоре после встречи с Элли рухнули и зарождающиеся надежды Тристана на «Моралию». Реймонд организовал видеоконференцию, и Тристану предложили представить проект на совете

директоров компании. Презентация шла хорошо, пока один молодой человек не усомнился в этичности «Моралии». Его слова вызвали волну страха в совете директоров, и вердикт был единогласным: решительное «нет».

«Дайте нам знать, если у вас найдется менее… спорное предложение», — сказал ему Реймонд, и Тристан ответил, что найдется, изо всех сил стараясь сдержать раздражение из-за тысяч часов впустую потраченного времени.

Когда он сообщил Вивьен, что ему отказано, она посоветовала не сдаваться, предложить идею кому-нибудь другому. Но Тристан тихонько снес все папки и удалил файл программы с ноутбука. Он вернулся к фрилансу, вечерами валялся на диване, играя в ГТА, или просто смотрел на пятно сырости в углу спальни. Лежа свернувшись калачиком по восемнадцать часов в день, он шевелился лишь тогда, когда голод становился невыносимым, жадно пожирал чипсы или тосты и снова забирался под еще теплое одеяло. Раз в несколько дней он заставлял себя совершать долгие прогулки по городу, обычно ранним утром, когда было проще избежать надоедливой толпы. В прошлом месяце он трижды подряд отменял встречи с Вивьен, а потом просто не пришел на

ее день рождения. Он собирался пойти, принял душ, оделся и стоял у входной двери, но не нашел в себе сил ее открыть. После этого Кэт оставила ему на телефоне кричащее голосовое сообщение. В нем были такие слова, как «эгоист» и «ты снова подвел Вивьен». Поэтому, когда Вивьен написала, что Мелвин в больнице, он позвонил ей и через несколько дней, чувствуя вину, согласился встретиться с ней в рабочем клубе.

— И как ты себя чувствовал после встречи с Элли? — спрашивает Вивьен, наконец возвращаясь к своей, по-видимому, холодной карбонаре.

— Нормально, — отвечает он, пожимая плечами, и Вивьен бросает на него острый взгляд. — Ну, не очень, но… со мной все будет в порядке.

Вивьен кивает на свой ужин и делает нерешительную попытку доесть его. У Тристана внезапно пропадает аппетит, он допивает пиво тремя большими глотками. Они оба знают, что он лжет. После того как Элли вышла из паба, Тристан подождал пятнадцать минут, убедился, что она не вернется, и только затем отправился домой. Глупо было с его стороны связываться с ней; теперь он это понимает. О чем он думал? Будто она признается, что никогда не любила мужа, решит бросить сына и переехать в студию

Тристана? У него был шанс, но он упустил его много лет назад.

Сегодня, по пути на встречу с Вивьен и Мэри, он видел кругом только парочки. Лондон кишел ими: пожилая пара медленно прогуливалась по тротуару, держась за руки, а раздраженные пешеходы хмуро обгоняли их; двое подростков страстно обнимались у магазина «Бутс», их одинаковые «мартинсы» были плотно прижаты друг к другу, руки прятались под кожаными куртками; усталые родители прижимали к себе плачущих малышей, и у обоих было одинаковое выражение — «зачем дергаться?». Все проживают разные этапы своей жизни, но у всех есть что-то общее, а точнее, кто-то, с кем можно разделить все это — безрассудную страсть юности, изнурение от воспитания маленьких детей, боли и недуги старости. Тристан, вероятно, никогда не познает этого.

— Я уже наелась. Пойдем? — спрашивает Вивьен, похлопывая себя по вздутому животу.

Выйдя на улицу, Тристан удивляется, отчего там так светло. Подняв глаза, он понимает: в небе гордо сияет полная луна. Он всегда предпочитал луну солнцу; она часто была его единственным спутником во время утренних прогулок. Вот и

теперь она придает ему сил.

— Как насчет прогулки? — предлагает Тристан.

Он видит, как Вивьен колеблется. В последнее время ей трудно преодолевать даже небольшие расстояния, а порой она гримасничает и хватается за бедро. Но она все равно кивает. Тристан ведет их вниз по ступенькам моста Ватерлоо на тротуар вдоль набережной.

— Знаю, он некрасивый, но Хангерфордский — мой любимый мост в Лондоне, — говорит Вивьен, глядя на белые пилоны, похожие на мачты кораблей, на фоне чернильно-черной воды Темзы. — А ты знал, что первый мост на этом месте открылся в тысяча восемьсот сорок пятом году?

— Мост Альберта — лучший в Лондоне, — бормочет Тристан, не отрывая взгляда от реки. — Никаких сомнений.

— Кажется, это первый раз, когда мы с тобой не сошлись во мнениях, — говорит она, беря его под руку, — она начала так делать во время их совместных прогулок.

Иногда Тристану даже нравится это напоминание о давних временах, когда дам «сопровождали под локоток», когда джентльмены инстинктивно шли по обочине тротуара, чтобы на их спутниц

не попадали брызги от повозок и лошадиных копыт. Но в этот раз, когда пальцы Вивьен обхватывают плечо Тристана, он призывает на помощь всю силу воли, напрягается всем телом, чтобы не отбросить ее руку. Она, словно свинцовый груз, тянет его вниз. Вивьен будто бы отрастила когти, и теперь они впиваются ему в кожу.

— Извини, рука затекла, — бормочет он, и вскидывает кулак, сжимая и разжимая его.

В блаженном неведении Вивьен идет, уже не держась за него.

Они молча шагают вдоль реки. Странный свет создает иллюзию, что кругом день, но на самом деле стоит ночная гробовая тишина, и их шаги эхом разносятся по земле: цокот каблуков Вивьен рядом со скрипучими кроссовками Тристана. Мимо проплывает ярко освещенная лодка, с нее доносятся радостные голоса, а мужчина машет с палубы руками, в одной из которых бутылка пива. «Я не махал рукой, а тонул»[15], всплывают в голове Тристана старый стишок, который он изучал в школе и который не вспоминал годами. Вивьен слегка машет в ответ, но Тристан смотрит лишь на свои кроссовки. Он купил их после бес-

[15] Примечания: 15

Знаковое стихотворение британской поэтессы Стиви Смит. Перевод Г. М. Кружкова.

конечных нападок Вивьен на его старые высокие «конверсы». В магазине они выглядели такими стильными, но сейчас кажутся нелепыми, сверкая в лунную ночь, — слишком яркими для сорокалетнего программиста.

— Вчера вечером мы с Кэт снова искали мой конверт, — лепечет Вивьен. — Она уже вынесла все вещи из своей комнаты, и мы думали, что есть шанс его найти, но все тщетно. Думаю, мне просто нужно смириться с тем, что я никогда не узнаю свое число.

Последние три года Вивьен часто говорила о потерянном конверте. Тристан знает, чувствует: ей очень нужно узнать число. Вивьен смотрит на него — явно ждет ответ.

— Возможно, тебе лучше не знать, — бормочет он; фраза так привычна, что вырывается совершенно бездумно и голос звучит странно механически.

— Ты прав. Полагаю, у любого человека есть число, просто он его не знает. Но было бы неплохо иметь возможность планировать, учитывая, что у Кэт скоро будет ребенок, а в следующем году она выйдет замуж…

Слова Вивьен затихают, и она качает головой, уже не слушая Тристана, погруженная в собствен-

ные переживания.

— Ты просто строй планы, Вивьен.

— Извини, мне не следует продолжать. Я знаю, что твое число — сорок пять, это совсем не срок…

— Не думаю, — резко говорит он, затем смягчает голос. — Ну, мне так не кажется.

— Слушай, Тристан, я сделала все возможное, чтобы раскрыть загадку этих чисел. Я обвиняла Джанет, Мелвина, даже себя. И я все еще понятия не имею, кто за этим стоит. Теперь мне кажется, лучшее, что мы можем сделать, — воспринимать эти числа как предупреждение. Если мы продолжим жить, как прежде, то они могут сбыться. А если мы изменимся, может, числа тоже изменятся.

— Вивьен, просто не…

— После лекции в память о Гордоне я сказала Мелвину, что его грех — лень, и попыталась его предупредить, — говорит она. — Он отшутился, а теперь видишь, что произошло.

— Могу себе представить, — качает головой Тристан.

— Мы до сих пор не знаем, какое число у меня, но, кажется, я стала меньше… завидовать людям, и, может быть, поэтому я все еще здесь, — бормо-

чет Вивьен. — Знаю, звучит неправдоподобно, но, если я права и числа — предостережение, может, и у тебя есть время повлиять на твое. Я не видела, чтобы у тебя были проблемы с гневом, но, возможно, его много внутри тебя самого, ведь ты так критичен к себе.

— Это полная чушь. А как же Стелла? Она умерла через две недели после вечеринки. У нее не было времени измениться к лучшему.

— Да, не было, — тихо произносит Вивьен, пожимая плечами в знак поражения.

Между ними снова тишина.

— Помню, когда мне исполнилось сорок, я плакала до самой ночи из-за мысли, что я упустила свой шанс выйти замуж и родить детей. Только теперь я понимаю, что сорок — это еще молодость. Даже в этом возрасте можно встретить кого-то, родить детей…

— Да кому я нужен? Провести еще пять лет в этом аду? К смерти я уже готов!

С этими словами он бежит прочь от Вивьен, в новых кроссовках по ступенькам моста. К последней ступеньке ноги начинают болеть, и он замедляется до быстрого шага. Он продолжает идти, пока не достигает примерно середины моста. Сделав глубокий вдох, перекидывает одну

ногу через перила, замирает, когда порыв ветра застает его врасплох и заставляет качнуться. Он восстанавливает равновесие, перекидывает вторую ногу через перила и садится на их край. Когда он смотрит вниз, темная вода внезапно кажется гладкой и манящей, как мягкое шелковое одеяло. Он закрывает глаза — и образ воды сменяется оживленным тротуаром в Кэнэри-Уорф. Он думает о Мэттью и чувствует, как сдают нервы.

— Тристан! — Вивьен стоит рядом с ним, задыхаясь от быстрого бега.

— Пожалуйста, оставь меня одного, — вздыхает он и медленно наклоняется вперед так, чтобы руки были вытянуты, а взгляд устремлен на воду внизу.

— Ни за что, — говорит она, почти касаясь его плечом, хотя они находятся по разные стороны перил; она кажется странно спокойной, просто глядя на воду, как и Тристан. — Я не позволю тебе этого сделать. Я не могу, Тристан. Я не могу слышать, как ты все это говоришь. Ты красивый, умный, добрый человек! Ты можешь так много дать этому миру. Ему нужны такие люди, как ты. И мне ты тоже нужен.

Она плачет. Сердце Тристана невольно сжимается, но он заставляет себя отвернуться и снова

сосредоточиться на реке. Он должен сосредоточиться на реке.

— Да что с тобой? Я думала, тебе потихоньку становится лучше, Тристан.

Ее рука на его руке, длинные пальцы обхватывают запястье чуть выше отцовских часов. Она на удивление сильная, думает он, но недостаточно сильная.

— Именно в это ты и хотела верить. Правда в том, что лучше никогда не станет. Только не мне.

— Слушай, вернись ко мне, и пойдем куда-нибудь, выпьем кофе. Нам нужно все как следует обсудить, — произносит она со страхом в голосе.

— Прости, — отвечает он, и слезы текут по его щекам.

— Тебе не за что извиняться…

Тут Тристан разворачивается к ней лицом, хватает ее за локти и тянет за собой через ограждение, падая вниз. Он смотрит в ее потрясенные глаза, пока они летят вместе. Он надеется, что они оба потеряют сознание еще до того, как коснутся воды. Его уши полны ужасного крика Вивьен, а затем он чувствует боль, пронизывающую ноги. Холод окутывает их, Темза раскрывает свои ледяные объятия. А теперь кругом — ничто. Бла-

женное ничто.

Похороны
Май 2019 года
Шесть месяцев спустя

Вивьен

Открыв глаза, Вивьен с прерывистым вздохом смотрит на Тристана, лениво прислонившегося к шкафу в углу ее спальни. Вдох, вдох… Моргнув несколько раз, она берет очки с прикроватной тумбочки, надевает их и снова смотрит туда же. Это не Тристан, это всего лишь ее старый синий кардиган, небрежно висящий на дверце шкафа. Тристана больше нет, напоминает она себе. Его больше нет. И все же она видит его постоянно,

чувствует, как он сидит на ее цветочном одеяле; в ее снах всегда только он. Он стоит под дождем, когда они впервые встретились; он рыдает у нее на груди, рассказывая о своих панических атаках; он смотрит ей в глаза, пока они вместе падают в воду.

Сон снова завладевает Вивьен, и она позволяет грезам унести себя вдаль. Вот она гладит свой беременный живот. Вот она плечом к плечу с Мелвином, и они смеются. Вот она чувствует, как руки Тристана хватают ее за локти на мосту…

— Не спишь, Вивьен? — шепчет Кэт, приоткрывая дверь спальни.

— Только чуть-чуть, — хрипит она и улыбается, когда Кэт входит с малышкой Ангарад в одной руке и чашкой чая в другой.

— Выпей это, а потом нам нужно собираться. Зигги приедет за Ангарад в девять, — говорит Кэт, садясь на кровать и передавая малышку Вивьен. — Если ты уверена, что справишься.

— Справлюсь. Только обниму ее — и буду готова ко всему, — отвечает Вивьен с уверенностью, которой сама не чувствует.

— Ты много спала?

— Не очень, — говорит она, подбрасывая ма-

лышку на коленях; та радостно хихикает. — Сны все еще мучают, но врач сказал, что это нормально.

Кэт кивает и рассеянно улыбается. Вивьен замечает темные круги у нее под глазами, тревогу, не покидавшую ее лицо последние полгода. Она огорчена тем, что заставила Кэт на последнем месяце беременности пройти через весь этот кошмар. Вивьен почти ничего не помнит из той ночи. Помнит только, как держалась за Тристана на мосту. Но это и все. С тех пор Кэт рассказала ей, что прохожий на набережной видел, как они ушли под воду, и позвонил в береговую охрану Темзы. Вивьен быстро нашли и доставили в больницу Святого Томаса, где ее лечили от гипоксии мозга и пневмонии. Неделя в больнице прошла как в тумане: осознанные сны и короткие моменты бодрствования боролись друг с другом, но сны обычно одерживали верх. Когда Вивьен наконец-то смогла бодрствовать достаточно долго, чтобы поговорить, Кэт сообщила ей: береговая охрана не нашла тело Тристана той ночью, но они видели, что он барахтался, а потом ушел под воду.

— Врач предупреждал о возможной потере памяти, но помнишь ли ты хоть что-нибудь? — спросила Кэт.

— У Тристана случилась паническая атака, и он хотел спрыгнуть с моста… Я пыталась его остановить…

Вивьен отвернулась от Кэт и притворилась спящей. Только после того, как Кэт ушла, она дала волю слезам. Тристана больше не было, ей не удалось его спасти.

Ближе к концу ее пребывания в больнице возле койки Вивьен появилась женщина.

— Ваш врач предположил, что на мосту у вас случилось диссоциативное состояние фуги, — осторожно объяснила она, перебирая пальцами деревянные бусины на шее. — Как будто вы на какое-то время вышли из тела. Не испытывали ли вы подобное раньше в моменты сильного стресса?

Сердце Вивьен колотилось в груди: убийца… убийца… Нет! Возможно, приступ фуги случился у нее после этого, но о том, что случилось с Тристаном той ночью, она помнила прекрасно. Она пыталась его спасти. Поэтому она покачала головой и заверила женщину, что это был единичный случай, не желая посвящать ее в подробности. Как только женщина ушла, мысли Вивьен вернулись к самому первому приступу фуги; ей тогда было восемнадцать, и она только что родила.

Кэт забирает у нее Ангарад, а Вивьен пьет сладкий чай, все еще чувствуя боль в локтях, там, где Тристан вцепился в них много месяцев назад. Если бы только ей хватило сил спасти его… Через шесть месяцев после того, как они упали в воду, было выдано свидетельство о смерти Тристана, и его мать Сьюзен назначила дату похорон.

— Знаешь, тебе не обязательно идти, если ты чувствуешь, что это будет слишком тяжело для тебя, — говорит Кэт уже со слезами на глазах.

«Проржавевшая водокачка», иногда называла ее Вивьен — когда-то критически, теперь ласково. Работая в журнале, она принимала постоянные слезы Кэт за слабость, способ показать коллегам-мужчинам, что она не справляется, а также преклонение перед их превосходством. Теперь Вивьен считает слабачкой саму себя, раз когда-то допускала такие мысли. Кэт — одна из самых сильных женщин, нет, людей в целом мире. Ее слезы говорят о глубокой эмпатии, обостренном переживании чужой боли. И это не слабость.

Когда Вивьен выписали из больницы, Кэт решила остаться в лофте вплоть до родов. Вивьен никогда не забудет ту ночь, когда Кэт разбудила ее, прервав ужасный кошмар, и сказала, что ей нужно в больницу. Они вызвали такси и позвони-

ли Зигги. Всего через два часа родилась девочка с густой копной каштановых кудрей. Ее назвали Ангарад (валлийское имя, означающее «очень любимая», — его предложила Вивьен из-за мыслей о Мелвине). С самого рождения Кэт и Ангарад регулярно оставались ночевать у нее; Вивьен прикупила в лофт детскую кроватку.

— Я люблю тебя, Кэт, но мне нужно там быть. А вот тебе — нет. Почему бы тебе не остаться дома и не провести тихий день с семьей? — Вивьен трогает подушечкой большого пальца мокрую щеку Кэт, не вытирая слезы, а просто касаясь, позволяя им впитаться в ее кожу: пусть сила Кэт поможет ей пережить этот день.

— Ты моя семья, — говорит Кэт. — Пей свой чай, а я приготовлю завтрак.

* * *

— Не знала, что Тристан был верующим, — шепчет Кэт, когда они с Вивьен медленно идут к церкви.

На Вивьен шерстяное платье с длинными рукавами, черные колготки, сапоги и теплое пальто, так что она уже вспотела. Весна выдалась не по сезону холодной, но сегодня выглянуло солнце, как раз когда Вивьен обрадовалась бы темным

облакам и мороси. Может быть, Кэт была права — ей вправду тяжело быть здесь. Но как можно пропустить похороны Тристана?

— Нет, Тристан не был религиозен, а вот его мать — да, — отвечает Вивьен, вспоминая, как он смеялся над родителями, которые каждую неделю наряжаются в «лучшие воскресные наряды»: «Как будто Бога волнует, есть ли у папы щетина, или у мамы — укладка феном».

Деревня кажется странно знакомой, возможно, потому что она похожа на рождественскую открытку. Низкая каменная стена вдоль дороги; скромная церковь с гордым шпилем; древние, покрытые туманом надгробия с одной стороны, словно солдаты, ожидающие битвы. Небольшая группа людей собралась под аркой, где Вивьен подмечает беззаботных молодоженов, позирующих перед камерой. Но они-то здесь не для того, чтобы чествовать любовь.

— Давай подождем минутку, — бормочет Вивьен, оттаскивая Кэт от входа в церковь.

— Тебе нечего стыдиться, — говорит ей Кэт. — Ты имеешь полное право быть здесь.

Но все же она повинуется Вивьен, и вот они вместе стоят у входа на кладбище, пропуская скорбящих и направляясь в церковь.

— Ты ответила на сообщение Айана? — спрашивает Кэт (и правда, разве похороны мешают сватовству?).

— Нет, но я отвечу. Он хочет приготовить мне веганское карри. — Вивьен пытается скрыть улыбку.

— Думаю, тебе стоит позволить ему поухаживать за тобой, — говорит Кэт, встречаясь с ней взглядом.

— Может, и позволю, — пожимает плечами Вивьен. — Пора идти.

Она не может признаться в этом Кэт, но все время думает, не слишком ли быстро отмахнулась от Айана. Он был так добр после случившегося с ней, присылал цветы и регулярно звонил.

— Вивьен, спасибо, что пришли. — Перед ними внезапно возникает мать Тристана, словно замковый страж или вышибала в ночном клубе. Ее песочного цвета волосы образуют идеально уложенный шлем, а темно-фиолетовые тени для век гармонируют с крупными цветами на ее пестром платье с цветочным принтом.

— Сьюзен, — запинается Вивьен — слова так и рвутся наружу, опережая друг друга. — Я… я так соболезную вашей утрате. Такой трагический несчастный случай…

— Да, такой, — кивает Сьюзен, избегая взгляда Вивьен.

Сьюзен регулярно появлялась у больничной койки Вивьен, отчаянно желая ответов. Иногда она приходила в слезах, словно воплощение горя; в другие дни у нее были сухие глаза, и она была на взводе, вооруженная сотней вопросов. Вивьен и ее затуманенный разум старались изо всех сил, но Сьюзен часто уходила, недовольная ее расплывчатыми ответами. Паническая атака, крик о помощи, борьба и падение…

«У него в жизни не было панических атак!» — несколько раз огрызнулась она на Вивьен, и Вивьен подумала: как же грустно, что Сьюзен совсем не знала своего сына.

У входа в церковь Вивьен почувствовала, как ей стало еще жарче. В нос ударил сильный аромат лилий. Белые лилии и пионы, собранные в букеты в конце каждого ряда стульев, вновь заставили Вивьен подумать о свадьбе. Ни Вивьен, ни Тристан никогда не были в браке и не знали этого чувства, когда ты связан с другим человеком перед законом и людьми на всю жизнь. Что ж, это самая естественная вещь в мире. И они, по-своему, были связаны друг с другом. Их объединяло поначалу одиночество, а теперь

— тайны, которые Тристан — и Вивьен — унесут с собой в могилу.

Вивьен расстегивает пальто и накидывает его на ноги, стараясь не обращать внимания на влагу под мышками, на пояснице, под коленями.

— Прекрасная церковь, — шепчет Кэт, глядя на возвышающийся мраморный алтарь, который охраняют две композиции из еще большего количества лилий и пионов, уступающие по красоте только распятию на дальней стене.

Взгляд Вивьен приковывает тазовая кость Иисуса, торчащая из-под его кожи. Такая трогательная человеческая деталь.

— Прекрасная, — кивает она, потому что это действительно так.

Эту церковь счел бы красивой любой, независимо от его вероисповедания. Богато украшенная желто-золотая скиния за алтарем, замысловатый витраж… Но еще прекраснее уютная, успокаивающая атмосфера этого места. Здесь грусть приветствуется, и можно горевать вдосталь.

Оглядевшись, Вивьен удивляется, насколько церковь переполнена людьми. В первом ряду она видит троих мужчин возраста Тристана — предположительно, его университетских друзей. Бледная женщина с темными вьющимися во-

лосами, ниспадающими на плечи, входит одна и останавливается в конце зала — она опускает голову и плотно запахивает длинное черное пальто, несмотря на нарастающую жару в церкви. Затем Вивьен наблюдает, как Сьюзен и отец Тристана, Джим, идут по проходу. На Джиме — старый костюм, который, должно быть, был ему когда-то впору, но теперь слишком велик в плечах и узок в талии. Сьюзен держит мужа за локоть. Они выглядят как люди, оказавшиеся в церкви по любому делу, но они здесь, чтобы похоронить своего единственного ребенка.

Начинает тихо стонать орган, и Вивьен берет листок бумаги, который кто-то оставил на ее скамье. На лицевой стороне, под словами «Тристан Джеймс Джонс» и датами 23 ноября 1978 года — 23 ноября 2018 года, напечатано «Порядок службы». Ее взгляд задерживается на дате рождения Тристана. В тот же месяц она потеряла ребенка и впервые испытала состояние фуги. Ее охватывает знакомая дезориентация. «Сосредоточься, Вивьен». Она слегка качает головой. Сейчас не время думать об этом. Сегодня она прощается с другом. Она открывает порядок службы и видит, что первый гимн называется «Не убоюсь», и он незнаком Вивьен. Прошло так много лет с тех

пор, как она в последний раз заходила в церковь, поэтому ей мало что тут знакомо. Внезапно сзади раздается прекрасный, чистый голос. Она оборачивается, но не видит никого с микрофоном, поэтому закрывает глаза и слушает.

— «Узри лик Божий, и будешь жить…»

Вивьен гадает, что — или кого — узрел Тристан, нырнув в холодные воды Темзы. Она надеется, что в эти последние мгновения он видел лицо любимого человека. Возможно, мать или Элли, или добрую бабушку.

— «Будешь ли переходить через воды, — Я с тобою…»[16]

Она думает о том, как не повезло Тристану в жизни. Воспитанный родителями, которые его не понимали, страдающий от панических атак, переживший разрыв отношений, от которого он так и не оправился, изуродованный на всю жизнь внезапным нападением и постоянно эксплуатируемый начальниками, которые, похоже, не считали его достойным заработка. Где бы ни был Тристан сейчас, с кем бы он ни был, Вивьен вопреки всему надеется, что он обрел хоть какой-то покой — в жизни он точно его не знал.

---

[16] Примечания: 16
Ис. 43: 2.

В церкви стоит тишина. Вивьен все еще погружена в свои мысли, а Кэт оборачивается.

— Вот оно, — шепчет она.

Целую секунду Вивьен не понимает, о чем та говорит. Обернувшись, она следует за взглядом Кэт и видит гроб Тристана. Не имея тела сына, мать Тристана решила похоронить внутри какие-то «важные вещи», хотя и не уточняла, какие именно. Вивьен представляет себе детские фотографии, одежду (футболки с его любимой рок-группой?), возможно, книги. Вероятно, Вивьен стоило взять эту задачу на себя — она уж точно знала Тристана лучше, чем его мать. Священник медленно идет по проходу, а за ним в церковь вносят гроб из темного дерева. Вивьен не знает, как вести себя подобающе. Она знает, что нужно смотреть на невесту, идущую по проходу (и снова свадьбы!), но нужно ли смотреть на гроб? Или нужно склонить голову и не смотреть, словно это вампир или Медуза горгона? Кэт встречается с ней взглядом: перед ней, по-видимому, та же дилемма. Быстро оглядев других прихожан, Вивьен поворачивается лицом к алтарю, сжав руки, словно в молитве. Когда гроб выносят вперед, из первого ряда эхом раздается вздох. Вивьен поднимает глаза — там Джим прижимает

Сьюзен к своей груди. Его спина поднимается и опускается с большим трудом, когда он что-то шепчет жене на ухо. Она слышит имя Тристана, ведь он шепчет его снова и снова. Как будто они пытаются вернуть сына силой своей любви.

Одним из воспоминаний, неожиданно возникших после той ночи, было чувство — живое, телесное ощущение — материнства. Что-то в этом опыте всколыхнуло его, снова наполнило цветом, как будто это случилось с ней всего неделю, а не десятилетия назад. Когда Джеймс внезапно оборвал их отношения, Вивьен списала ежедневную тошноту на разбитое сердце, а растущую талию — на чрезмерную любовь к сладостям. Наконец странные шевеления в животе заставили ее обратиться к врачу, который скупо подтвердил беременность и был ошеломлен радостной реакцией Вивьен. Вернувшись домой, Вивьен достала из ящика свою специальную писчую бумагу с изображением котят и написала Джеймсу. Она разукрасила новость пышным узором из множества сердечек и поцелуев, ожидая, что он прыгнет в машину и сразу же приедет — ну, может, по дороге завернет за цветами для будущей мамочки. Но ответа от него не последовало, и неделю за неделей живот Вивьен рос вместе с

паникой; у нее не осталось другого выбора, кроме как рассказать все матери. Последовали ужасные три месяца слез, боли (в основном сердечной) и криков, которые завершились длительным пребыванием в больнице, сильными седативными препаратами и смертью малыша Вивьен. Про кошмарный финал Вивьен уже после первого приступа фуги рассказала мать. И вот, в больнице, в ее прерывистый сон врывались другие, яркие сны, где падение связывалось со злополучной беременностью. Приходилось заставлять себя просыпаться посреди ночи, чтобы спастись от кошмаров.

Вивьен глубоко вздыхает и позволяет взгляду остановиться на гробе, теперь стоящем перед алтарем. Священник окропляет деревянную крышку святой водой. Капли скатываются по стенкам, оставляют темные круги на ковре. Затем священник осторожно накрывает гроб белой тканью и медленно проводит кончиками пальцев по ее поверхности. Это удивительно мягкий, нежный жест. Хотя она знает, что тело Тристана не в гробу, а на дне Темзы — где-то среди грязи и старых монет, — она все равно представляет его там. Затем она думает о Стелле, Мэттью, Джанет, Гордоне и Мелвине. Все они — пустые оболочки,

гниющие в земле или ставшие прахом. И Вивьен снова думает о них семерых, собравшихся за столом в «Серендипити». Губы Джанет, окрашенные вином, и ее хриплый смех; идеальные скулы и иссиня-черные глаза Мэттью; крепкое рукопожатие Мелвина; и Тристан, молчаливый и бдительный, чьих прекрасных качеств поначалу не заметил никто, включая Вивьен.

Вивьен не может отвести взгляд от гроба, особенно от того места, где пальцы священника коснулись ткани. Молитвы священника окутывают ее, хотя она не слышит слов; ритм его речи действует на нее успокаивающе — слова минуют мозг и обращаются напрямую к ее душе. Наступает тишина, а затем Кэт шепчет:

— Вивьен, вставай, — говорит она.

Вивьен отрывает взгляд от гроба и смотрит на священника, который сошел с кафедры и кивает ей.

Кэт сует ей в руки листок бумаги, и Вивьен неуверенно поднимается на ноги. Вивьен была удивлена не меньше других, получив письмо от Сьюзен с просьбой прочесть заупокойную молитву на похоронах Тристана. Особенно учитывая, что в больнице они так и не поладили. Но Сьюзен написала, что сын часто говорил о ней, и она бы-

ла последней, кто видел его живым. В этом было что-то похожее на обвинение, но Вивьен в своем ответе согласилась с желанием Сьюзен. Теперь ее щеки горят. Она берет трость и тяжело опирается на нее. Горячий, густой запах ладана наполняет ноздри, сбивая Вивьен с толку, поскольку она не помнит, чтобы священник размахивал одной из этих серебряных лампад. Ее колени и бедра ноют, но она медленно выдыхает и сосредотачивается на ритме: палка, нога, нога, палка, нога, нога. За кафедрой она разворачивает листок и откашливается, слегка вздрагивая, когда звук через динамики эхом разносится по церкви.

— «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать…»[17]

Сьюзен издает приглушенный всхлип, и Вивьен вскидывает голову. Джим нежно гладит жену по волосам. Вивьен ищет среди прихожан Кэт, которая ободряюще кивает ей.

— «…время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время

[17] Примечания: 17
Екк. 3: 1.

плясать…»[18]

Потом Вивьен возвращается к своей скамье, где Кэт берет ее за руку. Звучат все новые молитвы, но Вивьен не слушает. Она сосредоточена на прохладной руке Кэт в своей руке и на виде грубой ткани поверх гроба Тристана. Затем снова говорит священник; его голос очень фамильярно произносит имя Тристана, что вырывает Вивьен из задумчивости. Он рассказывает о крещении Тристана, первом причастии и конфирмации, а затем переходит к его интересу к Ветхому Завету и другим древним текстам, в частности, к «Моралиям на Иова»[19]. Священник продолжает говорить о том, что древние наставления о человеческой морали актуальны и сегодня.

— Именно в «Моралиях» впервые упоминаются семь смертных грехов, — говорит он, и Вивьен поднимает голову, вслушиваясь. — Мы с Тристаном провели немало счастливых часов, обсуждая эти тексты, — с улыбкой продолжает он, а Сьюзен кивает.

---

[18] Примечания: 18

Екк. 3: 2–4.

[19] Примечания: 19

«Моралии на Иова» — книга, написанная в VI веке папой римским Григорием Великим (Двоесловом). Представляет собой пространное толкование Книги Иова.

Когда Кэт спросила, религиозен ли Тристан, Вивьен уверенно ответила «нет». Похоже, она ошибалась. Но почему же он никогда не говорил об этом с ней?

Наконец служба заканчивается, священник приглашает прихожан подойти и попрощаться с Тристаном. Вивьен подходит к концу скамьи и чувствует, как ее ноги идут не прямо к гробу, а влево, к выходу из церкви. Уже на улице она делает глубокий вдох, наполняя легкие прохладным деревенским воздухом, и смотрит на кладбище. Из-за надгробия появляется чья-то фигура, но затем исчезает. Разум снова играет с ней злые шутки. Она качает головой и выходит за церковные ворота.

* * *

— Уверена, что не хочешь, чтобы я осталась? — с тревогой спрашивает Кэт.

— Уверена. Возвращайся к Зигги, Чарли и малышке, — говорит ей Вивьен. — Я хочу выразить почтение родителям Тристана. Домой можно легко добраться на поезде.

Вивьен видит, что Кэт недовольна, но ей точно известно: нет смысла переубеждать Вивьен. Поэтому она крепко обнимает ее и садится в

машину. Оглядываясь на церковь, Вивьен видит, что скорбящие уже вышли вслед за гробом Тристана и собрались вокруг его могилы. Даже с расстояния в четыреста метров она различает сгорбленную фигуру Сьюзен и крепкую руку Джима, обнимающую ее; этих людей склеили горе и неиссякаемая любовь сыну, который ушел слишком рано.

Вскоре Вивьен медленно идет по тихой проселочной дороге. Впервые она рада, что при ней трость: сегодня ее тело кажется бесполезным, суставы — как желе, мышцы — как каша. К счастью, вывеска «Корабля» попадается почти сразу. В конце концов, это единственный паб в деревне, расположенный между почтой и магазином на углу. В своем письме Сьюзен упоминала, что владелец паба, старый друг семьи, предложил «Корабль» в качестве места для поминок по Тристану. По ирландской поминальной традиции, семья усопшего три дня держит тело дома и остается рядом, чтобы убедиться: человек действительно мертв. Кажется, сам Тристан ей об этом и рассказывал. У него фантастическая память на ненужные факты. Была. Была фантастическая память…

Вивьен толкает тяжелую дверь и видит, что

никто еще не пришел. Конечно, скорбящие все еще у могилы. Вивьен гадает, что они думают о ее поспешном уходе. Это ведь плохо — уходить с похорон до того, как гроб опустят в землю, но она просто не могла на это смотреть. Даже зная, что Тристана нет внутри, она не могла смотреть, как гроб опускают в яму, как комья земли бросают на деревянную крышку. Все это поставило бы точку. Дверь со скрипом закрывается, и Вивьен по-прежнему в одиночестве идет к столику в углу, ближайшему к дамской комнате, и опускается на мягкий барный стул. Удобнее, чем кажется. «Корабль» похож на любой другой загородный паб. Ревущий камин? Есть. Потертый красный, узорчатый ковер? Есть. Разливное пиво с игривыми названиями? Есть. («Вздыхающая блондинка» наводит на мысли о Джанет.) На барной стойке она замечает фотографию Тристана в рамке, встает и подходит к ней, чтобы лучше рассмотреть. Снимок был сделан до его знакомства с Вивьен. На фото волосы Тристана гуще на макушке, он без очков, а на лице — ни прыщей, ни большого шрама. Нос усеивают веснушки, и сидит он прямо, а не сгорбившись, как она привыкла его видеть. На нем яркая футболка с завитками красного, оранжевого и синего цветов. Голова запрокинута

назад, на лице широкая улыбка, словно он вот-вот начнет хохотать. Вивьен смотрит повнимательнее и видит, что правая рука Тристана лежит на спинке стула рядом с ним. Еще она различает с краю чьи-то вьющиеся волосы. Элли…

— Вы рано, — внезапно раздается голос из-за фотографии.

С другой стороны стойки к Вивьен идет огромный мужчина с густой темно-рыжей бородой.

— Ой, извините, да… — бормочет она. — Я с похорон Тристана. Я… плохо себя чувствовала, поэтому ушла до… э-э… погребения.

— Не могу вас винить, моя дорогая, я даже службу не смог выдержать. Я Билли, хозяин этого заведения. Что вам принести?

Вивьен сначала не понимает, о чем это он, но потом вспоминает, где находится.

— Виски…

Кажется, она не пила виски с тех пор, как подростком попробовала отцовское, но это кажется правильным ответом.

— Сегодня в этом пабе денег ни с кого не берут, — говорит Билли, передавая ей неожиданно полный стакан с толстым дном.

Вивьен благодарит его и возвращается к своему столику. Она пересчитывает шесть пустых

стульев и перечисляет имена по порядку: Стелла, Мэттью, Джанет, Гордон, Мелвин и Тристан. Как так вышло, что она последняя? Она теперь одна. Но она ведь старше всех в группе и должна была уйти первой. Все умерли, как и предсказывали числа. Все, кроме Тристана: ему оставалось еще пять лет. Он всегда утверждал: числа должны подталкивать гостей званого ужина к смерти; потому, видимо, взял дело в собственные руки и сам решил свою судьбу. Возможно, теория Вивьен всего лишь теория — она начиталась детективных романов… И тут у нее начинает пульсировать голова. Она хватается за виски. Кажется, будто кто-то схватил ее за уши и хорошенько встряхнул. Все потеряло смысл. Смерть Тристана, числа, званый ужин, с которого все началось. Она помнит остальных гостей в мельчайших подробностях, помнит детали их смертей, но образы хаотично витают в голове. Потерянные нити и ложные следы… Единственное, что Вивьен знает наверняка, — осталась только она. Может, она и в ответе за все смерти? Это кажется неправильным, и все же…

Вивьен делает глоточек виски и изумляется резкому привкусу торфа, жжению в горле. У нее кружится голова, но одновременно приходит

озарение. Будь Тристан здесь, он бы пристально наблюдал за ней своими светло-голубыми глазами; он бы просил ее не терять самообладания, беспокоился бы о ней. И боль от тоски по нему снова пронзает ее; в глубине души она знает, что не встретит больше никого, кто понимал бы ее так, как он.

Внезапно дверь паба распахивается, и внутрь решительно заходит кудрявая женщина с похорон. Замечает фотографию Тристана и, как и Вивьен, на мгновение улыбается, но тень улыбки так же быстро исчезает.

— Вы, должно быть, Элли? — спрашивает Вивьен, и та вздрагивает.

— О да, извините. Мы знакомы? — Она берет у Билли бокал белого и идет к Вивьен.

— Нет. Я Вивьен, приятельница Тристана, он рассказывал о вас. Довольно часто, честно говоря.

— Правда? Я виделась с ним несколько месяцев назад. Мы немного поболтали в пабе, но с тех пор я больше ничего о нем не слышала…

Элли смотрит на свои руки: на ногтях облупился фиолетовый лак. В ее локонах проглядывает седина. Она пыталась макияжем перекрыть темные круги под глазами, но горе не скроешь.

— Посидите со мной? — спрашивает Вивьен.

По-прежнему кутаясь в пальто, Элли кивает, глядя в стол, но не на вино, а мимо него. Ее горе безмерно и удушающе, словно она вошла в паб с огромной тяжестью на плечах.

— Жаль, что я проявила такую нечуткость во время встречи. Я так мало расспрашивала его, все время болтала о детях и работе…

— Уверена, Тристан был не против, — говорит Вивьен, а сама помнит, в каком подавленном состоянии он рассказывал о встрече с Элли.

Та встряхивает кудрями и тяжело вздыхает. Снова взглянув на фотографию, она улыбается и обнажает широкую щель между передними зубами («Бывает от того, что слишком много целовалась с парнями», — говорила мать Вивьен).

— Эта фотография с отпуска на Крите, — кивает Элли на фотографию. — Я попросила официанта сфотографировать нас, а Тристан решил, что я очаровала беднягу…

— Похоже на Тристана, — вторит ее улыбке Вивьен.

— Он обращался со мной как с принцессой! Осыпал подарками и вниманием. У нас было так много общего, мы любили одни и те же книги, одну и ту же музыку…

Вивьен кивает и снова улыбается. Как же здорово говорить о друге с тем, кто тоже его любил!

— Мне всегда казалось, что он знает, что я скажу, еще до того, как я это скажу. Такое было в моей жизни в первый и последний раз. В смысле, мой муж заботится о нас, не поймите неправильно, но с Тристаном все было иначе.

— Да, я понимаю, о чем вы.

— Вы знаете, что случилось в ночь его смерти? — тихо спрашивает Элли, и Вивьен понимает, что Сьюзен, вероятно, не сообщила подробности гибели Тристана.

— Мы шли по Хангерфордскому мосту. У Тристана случилась паническая атака, и он в итоге упал, — говорит Вивьен. — Несчастный случай.

— Паническая атака? Я и не знала, что они у него бывают. Когда мы были вместе, он не казался тревожным. С ним всякие странности случались, но не такие.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Вивьен.

— Иногда он мог… злиться. Большую часть времени он это хорошо скрывал, но порой гнев вырывался наружу, как в тот день, когда мы расстались.

— И что же он делал?

Заметив печальное выражение лица Элли, Вивьен задумывается, а действительно ли она хочет это знать.

— Он… Ну, он уничтожил кое-что очень дорогое мне, — запинаясь, произносит Элли. — Мы были в отпуске и отчаянно пытались спасти наши отношения, но было очевидно, что им конец. Он понял это и стал очень властным, не хотел, чтобы я выходила без него на улицу, настаивал, чтобы мы все делали вместе. Поэтому я сказала ему, что все кончено, и принялась собирать вещи. А он пришел в такую ярость, что разорвал книжку, которую мама подарила мне в детстве, «Паутину Шарлотты». Она и так уже разваливалась, но он ведь знал, как много она для меня значила.

Вивьен смотрит на нее с откровенным изумлением. Тристан, который всегда с восторгом рассказывал о любимых романах? Вот так уничтожил драгоценную книгу?

— Похоже, он изменился после вашего расставания. Это совсем не тот Тристан, которого я знала, — говорит Вивьен, но невольно вспоминает черно-белый рисунок со званого ужина: две собаки дерутся в страшном гневе друг на друга.

— Рада это слышать, — смахивая слезы, кивает Элли. — Вообще, как-то раз я предлагала ему

провериться, нет ли у него расстройства идентичности, но он наотрез отказался.

— Да? — бормочет Вивьен. — Он мне этого не говорил…

— Мне нужно пообщаться с его родителями. — Элли встает, натянуто улыбаясь Вивьен.

— Элли… — Вивьен вдруг приходит в голову мысль. — Тристан носил контактные линзы?

— Нет, у него было идеальное зрение. — Она пожимает плечами и машет рукой на прощание.

Когда Элли уходит шаркающей походкой, Вивьен кажется, что та намеренно прервала их разговор — возможно, почувствовала, что сболтнула лишнее незнакомке. Оглядев паб, Вивьен с удивлением видит, что он уже наполовину полон скорбящих. Сьюзен и Джим стоят у барной стойки, серьезно кивая Билли. Элли осторожно приближается к ним. Как только Сьюзен замечает Элли, Вивьен видит, как ее густо накрашенные лиловым глаза сужаются. Бедняжку Элли привечают коротким «спасибо, что пришли», а затем супруги быстро отворачиваются. Элли снова плотно кутается в пальто и выходит из паба.

Внезапно перед Вивьен оказывается Билли:

— Подумал, что вы уже готовы повторить.

Он ловко меняет ее пустой стакан на второй,

полный виски, и спешит обратно к стойке.

Вивьен не помнит, как допила первый стакан.

— Не возражаете, если мы посидим здесь?

Она поднимает взгляд и видит трех молодых людей из церкви. Слово «молодость» обрело для нее совершенно новый смысл, понимает она. Все трое уже лысеющие и седеющие, но для Вивьен они едва вышли из подростковой поры.

Тот, что повыше, протягивает руку Вивьен.

— Я Дэйв.

— Вивьен. Кажется, мы недавно встречались в университете, — говорит она и берет его большую мягкую руку. — Вы все — друзья Тристана со студенческих времен?

Дэйв кивает и представляет Фергуса и Эдди. Они аккуратно ставят на стол свои фиолетовые напитки и машут Вивьен.

— Неужели по нам так заметно, что мы айтишники? — спрашивает Фергус с приподнятой бровью; Вивьен лишь пожимает плечами.

— «Снейкбайт энд блэк», — объясняет Эдди, заметив, что Вивьен разглядывает его коктейль. — Любимый напиток Тристана. Он заставил нас всех попробовать это на первой студенческой вечеринке, помните? — говорит он, поворачиваясь к друзьям. — Никогда не забуду свое похмелье

наутро, но Тристану, кажется, было еще хуже.

Из уст Дэйва вырывается смех — вместе с фиолетовой слюной, — и группа пожилых женщин позади них укоризненно смотрит на него. Он прикрывает рот рукой и опускает голову.

— Помню-помню. Он потом не разговаривал с нами несколько дней. Даже не отпирал дверь своей спальни. Кажется, это было его первое похмелье, и он решил, что это мы ему что-то подсыпали. А на самом деле он просто не умел пить, да так и не научился!

Пока парни болтают о студенческих днях, Вивьен смотрит на Сьюзен и Джима у барной стойки. Сьюзен склонила голову себе на грудь, обтянутую тканью в цветочек; Джим промокает ей лицо салфеткой, ненароком размазывая фиолетовые тени, но она не замечает этого — или не обращает внимания, — кивая и держа его руку.

— Он прознал, что Эмилия обожает Джейн Остин, пешие прогулки и блестящие туфли. Так что на день рождения он подарил ей первое издание «Гордости и предубеждения», членство в Ассоциации любителей пеших походов и розовые блестящие сапожки, — вспоминает Фергус. — Потратил все кредитные деньги на подарки и думал, что она у него в кармане. Но

та взбесилась! Обвинила его в шпионаже и бросила.

— Идея хорошая, но Тристан был слишком настойчив! — смеется Эдди.

— Извините, о чем это вы? — спрашивает Вивьен, снова вслушиваясь в их разговор.

— О, Тристан рассказывал вам о своей шпионской программе?

— Я знаю о «Моралии», но то была не шпионская программа, а софт для ведения профилей сотрудников… — Вивьен вдруг вспоминает слова священника о «Моралиях» — старинном религиозном тексте.

— Ну, как бы он ее не называл, он разрабатывал ее еще в универе. В ранних версиях она использовалась для шпионажа за девушками, которые ему нравились. Он предлагал им помощь с ноутбуком, тайно устанавливал «Моралию» и затем — узнавал о них все, что могло ему понадобится. Последние покупки, музыкальные вкусы, запросы в интернете… — объясняет Фергус, и Вивьен внезапно становится не по себе.

— Программа-то работала идеально, а вот флиртовал Тристан так себе, и девушки не велись, — объясняет Эдди.

— Ну, зато вы все сблизились с ним в его по-

следние годы, — говорит Вивьен.

— Кажется, с ним виделся только Дэйв, они обменялись парой сообщений. Лично я не видел Тристана с университета, — сообщает Фергус.

— Я тоже, — пожимает плечами Эдди. — Его выгнали после той драки, так что мы даже на выпускном не смогли пообщаться.

Вивьен переводит взгляд с одного на другого, на третьего и понимает, что они не лгут. Почему же Тристан сказал ей, что они видятся каждый месяц и даже планируют вместе отдохнуть? И почему он не упомянул, что его выгнали из университета за драку? Тристан — и драка?

— Можно вас кое о чем спросить? — говорит Вивьен. — Тристан носил очки в университете?

— Ага, — кивает Дэйв, — без них он ничего не видел.

Осушив свои пинты, трое парней (нет, мужчин) встают и прощаются. У них план, говорят они Вивьен, вернуться на поезде в Лондон и выпить за друга во всех пабах, где они вместе бывали студентами. Глядя им вслед, она улыбается про себя при мысли о том, какое их ждет похмелье, и о том первом — ужасно грустном — похмелье Тристана.

Потянувшись за тростью, Вивьен поднимается

— и поражается тому, как трясутся ее собственные колени. Как ее отцу удавалось прикончить бутылку виски за вечер субботы и гордо ходить трезвым? Она заглянет в туалет, а потом поедет сразу домой, решает Вивьен. В дамской комнате, стоя у зеркала, она вытаскивает из сумочки помаду и аккуратно подкрашивает губы. Последний взгляд на свое отражение — и Вивьен ахает при виде Тристана прямо за ее плечом.

— О! — Вивьен оборачивается, но здесь только она одна.

В зеркале она теперь видит только сушилку для рук возле своего плеча. Вивьен сжимает руками раковину, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Врач предупреждал ее, что галлюцинации — побочный эффект гипоксии, со временем они должны пройти. Скорее всего, две большие порции виски, принятые слишком рано, слегка ее взбудоражили.

— Спасибо, что прочли заупокойную, — раздается голос, и Вивьен снова ахает.

Но на сей раз это не галлюцинация. Из кабинки выходит Сьюзен. Тени под одним ее глазом так сильно размазались, что стали похожи на фингал.

— Простите за то, как я себя вела, пока вы ле-

жали в больнице, — глядит она на отражение Вивьен в зеркале.

— Даже не переживайте об этом. У вас был шок, — отмахивается от извинений Вивьен. — Как думаете, что бы Тристан на все это сказал?

Сьюзен даже минуты не раздумывает:

— О, ему бы не понравилась вся эта суета. Он никогда не любил сборища, даже в детстве.

— Правда? Каким он был в детстве?

— Необычным мальчиком, вот уж правда. Мы с Джимом всю жизнь за него тряслись. Мой муж и я не из тех, кто много говорит о чувствах. Каждый из нас привык справляться с переживанием. А вот у Тристана постоянно случались эмоциональные всплески. Он то ненавидел меня, то в меня вцеплялся. Иногда становилось неловко…

Все это Сьюзен говорит отражению Вивьен в зеркале. Кажется, ей проще смотреть туда.

— Представляю, как это было трудно, — произносит Вивьен почти шепотом, чтобы не разрушить странные чары, навеянные алкоголем и зеркалами; только бы дверь не открылась и никто не вошел.

— Понимаете, он ведь нам не родной. Мы с Джимом годами пытались завести ребенка. У меня случался один выкидыш за другим, что чуть не

разрушило наш брак. Джим даже съехал от меня на несколько месяцев. В те времена о таком старались не распространяться. Джим клялся, что ему хватает для счастья лишь его и меня, и ребенок вовсе не обязателен… Но мне он был нужен. Мне так хотелось покачать его на руках. Только об этом и могла думать.

— Сочувствую, — шепчет Вивьен.

Она думает о собственном ребенке, который ушел из мира, прежде чем окреп, и о годах невысказанного желания полюбить любое другое дитя.

— Однажды вечером за ужином Джим рассказал мне о своем друге, который работал санитаром в больнице. Он нашел мальчика, брошенного в вестибюле. Мать родила его, а потом сбежала. Представляете? Джим просто рассказал мне интересную, на его взгляд, сплетню, но я уже не могла перестать думать о ребенке, этом оставленном сиротке… — Глаза Сьюзен уже были на мокром месте, грудь вздымалась и опускалась под тяжестью рассказа.

— Что было потом?

Хотя Вивьен догадывалась и сама, ей хотелось услышать это от Сьюзен.

— Я умоляла Джима привезти этого ребенка

к нам, говорила, что он мне нужен. Мне сейчас стыдно за это, но я даже сказала, что нашему браку конец, если не будет по-моему. — Ее голова опустилась от воспоминаний о том отчаянии. — И каким-то образом он это провернул — не спрашивайте меня как. Две недели спустя ребенок был у меня на руках, и мы назвали его Тристаном.

Воцаряется тишина: Вивьен, погруженная в историю Сьюзен, практически чувствует, с каким облегчением и радостью та ощутила вес младенца на руках.

— Вы явно очень его любили!

— Да. Надеюсь, он это знал. В младенчестве он сильно страдал коликами, но я не жаловалась, даже когда он плакал всю ночь. Я была так счастлива! Часами качала его на руках, пока ему не удавалось заснуть. Эх, если бы утешать его было так же легко, когда он подрос…

— Он успевал в школе? — спрашивает Вивьен.

— О, он был блестящим учеником, но немного одиночкой. В конце концов он нашел свое место и завел друзей. Более того, он практически каждую неделю оказывался в новой компании. То одевался во все черное, как ребята-металлисты, то доставал мешковатые джинсы и просил купить ему скейтборд, — усмехается она.

Но потом ее улыбка исчезает, когда всплывает другое воспоминание.

— Не знаю, рассказал ли он это вам, но несколько лет назад, приехав как-то домой, он узнал об усыновлении. Худший день в моей жизни. Я никогда не видела его таким злым. Он сразу же собрал вещи и вернулся к себе. В конце концов мы помирились, но я не уверена, что он целиком оправился.

— Мне он ничего не сказал, — признается Вивьен.

— Однажды ночью Тристан позвонил домой (говорил так, будто выпил пару рюмок) и понес чушь: мол, он нашел свою настоящую мать и больше во мне не нуждается. Я впала в отчаяние, а он уже на следующий день все отрицал, пытался отшутиться.

— Я знаю, у него бывали трудные дни, Сьюзен. Не стоит придавать тем словам большого значения. — И Вивьен коснулась плеча Сьюзен.

— Спасибо… О боже, кажется, я выпила слишком много портвейна. Пожалуйста, не болтайте нигде о том, что я сказала. Никто больше не знает. Я знаю, что могу вам доверять: вы ведь заботились о моем мальчике, когда меня не было рядом.

— Конечно. Я ничего не скажу.

Сьюзен поворачивается, чтобы уйти, но останавливается и роется в сумке.

— О, это же для вас! Я нашла это в квартире Тристана. — И она протягивает Вивьен небольшой белый пакет с ее именем на лицевой стороне.

С бешено колотящимся сердцем Вивьен берет его и опускает в сумку. Она смотрит, как Сьюзен исчезает за дверью и снова растворяется в толпе скорбящих. Подождав несколько минут, Вивьен покидает туалет и сразу же выходит из паба.

— Подожди! — раздается голос позади нее, не успевает дверь с шумом захлопнуться.

— Я просто иду на станцию, — бросает она через плечо, но это не мешает мужчине ринуться за ней.

Она проклинает свои старые кости за то, что они мешают ей ретироваться.

— Ты на поезд? — спрашивает мужчина. — Я тебя провожу.

Вивьен косится через левое плечо и видит отца Тристана, Джима. Верхняя пуговица его галстука расстегнута, щеки и большой нос картошкой покрыты румянцем заядлого любителя виски.

— В больнице ты показалась мне знакомой, — говорит он отрывистыми фразами, запыхав-

шись.

— Правда? — отвечает Вивьен, мечтая исчезнуть до того, как полный благих намерений Джим увидит ее лицо.

— Да, а позже Сьюзен заговорила о подруге Тристана, Вивьен, и меня осенило, — продолжает он. — Ты меня не помнишь? Прошло много лет, но, надеюсь, я не так уж сильно изменился.

Вивьен останавливается и смотрит на Джима. Вернее, на Джеймса. Как она могла не узнать его раньше? Ее Джеймса, любовь всей жизни, мужчину, который разбил ей сердце — бросил, узнав о беременности.

— Это ты… — лепечет она.

Он действительно изменился. Исчезли волнистые темно-русые волосы, которые так мило торчали во все стороны, — вместо них теперь розовеет пятнистая макушка и топорщится серый подшерсток, как у борзой. Его подтянутое, спортивное телосложение сменилось дородным. Но, присмотревшись, Вивьен замечает в нем черты того, кем он был когда-то. И зеленые глаза с карими крапинками, и привычка приподнимать бровь через каждые пару слов, словно он постоянно что-то подозревает…

— Какое совпадение! — усмехается Джим. —

После всех этих лет ты подружилась с моим сыном. — Он качает головой, удивленный юмором мироздания.

— Совпадение, — кивает Вивьен.

Ее мозг словно замер, она способна лишь повторять то, что говорит он.

— Сомнительно, что Тристан сам узнал об усыновлении, правда же, — говорит он скорее утвердительно, чем с вопросом.

— Чушь. Извини, мне просто нужно успеть на поезд, — бормочет она, отчаянно желая сбежать от него.

Убедившись, что он больше не преследует ее, а вместо этого идет в паб к своей пышногрудой жене и сочувствующим друзьям, Вивьен снова чувствует себя брошенной восемнадцатилетней девчонкой.

Она разворачивается и со всех ног спешит к станции — прочь, прочь отсюда на первом же поезде.

* * *

Поезд Вивьен мчит обратно в Лондон. Она смотрит в окно, но не видит ни домов, ни полей, ни деревьев, проносящихся мимо. В голове прокручиваются события этого дня. Священник любил

часами беседовать с Тристаном, ее другом-атеистом, о религиозных текстах. Бывшая девушка Элли упоминала о вспышках гнева у тревожного, ранимого Тристана. Друзья считают «Моралию» шпионской программой, разработанной для выведывания информации о симпатичных девушках. Мать усыновила Тристана, а он напился и заявил ей, что нашел свою «настоящую мать». И вот теперь Джеймс внезапно вернулся в жизнь Вивьен в роли отца Тристана и что-то там сказал о совпадениях.

Вивьен планировала подождать с этим до дома, но ее переполняет потребность в ответах, в поисках ключевой части головоломки, которая сделает всю картину понятной. Вынув из сумки белый сверток, она вцепляется в него обеими руками. Ее имя написано на обложке мелким, четким почерком Тристана, без соединительных линий меж буквами. Сделав дрожащий вдох, она осторожно отгибает клапан, засовывает руку в пакет и достает листок бумаги, который не видела больше сорока лет. Маленькие черепаховые котята украшают собой писчую бумагу. Восклицательные знаки и сердечки усеивают страницу. Почерк, несомненно, ее собственный.

«У меня прекрасные новости, Джеймси, — я

беременна!!! — скользит Вивьен взглядом по словам. — Не знаю, материнская это интуиция или что-то еще, но я уверена, что будет мальчик, как ты мечтал. Мне очень нравится имя Киран, что думаешь?»

Письмо, которое беременная Вивьен написала своему женатому любовнику. Ее передергивает от той наивности, что сочится с этой странички. Слеза катится по ее щеке, стоит Вивьен вспомнить, каким мучением ее подвергло молчание Джеймса. Тогда она все терзалась: дошло ли письмо до адресата? Может, на почте ошиблись, или вмешалась его разъяренная жена? Постепенно она смирилась с наиболее вероятным исходом: он прочитал письмо и решил забыть о ней.

Но как оно оказалось у Тристана?

Голова Вивьен откидывается на спинку сиденья. Она закрывает глаза, вспоминая ужасные недели в больнице, боль при родах, короткий миг, когда она держала на руках сверток, слова матери о том, что малыш не выжил. И как потом на мозг, чтобы защитить его, впервые обрушилась фуга. Вивьен зажмуривается, пытаясь выжать хоть что-то из смутных воспоминаний, ведь прошли десятилетия. Она складывает руки, будто в них младенец, и вспоминает это ощущение: ребенок

легкий, но его вес чувствуется, малыш сучит ножками, кричит…

Глаза Вивьен распахиваются: перед ней внезапно предстает истина. Ее ребенок выжил, и его звали Тристан.

* * *

Домой она вваливается, спотыкаясь, и тяжело падает на диван, погружающий ее в привычные объятия потертой твидовой ткани. Адреналин, на силе которого она летела домой, начинает улетучиваться, усталость пульсирует в теле и разуме. Прежде чем закрыть глаза, она снова тянется к белому пакету, переворачивает его и встряхивает. Изнутри на пол выпадает маленький черный конверт. Из последних сил Вивьен наклоняется и поднимает его. Она переворачивает конверт в руках, вглядываясь в свое имя на лицевой стороне. Сколько раз она представляла, как отыщет его? Сколько раз гадала о числе внутри? Дрожащими руками она вскрывает конверт и вытаскивает карточку: «Ты умрешь в шестьдесят три».

С криком она отбрасывает конверт на пол, дрожа всем телом. Шестьдесят три! Именно столько ей сейчас.

Заставив свой измученный мозг собраться

с мыслями, Вивьен перебирает в памяти сегодняшние события, ищет подсказки, которые она упустила за четыре года дружбы с Тристаном. И постепенно картинка словно проявляется на пленке.

«Моралия». «Именно в „Моралиях“ впервые упоминаются семь смертных грехов», — сказал священник. Странная фраза Тристана на похоронах Стеллы: «…жизнь человека не зависит от изобилия его имения». После смерти Гордона он сказал Мелвину: «Зло существует, покуда хорошие люди бездействуют». Вивьен считала, что так Тристан демонстрирует свою начитанность, но теперь понимает: все это — отсылки к семи грехам.

Она вспоминает разговор со Сьюзен, представляет Тристана, живущего с родителями, убитого горем после разрыва с Элли… «…он узнал об усыновлении… худший день в моей жизни». Вивьен видит, как он планирует званый ужин, чтобы собрать своих обреченных гостей. Она искала связь между ними — и этой связью все это время был Тристан. Каждый из них, должно быть, каким-то образом обидел его, повинуясь своим грехам. Она предполагает, что он использовал свою хитрую шпионскую программу, названную в честь рели-

гиозного текста, чтобы узнать о них все. Именно поэтому он знал любимые книги, сериалы и прочие увлечения Вивьен. И вероятно, через «Моралию» он отслеживал все их передвижения.

Он приходил за ними, одним за другим. Пока не осталась только Вивьен.

Вот как он все спланировал. Все это время она была в центре внимания. Завистливая мать Тристана, которая, как он считал, бросила его при рождении.

Затем она вспоминает момент, когда они вместе упали в Темзу. Момент, когда он утащил ее в воду, чтобы убить.

— О Тристан, нет! — рыдает Вивьен.

Перед званым ужином
Ноябрь 2015 года
Четырьмя годами ранее

Тристан

У Тристана болят плечи, когда он осторожно спускается по деревянной лестнице, прижимая к себе тяжелую коробку. С каждым шагом бутылки весело звенят, ударяясь друг о друга, и он морщится, умоляя их не разбиться. Меньше всего ему сегодня нужны пятна от красного вина на футболке. Внизу он пробует открыть дверь

плечом, но та слишком тяжелая, поэтому он осторожно ставит коробку на первую ступеньку. При этом свернутый свиток, зажатый было под мышкой, падает на пол. Он встает слишком резко, и его охватывает головокружение. «Ты сможешь, ты сможешь…» Сделав глубокий вдох, Тристан толкает дверь обеими руками, и она неохотно открывается. Его тут же обдает жаром огня в камине, и по вискам вдруг стекает пот. Он выдыхает, ставит коробку на пол и встает во весь рост, чтобы осмотреть комнату.

— Ух ты, — бормочет он себе под нос.

Люстра, увитая плющом, красивый стол с безупречной льняной скатертью и сверкающим столовым серебром, сервировочные карточки, эффектный камин, окруженный картинами в рамах… Все именно так, как он представлял, обитая в своей старой спальне в родительском доме. Не хватает только остальных шести гостей. Он смотрит на часы. Придут через час. Остались последние приготовления.

В темные дни после разрыва с Элли, а затем откровения — родители лгали ему всю жизнь, — он снова обыскал старую коробку из-под обуви и нашел письмо, которое юная Вивьен написала его отцу. Она сообщала «Джеймсу» о своей

беременности всего за несколько месяцев до рождения Тристана. Ему не понадобилось много времени, чтобы разыскать Вивьен и понять, что она за человек. Он даже связался с некоторыми из ее бывших коллег, притворившись, что просит рабочие рекомендации, и каждый раз возникали одни и те же комментарии: «вредная», «противная», «ненавидела меня, потому что я молода/красива/замужем». Каждая история, каждый комментарий изображали завистливую каргу. Даже в ее письме к отцу читалась зависть к его супруге. Тристан решил: такая мать, как Вивьен, никому не нужна.

Вскоре он вновь обнаружил «Моралии на Иова» в своей старой спальне. Это был древний комментарий к Библии, которым он был одержим в подростковом возрасте. В нем перечислялись семь грехов, поражающих человечество. В университете он назвал в честь «Моралий» свою экспериментальную компьютерную программу, представляя ее как софт для работодателей. Этот софт позволял убедиться, что сотрудники действительно те, за кого себя выдают, и находить все их неприглядные секреты, все их грешки. Но спустя годы, снова пролистывая эту книгу, он ощутил озарение, обострившее его ум. В книге

нашлась иллюстрация — грехи в виде животных, одетых как люди. Эти образы запечатлелись в его мозгу, проникали в его сны по ночам и проплывали перед глазами днем. Он начал оглядываться назад и выделять моменты — людей, — пустивших его жизнь с многообещающего пути под откос — в депрессию. И каждым из этих людей управлял какой-либо из семи грехов. Начиная с Вивьен.

И вот созрел его план, который, как он сразу понял, станет его величайшим творением, его проклятием миру, вечным наследием. Выбрав семь грешников, Тристан принялся искать идеальную сцену для своего спектакля. Во-первых, ему нужна была неприметная улица в центре Лондона с укромным и элегантным обеденным залом. Он не хотел, чтобы гостям пришлось ехать слишком далеко до места, но хотел, чтобы это место было легко забыть. Ресторан не должен быть частью сети или проектом крупной компании, поскольку он намеревался платить наличными, чтобы не оставлять цифровых или чековых следов. После часов ночных блужданий большая часть Лондона отпечаталась в его памяти, и с помощью гугл-карт он разыскал ту особенно жалкую улочку, где в подвальчике располагалось

роскошное помещение. Как оказалось, это место много лет назад использовалось для съемок исторических драм, но в основном пустовало с тех пор, как было продано местному бизнесмену с сомнительной репутацией — директору ряда обанкротившихся предприятий. Тристану оставалось лишь позвонить из телефона-автомата и через неделю оставить конверт с деньгами у входа. Он обратился к декоратору, представившись независимым режиссером, жаждущим создать «убедительное пространство для исторической драмы с постмодернистским оттенком». Декорации обошлись ему недешево, но он взял кредит, чтобы покрыть все расходы. Обычно одна мысль о долгах вызывала у Тристана раздражение; здесь же он продолжал убеждать себя, что это неважно, ведь ему не придется этот кредит выплачивать. Остаток бюджета он спустил на высококлассную кейтеринговую компанию, обещавшую первоклассную еду и обслуживание. Хоть бы оно того стоило.

Он поднимает сверток с пола, осторожно, с большим почтением, разворачивает его и возвращается к камину. Выбрав изображение похожего размера справа и достав из кармана клей для постеров, аккуратно заклеивает картину новой.

К счастью, в тусклом свете комнаты она неплохо сочетается с остальными. Он смотрит на семь монохромных изображений и позволяет волнению закипать в животе.

Затем Тристан снова берет коробку, проносит ее через зал и останавливается перед дверью, где обустроена импровизированная кухня. Он слегка просовывает плечо в дверной проем, чтобы дверь приоткрылась на несколько сантиметров. В комнате кипит жизнь: официанты в галстуках-бабочках суетятся, бегают туда-сюда. Если его увидят, он представится курьером из винной лавки, но все же надеется войти и выйти незамеченным. Поэтому он ставит коробку у двери и кладет внутрь большой коричневый конверт. В конверте — список инструкций на вечер: каждому гостю налить хотя бы один бокал красного вина, без каких-либо альтернатив, кроме воды; семь маленьких черных конвертов должны быть розданы незаметно после десерта; минимум взаимодействия гостей с официантами. Он напоминает организатору питания, что планирует роскошную детективную вечеринку, которая станет для всех незабываемой.

Он еще раз смотрит на свое особое вино, прежде чем на цыпочках уйти. В напиток добавлена

небольшая доза рогипнола — залог успеха вечера. Ему нужно, чтобы гости расслабились, их чувства слегка затуманились, а ощущения притупились, словно во сне.

Он возвращается через зал, в последний раз придирчиво его осматривая. Затем поднимается наверх, надевает очки и занимает место в дверях заколоченного магазинчика напротив.

Первым приходит Мелвин. Лень. Наблюдая, как его грузное тело движется по тротуару, Тристан вспоминает, как Мелвин оказался в нужном месте в нужное время в ту ночь — или, может, наоборот? В ту ужасную ночь, когда Элли бросила его, Тристан часами шел и шел по почти тихим улицам города. Наконец уставшие ноги повернули домой. Он сел в ночной автобус, надеясь, что тот отвезет его куда-нибудь на север. Он прошел в конец тихого автобуса, надел наушники и прислонился к прохладному окну, наблюдая, как мимо пролетает мир. Его веки опустились; перебарывая сон, он и не заметил, как в автобус вошла группа молодых людей. Он почувствовал, как что-то ударило его в затылок. Не раздумывая, Тристан обернулся и крикнул: «Что за хрень?!» Трое мужчин вскочили и набросились на него прежде, чем он успел ответить. Один прижал его

к земле, а другой пнул в бок и голову. Водитель автобуса приказал всем четверым выйти. Глядя, как кровь капает из раны на голове, он не мог не понимать, что на улице его добьют. Тристана снова повалили на землю, а затем самый крупный из группы замахнулся ногой, чтобы пнуть его.

— Полиция, остановитесь! — послышался низкий голос, заставив ребят разбежаться.

Тристан почувствовал, как его подняли сильные руки, и крупный мужчина заглянул ему в глаза.

— Ты в порядке, приятель? — спросил мужчина.

Затем он поймал такси и отвез его в ближайшую больницу.

— Вы действительно полицейский? — спросил Тристан мужчину, представившегося Мелвином.

— Да, но не при исполнении, — ответил тот, прежде чем записать его данные и заверить, что свяжется с ним на следующий день, чтобы взять показания. — Мы не позволим этим трусам уйти от ответственности, — сказал он.

После того как Тристану наложили семь швов на лицо и сделали рентген, который показал сломанную скулу, он отправился домой. В течение следующих дней он наблюдал, как синяки

расцветают по всему его ноющему телу, внимательно изучал свое израненное и помятое лицо в зеркале. Элли никогда не примет его обратно — когда он теперь такой. Он неустанно следил за ее социальными сетями, ожидая звонка Мелвина. Но тот так и не позвонил. Поиски в интернете подтвердили подозрения Тристана — этот мужчина был олицетворением лени. Он не отвечал на звонки, откладывал дела в долгий ящик, не уделял времени своей бедной жене. Сейчас, пока Тристан наблюдает, Мелвин быстро находит дверь ресторана и ступает внутрь безо всякого видимого волнения.

Начинается дождь. Тристан надеется, что остальные скоро прибудут. Он не хочет, чтобы его заметили тут, у ресторана. Пускай все поверят, что он всего лишь очередной гость, приглашенный на таинственный ужин. Затем с визгом колес тормозит авто. Вспотевший водитель быстро выскакивает из машины с зонтиком и обходит его, чтобы открыть заднюю дверь. Джанет выбирается наружу и нетерпеливо шагает по тротуару, а водитель изо всех сил старается не отставать и держать зонтик над головой. Тристан наблюдает за ними, разглядывая красные подошвы ее туфель и вспоминая, как ее ненасытность чуть

не разорила его. Он был безработным несколько недель, и вот согласился помочь разработать технологию для нового приложения — магазина винтажной одежды, которым владела некая Джанет Тилсбери. Они с Элли тогда как раз планировали купить жилье. Элли унаследовала немного денег после смерти бабушки, поэтому Тристан отчаянно копил на свою часть первого взноса. Вскоре после того, как он начал работать с Джанет, она созвонилась по видео с ним и четырьмя другими сотрудниками-удаленщиками. Улыбка Джанет озарила экран: женщина с восторгом объявила, что у них есть фантастическая возможность. Ее приложением заинтересовалась крупная компания, захотевшая приобрести этот софт до конца финансового года. У каждого из них есть уникальный шанс заработать, вложись они в компанию сейчас, поскольку продажа приложения гарантирует «десятикратный возврат инвестиций». Джанет даже продемонстрировала электронное письмо от компании, чтобы доказать, что ее бизнесом заинтересовались. Когда Тристан рассказал об этом Элли, она сразу же предложила вложить туда все ее наследство плюс его накопления. Таким образом, все их деньги ушли на приложение, как и многие часы работы

Тристана.

Однажды тем летом Элли вернулась домой воодушевленная. Она увидела «идеальную квартиру» в Ист-Финчли. Потребуется небольшой ремонт, но кроме этого — никаких серьезных препятствий, а еще рядом метро и прекрасный парк. Они подали заявку на осень, рассчитывая именно тогда получить деньги от продажи компании. Но в конце августа его письма, адресованные Джанет, все еще оставались без ответа. Его коллеги тоже не смогли с ней связаться. В конце концов через сайт деловых новостей они узнали, что приложение было продано за «рекордные семь миллионов фунтов стерлингов» американской компании с четким планом уволить существующий персонал и нанять своих. Все фрилансеры сотрудничали неофициально, поэтому Джанет даже не рассчиталась с ними за работу, не говоря уже о том, чтобы вернуть инвестиции или выплатить десятикратную прибыль. В новости упоминалось, что изначально затею финансировал ее «муж-миллионер». Но Тристан догадывался, что деньги мужа Джанет спустила на развлечение клиентов, либо на подарки знаменитостям, чтобы те согласились носить ее продукцию, либо на собственный гардероб.

Потому она и обратилась к своим сотрудникам за пополнением запасов. Элли была безутешна. Она клялась, что не винит его, но после этого их отношения уже никогда не были прежними. Все из-за ненасытности — обжорства — Джанет.

Джанет и ее водитель трижды прохаживаются взад-вперед по тротуару; она грубо его отчитывает, и он наконец находит вход. Джанет отступает, давая водителю открыть для нее дверь, и гордо шествует внутрь, не говоря ни слова и не оглядываясь.

Дождь усиливается, Тристан съеживается в дверях магазина, не отрывая взгляда от ресторана напротив. Его джинсовая куртка промокла, очки забрызганы каплями дождя. Затем он замечает фигуру, идущую по его стороне дороги. Он отворачивается, чтобы скрыть лицо, и делает вид, что печатает эсэмэску. Кажется, вот-вот Мэттью услышит, как колотится его сердце… Тот уверенно шагает по тротуару, чуть не сбивая Тристана с ног, под огромным черным зонтом с невыносимо броским названием его инвестиционного банка. Тристан пока что отчаянно не хочет, чтобы его заметили, и все же его раздражает, что Мэттью не извиняется за то, что врезался в него.

Грех Мэттью — похоть. Он появился на страни-

це Элли в «Фейсбуке» всего через шесть недель после их расставания. Судя по тому, что Тристан прочел в ее письмах (благодаря «Моралии»), Элли все еще переживала из-за разрыва, возможно, даже подумывала вернуть Тристана. Во всяком случае, она размышляла, не ответить ли ей на звонок или на его многочисленные письма. Но затем Мэттью легко подцепил Элли в ночном клубе, воспользовавшись ее удрученным состоянием. Он обольстил ее шикарными ресторанами и походами в театр, показал, что она способна найти счастье с кем-то другим. А потом, добившись своего, безжалостно разорвал все связи и переключился на следующую девушку.

Оставаясь через дорогу, Тристан видит, как Мэттью на мгновение останавливается у двери «Серендипити», вытаскивает из кармана приглашение, а потом убирает зонтик и входит внутрь.

Он слышит самодовольный голос Гордона, который с прижатым к уху телефоном идет быстро, плотно натянув капюшон плаща на голову. Он продолжает разговор, а сам уже озирается в поисках двери.

Гордыня, как известно, худший из грехов. Тристан так и не простил Гордону того, что тот сделал в его студенческие годы. Да, в том, что Тристан

в порыве гнева столкнул своего однокурсника Малкольма с лестницы и навсегда оставил его без регби, не было причин для хвастовства — хотя Малкольм и заслужил этот толчок. Однако Тристан определенно не заслужил того, что с ним случилось дальше. Его дело было передано в университетскую комиссию, в которую также входил доктор Гордон. Поскольку Тристан уже вплотную подходил к окончанию университета, у них была возможность позволить ему доучиться, да только Гордон яростно возражал против этого решения и переубедил других членов совета. В результате Тристана выгнали после почти трех лет учебы, и диплома он так и не получил. Без каких-либо рекомендаций он не мог ни найти нормальную работу, ни поступить в другой университет. Он никогда не бывал на лекциях Гордона, но у них состоялась встреча, которую, он уверен, Гордон помнил. Однажды днем, когда он спешил на лекцию, Тристан понял, что ему срочно нужно в туалет. Единственные туалеты поблизости были учительскими, но ситуация была экстренная, поэтому он юркнул внутрь. Из своей кабинки Тристан слышал, как скрипнула дверь… а затем кого-то вырвало. Когда все стихло, он вышел из кабинки и увидел доктора Гордона, с ужасом

уставившегося на него. Тристан пробормотал нечто вроде «поправляйтесь» и убежал. В тот момент его поразило, насколько странным был взгляд, которым Гордон его одарил — взгляд, полный вины, словно тошнота была вызвана вовсе не болезнью желудка. До Тристана доходили слухи, циркулировавшие по кампусу, о странном поведении доктора и его ужасном дыхании. Так ему и стало ясно, что этот инцидент настолько уязвил гордыню доктора, что тот ухватился за возможность убрать Тристана.

— В таком случае буду ждать от тебя письма в ближайшее время, — бросает Гордон в телефон, прерывает звонок и распахивает дверь «Серендипити».

Тристан смотрит на часы. Шесть минут девятого. Двое последних гостей немного опаздывают. Тут подъезжает черное такси, и из него выходит Стелла. Она смотрит на улицу с таким отвращением, что Тристан начинает бояться: вот-вот она прыгнет обратно в такси и уедет. Но, глядя в ее глаза, он вспоминает о ее жадности. После отчисления из университета он основал собственную фриланс-компанию, но, не имея диплома или рекомендаций с предыдущих мест работы, ему было трудно раскрутить этот проект. Примерно в

то время он и познакомился с Элли, работавшей в книжном магазине, и был поражен, когда она согласилась выпить с ним кофе. Его слова, что он работает на себя, произвели на нее такое впечатление, что он скрестил пальцы в надежде как можно скорее заполучить клиентов. Несколько дней спустя, на форуме фрилансеров, он увидел пост модного видеоблогера StellaStylez, которая искала IT-сопровождение для создания видео на «Ютубе». Зарплату она предлагала мизерную, но, в отсутствие других вариантов, он отправил ей сообщение. Она сразу же позвонила ему, возмущаясь тем, что у блогеров-конкурентов «триллионы подписчиков» и спонсорские контракты, хотя видео их посредственные (правда, сама она выразилась грубее). Беглого взгляда на страницу Стеллы было достаточно, чтобы Тристан увидел проблему: ее любительские видео публиковались нерегулярно, иногда с интервалом в несколько недель; также она редко отвечала на комментарии подписчиков, а если и отвечала, то пренебрежительно и скупо. Вопреки здравому смыслу, он согласился работать с ней.

И так разверзся настоящий ад. Стелла спала большую часть дня, а затем всю ночь осыпала его бесконечными жалобами, ссылками на по-

следние посты конкурентки, и все ее сообщения завершались текущим числом подписчиков рядом с хмурым эмодзи. Она отправляла ему заготовки видео, порой давая считаные минуты на монтаж и публикацию. Любые свидания с Элли заканчивались тем, что он получал шквал сообщений от Стеллы и был вынужден спешить домой, чтобы смонтировать видео. Недели шли, количество просмотров и подписок на StellaStylez благодаря его помощи росло в геометрической прогрессии. Тристан установил «Моралию» на ноутбук Стеллы, чтобы получить доступ к ее электронной почте, и с удовлетворением наблюдал, как ее почтовый ящик заполняется приглашениями на интервью, предложениями бесплатной одежды, ужинов в ресторанах и походов на модные мероприятия. Однако она ни разу не поблагодарила его, не повысила зарплату и даже не выказала радости насчет феноменального успеха ее канала. Тристан же утешал себя мыслью, что сотрудничество с ней поможет ему зарекомендовать себя в мире видеоблогов и принесет новых заказчиков.

Однажды утром Тристан зашел на сайт и увидел, что количество ее подписчиков за одну ночь подскочило со ста двадцати одной тысячи до

двухсот пятидесяти двух. Теряясь в догадках, как это могло произойти, он написал Стелле. Несколько часов спустя она сообщила, что его услуги «больше не требуются», и тут же удалила его из списка контактов. Из ее писем он узнал, что отец-адвокат купил дочери дополнительных подписчиков и тем самым принес ей целых два спонсорских контракта. Внимательно прочитав договор, который Стелла заставила его подписать, Тристан обнаружил пункт о неразглашении — он не имел права работать на конкурентов Стеллы и даже упоминать о работе с ней. Все оказалось напрасно. Не имея за душой почти ни гроша, он лишился возможности заработать в сфере, которую знал лучше всего. Элли отнеслась с пониманием и оплатила их следующие несколько свиданий, пока он искал работу, но все, о чем он мог думать, — это о богатом отце-адвокате Стеллы, о ее оплаченной квартире в Кенсингтоне, ее почти что новеньком «порше» на подземной парковке. У Стеллы было все — и она продолжала требовать большего. Жадность. Единственное, на что мог надеяться Тристан, — это доказательство отвратительного троллинга Стеллой ее конкурентов. У него было предчувствие, что однажды это может пригодиться.

Стелла, казалось, еще раздумывала, и Тристан затаил дыхание. Но что-то словно тянуло ее к «Серендипити», так что она, держа над головой большую сумку в качестве импровизированного зонта, вприпрыжку побежала к двери.

Теперь оставалась только Вивьен. Зависть. Седьмой грех — гнев — он приписал себе. В конце концов, Элли как-то предложила ему пойти на курсы управления гневом. Он тогда рассмеялся, но она говорила совершенно серьезно. Теперь он улыбается про себя: что ж, если Элли думает, что у него проблемы с гневом, почему бы это не доказать? Пока он ждет Вивьен, дождь усиливается. Он поднимает взгляд, позволяет каплям намочить лицо и волосы. Именно этот миг он планировал так давно. И поэтому он хочет лично проводить ее внутрь. Он смотрит, как подъезжает ее такси, видит, как она выходит на тротуар. Тристан быстро переходит дорогу и слышит ее ругань, когда такси отъезжает.

— «Серендипити» ищете? — спрашивает он.

Кладбище
Май 2025 года

Киран

Он смотрит на рыдающую женщину, которая бредет по кладбищу. Долговязый подросток с криво повязанным галстуком обнимает ее с одной стороны, а девочка помладше держит ее за другую руку, рассеянно сжимая букет белых цветов. Лепестки незаметно осыпаются на траву за их спинами, будто девочку специально наняли разбрасывать цветы на похоронах. Следом идут двое мужчин: один средних лет с темными вью-

щимися волосами, тронутыми сединой, другой — постарше, но очень стройный и высокий, с густыми седыми волосами. («Везунчик», — думает он, почесывая лысую голову под кепкой.) Мужчина постарше промокает глаза большим белым платком, а молодой то и дело поглядывает на плачущую женщину. Та теперь у могилы, присела на корточки рядом с девочкой и прижимает к груди потрепанный букет. Вдруг она поднимает хмурый взгляд и смотрит куда-то в его сторону. Инстинктивно он поднимает воротник и склоняет голову. Но волнуется он напрасно: скамейка, на которой он сидит, находится в добрых пятидесяти метрах от нее и скрыта раскидистой магнолией. Это большое кладбище, он мог прийти почтить память любого из сотен усопших. Но нет. Он здесь ради той же персоны, что и эта женщина. Ему просто нужно оставаться незамеченным.

— Не возражаете, если я посижу рядом с вами? — спрашивает голос, и он едва сдерживается, чтобы не вскочить и не убежать.

— Э-э… да, конечно, — бормочет он, сложив руки и опустив глаза.

Если притвориться, что он молится за покойного, женщина не заговорит с ним. Та не понимает намека.

— Вы кого навещаете? — спрашивает она; деревянная скамейка трясется, когда она плюхается рядом с ним.

Он держит голову опущенной, но краем глаза замечает фиолетовое пальто.

— Дедушку. Его похоронили на прошлой неделе, — отвечает он, указывая на ближайшие надгробия.

— О, как жаль это слышать, — говорит она тем же тоном, каким могла бы прокомментировать ненастную погоду или безнадежного премьер-министра.

— Ему было за девяносто, — машинально отвечает он.

— Я Салли. Вон там хоронят мою бывшую коллегу, — говорит она, указывая на группу скорбящих, за которой он наблюдал и к которой постоянно прибывали все новые люди.

— Киран, — бормочет он, по-прежнему не оборачиваясь к ней и не протягивая руки.

— Я не видела ее много лет, но, узнав о ее смерти, решила все-таки прийти. Она была довольно одинокой женщиной — незамужней, бездетной, и в ее жизни было мало событий, — продолжает Салли. — К тому же, я слышала, они арендовали для поминок то шикарное бистро за углом. Там

готовят лучший сатай с креветками, какой вы когда-либо пробовали.

Пока она болтает, скорбящие продолжают прибывать; затем появляется большая группа седовласых дам, вызывая хор разговоров и даже смех.

— Они все пришли ради нее? — обращается он скорее к себе, чем к женщине.

— Должно быть, — широко раскрывает глаза она. — А я-то думала, что никто не придет. Похоже, пришло уже больше двадцати человек, и это даже не последние.

Шесть лет назад он наблюдал, как небольшая группа скорбящих собралась на другом кладбище. Конечно, идти туда было рискованно, но он не смог устоять перед соблазном присутствовать на собственных похоронах. Кому еще выпадет такая возможность? В тот день он надел твидовую кепку и мешковатый бежевый костюм из комиссионки. Чтобы завершить образ, он сжимал в руках деревянную трость и, согбенный, шаркал ногами, занимая место на каменной скамье в дальнем конце церковного двора — то было идеальное место, чтобы наблюдать за происходящим тем утром. Он впервые увидел Вивьен с тех пор, как они вместе упали с моста, и был потрясен тем,

как она постарела всего за полгода. У нее была собственная металлическая трость, выданная Национальной службой здравоохранения, и она казалась еще более хрупкой, чем он когда-либо ее видел. Она тяжело опиралась на руку Кэт, пока коротко разговаривала со Сьюзен, прежде чем пойти в церковь.

Элли приехала вскоре после этого — и без мужа-качка, держащего ее за руку, как он представлял себе после смерти Мэттью. Он был рад видеть, как она вытирает слезы и делает глубокий вдох у входа в церковь. Очевидно, его «кончина» потрясла ее. Может, она наконец пожалела о разрыве их отношений, подумал он. А потом он увидел старых университетских друзей, чья радостная болтовня немедленно стихла, стоило оказаться рядом его скорбящей матери. Он представлял, как они вспоминают старые студенческие времена, все эти истории, в том числе и первое адское похмелье. Пальцы его ног дергались в подержанных ботинках. Он так и не простил им, что они подсыпали ему что-то в напиток.

К сожалению, он не смог войти внутрь, но с удовольствием послушал гимны. Затем встал, чтобы уйти, но был застигнут врасплох Вивьен, ковыляющей прочь из церкви, одинокой и явно

взволнованной. Она окинула взглядом церковный двор, и он резко сел, охваченный страхом, что она каким-то образом догадалась о случившемся и сейчас же бросится ему навстречу. Но нет — она отвернулась от церкви и медленно пошла по дороге к деревенскому пабу. После этого момента испуга он решил, что достаточно злоупотребил гостеприимством. Оставив трость на каменной скамье, он перепрыгнул через ограду, подобрал свой старый велосипед и рюкзак на дорожке за церковью. Не оглядываясь, он пустился в дальнюю поездку до ближайшего большого города, где сел на поезд, который должен был увезти его в новую жизнь.

— Наверное, мне стоит пойти к ним, — говорит Салли, наконец вставая. — Боже, надеюсь, на моих похоронах будет столько же людей. А она ведь была такая противная!

Он смотрит, как ее толстые лодыжки и полы пышного пальто «вспахивают» траву по пути к все увеличивающейся толпе. И выдыхает с иронической улыбкой: в этом коротком разговоре эта женщина проявила зависть, гордыню и жадность. Три из семи смертных грехов. Да и если присмотреться, они были повсюду.

Пока он наблюдал, большая группа людей у мо-

гилы Вивьен постепенно притихла, и священник в длинном белом одеянии медленно подошел к импровизированному аналою у изголовья могилы, склонил голову и сложил руки. Он не слышал, что говорил священник, но тоже бормотал молитву за Вивьен. Все обернулось не совсем так, как он ожидал — по крайней мере, в конце, когда дело дошло до ее убийства.

Сам званый ужин прошел идеально, гости показали себя достойными своих грехов — и своей смерти. Он нервничал, когда ждал Стеллу на станции метро. В конце концов, она станет его первой. Однако он заранее разузнал, что она будет на пресс-вечеринке и поедет обратно на метро, ведь до ее дома было всего несколько остановок. Он нашел табличку «Вход воспрещен», подождал, пока Стелла пройдет мимо, и поставил табличку перед лестницей, чтобы никто больше не шел этим путем. Он плотно натянул черный капюшон на лицо и ждал в тени, пока не почувствовал теплый воздух приближающегося поезда. Стелла печатала сообщение, в другой руке у нее была охапка подаренных цветов. Она шагнула вперед, услышав приближение поезда. Легкий толчок отправил ее головой вперед; даже падая, она все еще сжимала любимый телефон.

Смертью Мэттью он гордится больше всего. Его бы точно не удалось столкнуть под такси или под поезд. Это потребовало творческого мышления, серьезных инженерных решений, а его исследования тем временем показали, что Мэттью в прошлом страдал от депрессии. Несомненно, это из-за ужасного детства и жестокой матери. Мэттью все еще принимал антидепрессанты. Поэтому он решил напомнить Мэттью, откуда он вылез и кого он скрывает под элегантными костюмами и дорогостоящими винирами. Он воспользовался одним из своих альтер-эго в «Фейсбуке» и присоединился к старой школьной группе Мэттью. Притворился, что учился в одном классе с ним, а вскоре вычислил главного из хулиганов — Гарета Аткинсона, который теперь жил в Лондоне. Связавшись с ним, за разговором о «бедном старине Мэттью» он сказал парню, что поддерживает с ним связь, и предложил всем вместе пойти выпить в то же место, где, насколько он знал, Мэттью должен был встретиться с очередной девушкой. Да, вот это было потрясени для банкира… Затем он создал фальшивый профиль Гарета и отправил несколько угрожающих сообщений. В конце концов, Мэттью согласился встретиться с «Гаретом»

на работе — и до чего же было удобно появиться там, притворяясь случайным прохожим, и предложить Мэттью помощь. Они поднялись на крышу подышать свежим воздухом, и — что ж, Мэттью в итоге почти не пришлось уговаривать. После этого он специально подбросил перчатку Джанет на крышу. Он держал ее в кармане с тех пор, как подобрал в «Серендипити», надеясь, что кто-нибудь ее обнаружит. Он с трудом сдержал смех, когда Вивьен вытащила ее на поминках Мэттью и обвинила Джанет в убийстве.

Как только Джанет смирилась с тем, что близится ее число, она позволила греху полностью овладеть ею: пустилась бесконтрольно есть, выпивать, покупать и заниматься сексом. Он несколько раз проследил за ней после работы и так выяснил, что почти каждый вечер она проводила у собственного зятя. Она появлялась дома около двух часов ночи, пьяная и шатающаяся, ведь ее ноги с каждым днем все больше отекали из-за растущего веса. Было так легко — почти до смешного! — столкнуть ее с тротуара прямо под такси. Он позаботился, чтобы это произошло на дороге без камер, и организовал все так, чтобы такси подъехало в самый нужный момент.

Смерть Гордона в конечном итоге оказалась

довольно простой — и, возможно, следствием собственной вины доктора, поскольку никто не заставлял его есть пирог полностью. Однако он с трудом разжился яблочным пирогом в пекарне рядом с домом Гордона, выбросил его, а затем испек свой собственный, с достаточным количеством кунжутных семян. Он знал о перееданиях Гордона, как и о булимии, и был уверен, что тот не устоит перед яблочным пирогом и не остановится, пока не съест все до крошки.

Он с интересом наблюдал, как рушилась жизнь Мелвина из-за его неспособности принимать решения. В конце концов избавиться от него оказалось так легко. Мелвин сделал большую часть работы сам; его просто нужно было подтолкнуть. Он надел бейсболку, оставил очки дома и следовал за Мелвином и Кристианом, пока те прыгали из бара в бар в тот вечер. Он видел, как они спорили у одного клуба, и опустошенный Кристиан спрашивал Мелвина, спал ли он на самом деле с мужчиной, с которым они только что столкнулись. Мелвин отшутился: «Разве не все геи так делают?» — на что испуганный Кристиан ответил: «Лично я — нет». К тому времени, как они добрались до ночного клуба в Сохо, Мелвин едва мог стоять прямо. Подойти к нему, сунуть

ему пакетик с таблетками и прошептать: «Секс под экстази — просто улет», оказалось несложно. Мелвин лишь глупо улыбнулся ему, слишком нализавшийся, чтобы узнать его или даже осознать, что «поставщик» не просил с него денег. На следующий вечер он увидел сообщение от Вивьен о том, что Мелвин в больнице, и сразу понял: отравленные лекарства подействовали.

А потом была сама Вивьен… Все три года после званого ужина она вела себя совсем не так, как он ожидал. С изумлением он наблюдал, как она постепенно менялась, отталкивала от себя зависть. Она пригласила Кэт и Чарли жить к себе, научившись любить их обоих; она освоила технологии и собрала армию онлайн-поклонников благодаря интересному и глубокому контенту. Их дружба возникла из ниоткуда, удивляя его на каждом шагу. И как бы он ни пытался отвязаться от нее, ссылаясь на панические атаки, разбитое сердце, депрессию, как бы грубо ни игнорировал ее сообщения и дни рождения, она цеплялась за их дружбу и возникала рядом снова и снова. Вот почему та ночь на мосту далась ему так тяжело. Он знал, что должен это сделать, и все же где-то в глубине души ненавидел себя. Но даже после того, как он это пережил, она снова его удивила.

Он спланировал все с предельной точностью, неделями наблюдая за приливом. Несколько раз даже репетировал «падение», выбирая наилучшую точку, откуда он сможет выбраться из реки, и изучал, как ведут себя утопающие. Все прошло идеально по плану — за исключением того, что Вивьен не погибла. Она говорила ему, что не плавала с подросткового возраста, когда родители возили ее на Французскую Ривьеру. Там была длинная история о том, как ей пришлось бороться с глубокими водами и как ее спас красивый француз. Ее здоровье в то время уже было слабым, и у нее выдался напряженный день, так что он убедился, что вымотал ее долгой прогулкой, и лишь после этого повел к мосту. Он был убежден, что у нее нет шансов.

Он встает и в последний раз обводит взглядом скорбящих. Их число намного превосходит его ожидания. Все они здесь — словно в дань уважения тому, насколько Вивьен изменила свою жизнь за последние десять лет. Он смотрит на Кэт, Чарли и Ангарад — и видит семью, оплакивающую мать и бабушку. Жених Вивьен, Айан, тоже измучен, он открыто рыдает. На закате жизни она нашла любовь — настоящее чувство, а не подростковое увлечение. После первого

неудачного свидания Айан не принял отказа и в конце концов втянул Вивьен в шестилетний роман, включающий круизы и уроки бальных танцев. Сайт Вивьен продолжал процветать, и она заработала преданных подписчиков среди «свободомыслящих женщин». В конце концов она продала его за хорошие деньги, которые потом могла наследовать Кэт.

На своих похоронах он видел, как Вивьен оплакивала его и испытывала ненужное чувство вины из-за то, что единственная выжила после «Серендипити». Или, по крайней мере, так она думала. Именно в это он заставил ее поверить — впрочем, как и всех остальных. В ту ночь он видел, как береговая охрана искала его в Темзе. Удостоверился, что они видели, как он ушел под воду. Шесть месяцев спустя они пришли к выводу, что он умер — хотя тело так и не нашли, — и с тех пор он мог безопасно начать новую жизнь. В роли Кирана, тихого парня, работающего в крошечной деревенской библиотеке посреди Йоркширских долин.

Наблюдая, как гроб Вивьен опускают в землю, он позволяет единственной слезе скатиться по щеке.

А ведь Вивьен хорошо распорядилась пода-

ренным ей остатком лет. Он не знает наверняка, попал ли к ней пакет, который он оставил в своей старой спальне, но предполагает, что Сьюзен могла передать пакет Вивьен на его похоронах. Сразу после ужина в «Серендипити» ему повезло: на тротуар высыпалось все содержимое сумочки Вивьен, включая конверт. Он быстро сунул его в карман, инстинктивно предчувствуя, что неведение обернется для нее еще большим вредом в долгосрочной перспективе. Впервые оказавшись в коттедже Вивьен, под предлогом «генеральной уборки» на ноутбуке, он установил «Моралию», чтобы отслеживать ее переписку и поиск в интернете.

Он не знает, открывала ли Вивьен конверт, но полагает, что она не устояла. Если он прав, то она увидела свое число — шестьдесят три; именно столько ей было на мосту в ту ночь. Значит, она поняла, что «падение» с моста на самом деле было попыткой оборвать ее жизнь. Что ж, ей удалось прожить лишних семь лет, прежде чем смерть все-таки пришла. Возможно, Вивьен так и не открыла конверт и прожила остаток дней, по-прежнему гадая, кто же на самом деле созвал гостей на ужин. Эта женщина всегда удивляла его. И он, похоже, унаследовал ее упорство. Он бы

все отдал, чтобы просто быть рядом в тот момент, когда она найдет то старое письмо к Джеймсу. Письмо, доказывающее, что он ее сын — сын, от которого она отказалась много лет назад. Вместе с документами об усыновлении и письмом Вивьен он нашел под кроватью родителей и другие письма — например, переписку между матерью Вивьен и его отцом: от обвинительного тона они перешли к переговорам, потом к согласию и к плану действий. Он всегда думал, что Вивьен знала об их соглашении и полностью поддерживала его, желая построить журналистскую карьеру без сына на горбу. Но затем, в его сороковой день рождения, она рассказала о состояниях фуги, начавшихся с того дня, как он родился. Тогда-то он и понял: мать Вивьен солгала ей. Вивьен всю жизнь думала, что ее ребенок мертв. Эта новость усложнила его дилемму той ночью на мосту. Но потом он вспомнил ее эгоистичные слова в письме Джеймсу, и ее завистливые поступки, совершенные с тех пор. Поэтому он решил, что она заслуживает смерти — вслед за остальными, как он и планировал. И все же они оба выплыли и она осталась жить — по крайней мере, еще на несколько лет.

Он покидает кладбище. По пути он понимает,

что Вивьен была права во многом, но ошибалась в одном: он не горел желанием дать гостям шанс измениться к лучшему. И все же — взгляните, как вся эта история пошла на пользу Вивьен! И все благодаря ему.

* * *

У почтового ящика он выуживает шесть конвертов из сумки, затем опускает их в щель один за другим. Приглашение на шикарный ужин? От такого никто не откажется. С легкой улыбкой он идет дальше по улице. Чуть ли не спешит, ведь пора домой. Впереди много работы…

Благодарности

Спасибо всем читателям, которые взяли эту книгу в руки, получили от нее удовольствие и порекомендовали ее другим.

Спасибо моему агенту Саманте Брейс из издательства *Peters Fraser + Dunlop*, чей энтузиазм буквально передавался мне с экрана во время нашего первого чата в «Зуме», а позже и в реальной жизни. Ваша бьющая через край уверенность в романе воплотила все мои мечты в реальность.

Кстати, о компьютерных экранах: я никогда не забуду свой первый видеосозвон с выдающимся редактором М. Дж. Джонстоном из *Sourcebooks*. С того самого первого разговора и в каждом последующем обмене мнениями вы восхищали меня добрыми словами в адрес этой книги, юмором, верой в мои писательские способности и заразительной любовью к своему делу. Ваш блестящий вклад в роман, наряду с зорким глазом Лив Тернер и проницательными комментариями моего британского издателя Женевьевы Пегг, подняли текст на новый уровень. Не могу выразить вам всем свою благодарность. Спасибо моим гуру

рекламы и продаж из *Sourcebooks* — Кристине Арреола, Хартли Кристенсену и их команде, придумавшей план, который заставил меня замереть в восторге, продемонстрировав невероятную веру в мое произведение.

Спасибо Ребекке Уирмот, руководителю отдела международных прав в *Peters Fraser + Dunlop*, за ваше уверенное представление интересов авторов за рубежом.

Я благодарна Кимберли Глайдер за потрясающую обложку.

Спасибо также небольшой группе выпускников *Curtis Brown Creative* — за постоянную поддержку, ценные отзывы о моей работе и за то, что вы подставили мне плечо, когда все пошло не по плану. Линда О'Салливан, Никола Мастерз, Зои Ранкин и Сузи Ловлок, вы все — замечательные авторы.

И особенная благодарность Ребекке Хилтон. Наши регулярные телефонные звонки, а также консультации помогли мне написать эту книгу. Ребекка неизбежно заканчивала фразой: «Просто продолжай». Отличный совет!

Спасибо моей подруге, Саманте Уилкокс, за годы увлекательного чтения журналов; теперь она присоединилась ко мне, чтобы вместе познавать издательский мир. Желаю еще много поездок

в Харрогейт, которые всегда будут заканчиваться походом к Бетти!

Благодарю мою подругу доктора Соню Вуйович за мягкую поддержку моего творчества, и в особенности за дельные советы по отдельным аспектам исследования доктора Гордона.

Спасибо сестре, Дженне Грилиш, моей первой читательнице и вдохновительнице этой книги. Ты вселила в меня уверенность: получится что-то стоящее, а твои предложения о том, кто мог бы сыграть семь ролей, «когда по книге снимут фильм», оживили моих персонажей. Спасибо моим родителям, Кристин и Чарли Харден, которые с юных лет поощряли мою любовь к чтению и прививали мне вкус к хорошим книгам, включая произведения Роальда Даля, Джуди Блум, Дина Кунца и серии *Point Horror*, и заботились о том, чтобы каждый день рождения и Рождество увеличивали мою стопку книг на будущее.

Отдельно хочу сказать о моих замечательных сыновьях, Луке и Томми, — это мой неиссякаемый источник радости, смеха и вдохновения. Я так горжусь вами обоими!

И наконец, огромное спасибо моему мужу Энтони. Ты всегда верил, что я смогу. Ты поддерживал меня на каждом этапе работы, становясь бесцен-

ным голосом разума, юмора и ободрения. Мне очень повезло, что я встретила тебя много лет назад в самом популярном ночном клубе Лондона.